

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 1 (18) 2026

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующий кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Конякин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Таиланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urv.kubsu.ru>

Адрес редакции: Рашилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 26.03.2026. Дата выхода в свет: 30.03.2026.

Усл. печ. л. 9. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2026.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 1 (18) 2026

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Professor of the Department of Business and International Private Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyskansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Stesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Fayzali R. Sharifzoda, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major General of Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Alexander N. Shitov, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Faculty of Law of Chiang Mai University of the Kingdom of Thailand

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urv.kubsu.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 26.03.2026. Release date: 30.03.2026.

Usl. pech. l. 9. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

The cover of the magazine is registered as an industrial design patent by the Federal Service for Intellectual Property on 28.02.2024 RU No 140792

© "**Legal Bulletin of the Kuban State University**", 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Антонов А.Г.</i> Понятие и содержание правового института налоговой льготы.....	7
<i>Берлизов М.П.</i> К вопросу о согласованности и комплексности внесения изменений в законодательство РФ на примере законодательства об объектах культурного наследия.....	14
<i>Жеребцов А.Н.</i> Миграционный процесс как фактор, определяющий сущность миграционного права.....	21
<i>Пащенко И.Ю.</i> Законопроект об искусственном интеллекте: перспективы принятия и концептуальные проблемы.....	28

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Коршакова К.В.</i> О некоторых проблемных аспектах правоприменительной практики при рассмотрении судами индивидуальных трудовых споров.....	38
<i>Щенникова Л.В.</i> Защитная функция нотариата в отражении судебной практики оспаривания исполнительных надписей по кредитным договорам.....	49

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Куфлева В.Н.</i> Учет снятой или погашенной судимости при оценке личности виновного: состояние практики и перспективы закона.....	57
<i>Миликова А.В.</i> Принципы составления уголовно-процессуальных актов.....	66
<i>Улитин И.Н.</i> Потерпевший как факультативный (особенный) признак состава преступления: проблема понимания.....	73
<i>Ярмухамедов Р.Ф.</i> Правовая природа антикоррупционной проверки прокуратуры: гибридная модель в условиях процессуального вакуума.....	82

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Artem G. Antonov</i> The concept and content of the legal institution of tax benefit.....	7
<i>Mikhail P. Berlizov</i> On the issue of consistency and complexity of amendments to the legislation of the Russian Federation on the example of legislation on cultural heritage sites.....	14
<i>Aleksey N. Zherebtsov</i> Migration process as a factor determining the essence of migration law.....	21
<i>Ilya Y. Paschenko</i> Artificial intelligence bill: adoption prospects and conceptual challenges.....	28

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Katarina V. Korshakova</i> On some problematic aspects of law enforcement practice in the consideration of individual labor disputes by courts.....	38
<i>Larisa V. Shennikova</i> The notary's protective function in reflecting the judicial practice of challenging executive orders under loan agreements.....	49

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Valentina N. Kufleva</i> Taking into account a removed or expunged criminal record when assessing the personality of a culprit: the state of practice and prospects of the law	57
<i>Anna V. Milikova</i> Drafting principles of the criminal procedure acts	66
<i>Ilya N. Ulitin</i> The victim as an optional (special) feature of the crime: the problem of understanding	73
<i>Rinat F. Yarmukhamedov</i> Legal nature of the prosecutor's office anti-corruption inspection: a hybrid model in the context of a procedural vacuum	82

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-7-13>

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ

Антонов А.Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Антонов А.Г. Понятие и содержание правового института налоговой выгоды. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-7-13>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Антонов Артем Геннадьевич, соискатель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (953) 928-90-77

E-mail: antonov.sudrf@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Статья принята к печати: 26.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: *Целью* исследования является изучение содержания правового института налоговой выгоды, определение основных признаков налоговой выгоды с точки зрения доктрин, сложившихся в науке налогового права и законодательстве, а также с учетом последних важных дополнений в Налоговый кодекс Российской Федерации.

В исследовании были решены следующие *задачи*: обосновано, что российский правопорядок использует в практике налоговых правоотношений положения и рекомендации практически всех доктрин: сделка по шагам (step transaction doctrine), преобладание существа над формой (equity above the form), деловая цель (business purpose), реальности затрат, «одна рука», фактическое место деятельности; проведена корреляция между положениями гражданского и налогового законодательства в части соответствия налоговых и гражданских доктрин в сфере предпринимательской деятельности.

В результате исследования отмечается, что доктринальный исторический аспект формирования института налоговой выгоды определяется многовековым развитием правовых доктрин добросовестности налогоплательщика, приоритета содержания над формой, деловой цели и других, наиболее важные из которых легализуются в положениях судебной практики, в нормах законодательства, формируют важные признаки правового института налоговой выгоды.

Ключевые слова: налоговая выгода, налогоплательщик, деловая цель, преобладание существа над формой, доктрина добросовестности, доктрина одной руки, дробление бизнеса, контрагенты.

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE LEGAL INSTITUTION OF TAX BENEFIT

Artem G. Antonov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Antonov A.G. The concept and content of the legal institution of tax benefit. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):7–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-7-13>

CONTACT INFORMATION:

Artem G. Antonov, candidate of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: + 7 (953) 928-90-77

E-mail: antonov.sudrf@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.01.2026

The article has been accepted for publication: 26.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: The *purpose* of the article is to study the content of the legal institution of tax benefit, to identify the main features of tax benefit from the point of view of the doctrines that have developed in the science of tax law and legislation, as well as taking into account the latest important additions to the Tax Code of the Russian Federation.

The following tasks were solved in the *study*: it is proved that the Russian legal order uses the provisions and recommendations of almost all doctrines in the practice of tax relations: step transaction doctrine, the predominance of substance over form, business purpose, cost reality, «one hand», actual place of business; a correlation has been made between the provisions of civil and tax legislation in terms of compliance with tax and civil doctrines in the field of entrepreneurial activity.

As a *result* of the study, it is noted that the doctrinal historical aspect of the formation of the institution of tax benefit is determined by the centuries-old development of legal doctrines of taxpayer integrity, priority of content over form, business purpose and others, the most important of which are legalized in the provisions of judicial practice, in the norms of legislation, form important features of the legal institution of tax benefit.

Keywords: tax benefit, taxpayer, business purpose, the predominance of substance over form, the doctrine of good faith, the doctrine of one hand, business fragmentation, counterparties.

Введение

Правовой институт налоговой выгоды играет важную роль в регулировании налоговых отношений, поскольку он позволяет плательщикам оптимизировать свои налоговые обязательства законным способом. Однако недостаточное понимание сути этого института и его особенностей приводит к многочисленным спорам между плательщиками налогов и налоговыми органами. На фоне конкуренции за инвестиции государство стремится создать благоприятный налоговый климат, что включает предоставление различных налоговых льгот и преференций. В то же время, существует риск злоупотреблений своими налоговыми правами со стороны налогоплательщиков, которые могут использовать правовые лазейки для минимизации своих обязательств без учета интересов государства и общества. Такое недобросовестное поведение приводит к существенным непоступлениям доходов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и недофинансированию важнейших проектов и задач. Раскрытие содержания института налоговой выгоды позволит повысить правовую определенность при разрешении налоговых споров, а также степень доверия налогоплательщиков к закону и к действиям государства. Поэтому исследование института налоговой выгоды имеет важнейшее значение для разработки рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства, а также для повышения эффективности взаимодействия между государством и бизнесом в налоговых правоотношениях.

Методы исследования

В качестве методологической основы исследования использовались стандартные в юриспруденции общенаучные методы (анализ, синтез) и специальные научные приемы познания (формально-юридический, историко-правовой).

Результаты исследования

1. Правовой институт налоговой выгоды – это система взаимосвязанных доктринальных и законодательных норм, которые возникли на определенном этапе формирования системы налогов и регулируют в государстве отношения по минимизации налогового бремени, а также систематизированы в нормах налогового законодательства и отличаются ключевыми признаками субъективного, коммерческого, объективного, целевого, классификационного, формального и комплексного содержания.

2. К признакам налоговой выгоды относятся: а) снижение объема (оптимизации) налогового бремени налогоплательщика; б) уменьшения объема базы налогообложения, расчета пониженной налоговой ставки; в) получения права на зачет (возврат) или возмещение уплаченного налога; г) налоговая льгота либо налоговый вычет на соответствующий период их действия.

Научная дискуссия

В ходе исследования понятия правового института налоговой выгоды представляется целесообразным обозначить исторические аспекты его формирования, ключевые признаки, содержание, а также место этого института в системе налоговых правоотношений.

Становление правового института налоговой выгоды изначально связано с возникновением вообще налоговых правоотношений, поскольку каждый налогоплательщик желает провести оптимизацию своих налогов, которая определяет соответствующую выгоду в сфере налогообложения.

Первым существенным фактом реализации налоговой выгоды можно считать переход под юрисдикцию римлянам в 164 году до н.э. греческого острова Родос после того, как в близлежащем порту Делос Древнего Рима были существенно сокращены налоговые пошлины, и купцы перестали базироваться на Родосе в силу предпочтения Делоса из-за ощутимой налоговой выгоды¹. Эта античная история превращения порта Делос в оффшорную зону с мирным «захватом» острова Родос отражает первый пример важности получения налогоплательщиками, морскими купцами, налоговой выгоды от минимизации государством действующих налогов.

В эпоху средневековья известно активное применение замены судовладельцами флага на судне с вывешиванием «удобного» флага для обеспечения безопасности и снижения фискальных выплат за торговый груз. Так, в XV–XVII вв. принадлежащие англичанам суда без проблем провозили товар в испанских колониях, потому что они использовали испанский флаг. Во время конфликтов Англии с Нидерландами на судах обеих стран использовался флаг нейтральной Швеции. Считалось обычным наличие у капитана на борту нескольких комплектов судовых документов и флагов «удобных» стран, чтобы предотвратить задержание судна и снизить уровень фискальных выплат [4]. Приоритетом для внешней торговли в то время служили города Римской империи с низкими налогами (Генуя, Венеция). Во Фландрии Бургундского герцогства XV века применялись низкие налоги, что формировало английским купцам соответствующую налоговую выгоду [4].

На стадии новейшей истории регулирование налоговой выгоды в условиях оффшора вышло на международный уровень и воспринималось большинством государств как негативное явление в налоговых отношениях, с точки зрения уменьшения поступлений налоговых платежей в бюджеты. Так, в 1996 году Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) обозначила ключевые факторы выявления вредных, противоправных оффшорных налоговых режимов: признак отсутствия или низких налоговых ставок на соответствующий доход; признак системного или «кругового» ограждения субъектов налогообложения от иностранных запросов; признак отсутствия прозрачности корпоративной финансовой и пр. информации; признак отсутствия взаимного обмена налоговыми данными между странами.

В целом, следует отметить, что история развития налоговых правоотношений характеризуется постоянным совершенствованием различных методов, способов оптимизации налогов, реализация которых сопровождается получением соответствующей налоговой выгоды.

В рамках теоретического подхода к правовому институту налоговой выгоды стоит отметить, что его развитие начинается с формирования в России соответствующих правовых доктрин, которые: обосновываются и систематизируются в отечественной правовой науке; считаются доктринальными нормами права до их легализации в соответствующих нормах законодательства; активно используются в правоприменительной практике, трансформируясь в судебные доктрины; по своему

¹ Леонова Н.Г. История и теория налогообложения: учеб. пособие. Хабаровск, 2016. С. 6–7.

содержанию характеризуют обстоятельства снижения, оптимизации налогового бремени, которые формируют существенные признаки правового института налоговой выгоды.

Перечень российских судебных доктрин, раскрывающих суть налоговой выгоды, включает ряд ключевых постулатов с различной историей их формирования.

Первая правовая доктрина «добросовестности налогоплательщика» законодательно отражена в презумпции добросовестности налогоплательщика (п. 6 ст. 108 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ))¹ и закрепляет субъективный признак налоговой выгоды в виде законопослушных действий субъекта налогообложения с исполнением действующих норм законодательства [1]. В случае отсутствия субъективного признака добросовестности и при нарушении закона соответствующая налоговая выгода становится противоправной, необоснованной.

Вторая правовая доктрина «приоритетного рассмотрения содержания, сущности действий налогоплательщика над их формой» отражает объективный признак налоговой выгоды, определяемый экономическим, но не формальным содержанием сделки. То есть, форма сделок, документов должна рассматриваться после оценки их содержания, в обратном случае полученная налоговая выгода может быть признана необоснованной. Происхождение второй доктрины связано с появлением инструментов материально-хозяйственного учета, поскольку для субъекта хозяйствования показатели его деятельности рассчитываются и анализируются с помощью учетных форм.

Третья правовая доктрина «деловой цели» представляется наиболее значимой для оценки налоговой выгоды, поскольку она формирует коммерческий признак анализируемого правового института в виде получения дохода налогоплательщика в той или иной форме. Признание судом определенной деловой (коммерческой) цели в действиях налогоплательщика означает экономическое обоснование правомерно полученной налоговой выгоды. В п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 по данному поводу разъясняется, что при определении судом деловой цели (экономической разумности) оцениваются обстоятельства, подтверждающие задачу налогоплательщика достижения экономического эффекта в рамках реальной экономической деятельности². При этом получение налоговой выгоды не должно быть главной целью деятельности налогоплательщика³. Если ключевой целью предпринимательской деятельности налогоплательщика установлено получение налоговой выгоды с нивелированием основных задач, то суд может не признать обоснованность получения такой выгоды⁴. Доктрина «экономической, деловой цели» в получении налоговой выгоды дополнительно подтверждает главные задачи имущественного оборота и его налогообложения.

Таким образом, вышеназванные правовые доктрины характеризуют субъективный, объективный и коммерческий признаки правового института налоговой выгоды:

1) первый постулат правовой доктрины «добросовестности налогоплательщика» реализуется в позитивной презумпции добросовестности налогоплательщика, которая отражает субъективный признак налоговой выгоды в виде законопослушных действий субъекта налогообложения с исполнением действующих норм законодательства;

2) второй постулат правовой доктрины «приоритета сущности над формой» определяется экономическим, но не формальным содержанием сделки, документов, исполнение которых оптимизируют налоговое бремя, что указывает на объективный признак налоговой выгоды;

3) третий постулат правовой доктрины «деловой цели» формирует коммерческий признак анализируемого правового института в виде обязательного получения дохода налогоплательщика от его действия по оптимизации налогообложения в той или иной форме.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

² Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

³ См.: п. 34 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10, октябрь, 2021; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.01.2021 № 305-ЭС20-16100 по делу № А40-123840/2019. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Соколова С.Г. Ограничение льгот по соглашениям об избежании двойного налогообложения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 32–34.

Следует отметить, что существенное влияние на развитие правового института налоговой выгоды оказали современные тенденции в области гражданского права. К ним можно отнести следующие:

1) доктрина добросовестности, когда контрагенты должны систематически проверять друг друга, поскольку частое отсутствие проверок характеризуют недобросовестное отношение налогоплательщика к своему бизнесу и к своей репутации. Этому гражданскому положению соответствует доктрина должной осмотрительности налогоплательщика, который обязан выбирать контрагента с проверкой его правоспособности, надлежащих полномочий, подтверждений добросовестности в предпринимательской деятельности [5; 6], то есть, в случае отсутствия такой проверки налоговая выгода, полученная от сделки, может рассматриваться как необоснованная;

2) постулат фактического собственника в гражданском праве коррелируется с доктриной «одной руки» в налоговом праве и означает оценку действий налогоплательщика без учета посреднических звеньев, которые зачастую используются для противоправного снижения базы налогообложения; по своей сущности правило «одной руки» характеризует объективный признак правового института налоговой выгоды и дополняет доктрину приоритетного рассмотрения содержания над формой; вместе с этим доктрина «одной руки» детализирует и доктрину «добросовестности налогоплательщика», поскольку постоянное наличие множества посредников в коммерческой деятельности может свидетельствовать о цели недобросовестного налогоплательщика скрыть свои доходы;

3) правило о реалистичности и целенаправленности предпринимательской деятельности лица в гражданском праве напрямую связано с доктриной «дробления бизнеса» в налоговом законодательстве. Дробление бизнеса имеет место в том случае, когда единый целостный вид деятельности субъекта – предпринимателя, расчленяется на несколько взаимосвязанных компаний, целью деятельности которых является уход от налогообложения (переход на упрощенную систему налогообложения, когда фактически лицо является плательщиком на общей системе). Указанная доктрина дополняет субъективный, коммерческий признаки анализируемого правового института налоговой выгоды, обращает внимание на умышленные действия налогоплательщика по созданию ненужных промежуточных компаний, поскольку главная предпринимательская цель бизнеса в получении прибыли в большинстве случаев может достигаться без его дробления.

То есть, на доктринальном уровне развития налоговых правоотношений правовой институт налоговой выгоды занимает ведущее место, поскольку развивает базовые принципы добросовестности, свободного экономического развития, фактического собственника и реалистичности и в гражданско-правовых отношениях.

С учетом вышеизложенного, можно отметить, что доктринальный исторический аспект формирования института налоговой выгоды определяется многовековым развитием правовых доктрин добросовестности налогоплательщика, приоритета содержания над формой, деловой цели и прочих правовых доктрин, наиболее важные из которых легализуются в положениях судебной практики, в нормах законодательства, формируют доктринальные признаки правового института налоговой выгоды и конкретизируются более современными правовыми доктринами (доктринами «одной руки», «дробления бизнеса» и пр.).

Анализ позиций ученых [2; 3; 7; 8; 9; 10] и ряда нормативных актов позволяет выделить следующие признаки налоговой выгоды¹:

- снижение объема (оптимизации) налогового бремени налогоплательщика;
- уменьшения объема базы налогообложения, расчета пониженной налоговой ставки,
- получения права на зачет (возврат) или возмещение уплаченного налога;
- временная (срочная, темпоральная) налоговая выгода в виде получения налоговой льготы либо налогового вычета на соответствующий период их действия.

Исследование этих признаков позволило законодателю в 2017 году существенно расширить границы и содержание правового института налоговой выгоды посредством внесения Федеральным

---

¹ Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения: Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ (ред. от 05.04.2013) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4575.

законом от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ¹ в налоговое законодательство дополнений (ст. 54.1 НК РФ), которые:

1) систематизировали особенности реализации доктрины добросовестности налогоплательщика, которая на практике ограничивалась с использованием представителями налоговой службы оценочных категорий «должная осмотрительность», «экономическая обоснованность», «злоупотребление правом» при проверке налогоплательщиков;

2) обозначили основы противодействия «агрессивным» инструментам налоговой оптимизации, позволяющим снизить уровень недобросовестной конкуренции посредством выявления «фирм – однодневок» с прекращением необоснованного применения налоговых преференций и предотвращением фактов размывания налогооблагаемой базы;

3) предусмотрели условия, соблюдение которых аргументирует право налогоплательщика на получение налоговой выгоды: целевое условие подтверждения основной задачи операции (сделки) в получении предпринимательского дохода; субъективное условие исполнения обязательств по операции (сделке) надлежащим контрагентом;

4) внесли единообразие к требованиям расчета налоговой выгоды, связанной вычетами по налогу на добавленную стоимость и с издержками в рамках налога на прибыль.

5) структурировали условия разделения общей коммерческой деятельности налогоплательщика между формально автономными субъектами хозяйствования (индивидуальными предпринимателями и организациями), которые образуют группу лиц в конструкции дробления бизнеса;

6) определили организационное условие продолжения реального контроля над группой лиц-субъектами корпоративного управления, бывшими до дробления;

7) установили правила оценки всех известных фактических обстоятельств коммерческой деятельности налогоплательщика в рамках общего бизнеса со взаимозависимыми лицами с намерениями в получении необоснованной налоговой выгоды.

Таким образом, можно сказать, что, правовой институт налоговой выгоды, благодаря ст. 54.1 НК РФ, был дополнен комплексом механизмов доктринального, терминологического, принципиального, системного, разъяснительного содержания, которые непосредственно и сформировали современное его понимание.

Основные итоги рассмотрения можно представить в виде таблицы (см. рис.).

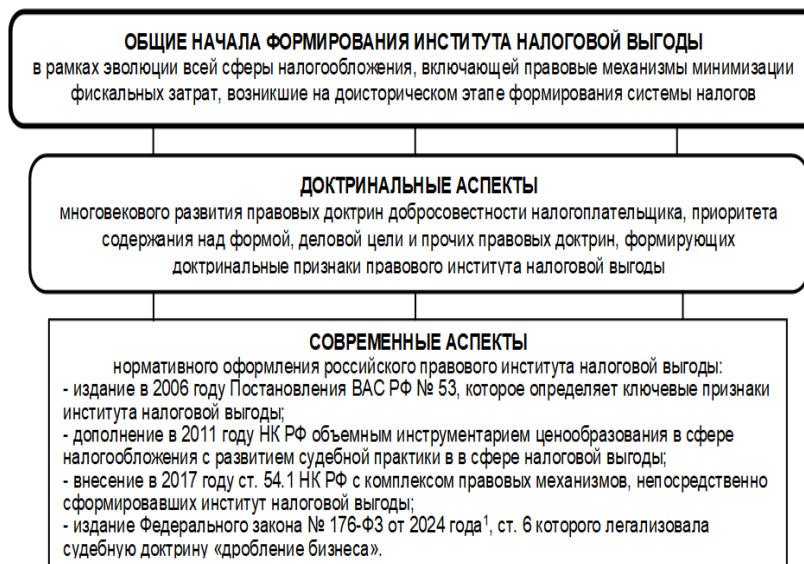

Рисунок. Аспекты формирования в России правового института налоговой выгоды и определения его содержания

Aspects of the formation of the legal institution of tax benefit in Russia and the definition of its content

¹ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 30. Ст. 4443.

С учетом всего вышеизложенного можно сформулировать следующее определение правового института налоговой выгоды. Правовой институт налоговой выгоды – это система взаимосвязанных доктринальных и законодательных норм, которые возникли на определенном этапе формирования системы налогов и регулируют в государстве отношения по минимизации налогового бремени, а также систематизированы в нормах налогового законодательства и отличаются ключевыми признаками субъективного, коммерческого, объективного, целевого, классификационного, формального и комплексного содержания.

Список использованной литературы:

1. Васильева Е.Г. Налоговая выгода: монография. М.: Юрлитинформ; 2020.
2. Свинцов М.Ю. Антиуклонительные нормы в налоговом праве: научно-практический анализ. *Финансовое право*. 2021;(2):45–57.
3. Тарасова Е.В. Противодействие уклонению от налогообложения в соответствии с мировыми стандартами. *Налоги и сборы*. 2017;(1):102–107.
4. Тимофеева О.Ф. Оффшорные юрисдикции как инструмент международного налогового планирования: мировой опыт их создания. *Мир науки*. 2014;(1):9–16.
5. Фатхутдинов Р.С. Судебная доктрина должной осмотрительности в налоговых отношениях. *Вестник ВАС РФ*. 2021;(6):100–113.
6. Фатхутдинов Р.С. Существо и форма в налоговых отношениях. *Вестник экономического правосудия РФ*. 2020;(9):34–51.
7. Хаванова И.А. Ненадлежащие документы «неустановленных лиц» и обоснование налоговой выгоды. *Налоговый вестник*. 2023;(3):29–36.
8. Цветкова Е.А. Доктрина налоговой выгоды в правоприменительной практике. *Налоги*. 2017;(6):23–26.
9. Цыганков В.В. Спорные правовые позиции Президиума ВАС РФ по налоговым правоотношениям. *Вестник арбитражной практики*. 2013;(4):48–54.
10. Шепенко Р.А. Доктрина как источник налогового права. *Налоги и финансы*. 2018;(1):46–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонов Артем Геннадьевич
соискатель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

References:

1. Vasilyeva E.G. [Tax benefit]. Moscow: Yurlitinform; 2020. (In Russ.)]
2. Svintsov M.Y. [Anti-tax norms in tax law: a scientific and practical analysis]. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2021;(2):45–57. (In Russ.)]
3. Tarasova E.V. [Countering tax evasion in accordance with international standards]. *Nalogi i sbory = Taxes and fees*. 2017;(1):102–107. (In Russ.)]
4. Timofeeva O.F. [Offshore jurisdictions as an instrument of international tax planning: the global experience of their creation]. *Mir nauki = The world of science*. 2014;(1):9–16. (In Russ.)]
5. Fatkhutdinov R.S. [Judicial doctrine of due diligence in tax relations]. *Vestnik VAS RF = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2021;(6):100–113. (In Russ.)]
6. Fatkhutdinov R.S. [The essence and form in tax relations]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(9):34–51. (In Russ.)]
7. Khavanova I.A. [Improper documents of "unidentified persons" and justification of tax benefits]. *Nalogovyy vestnik = Tax bulletin*. 2023;(3):29–36. (In Russ.)]
8. Tsvetkova E.A. [The doctrine of tax benefits in law enforcement practice]. *Nalogi = Taxes*. 2017;(6):23–26. (In Russ.)]
9. Tsygankov V.V. [Controversial legal positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on tax law relations]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*. 2013;(4):48–54. (In Russ.)]
10. Shepenko R.A. [Doctrine as a source of tax law]. *Nalogi i finansy = Taxes and finance*. 2018;(1):46–55. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem G. Antonov
Candidate of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-14-20>

К ВОПРОСУ О СОГЛАСОВАННОСТИ И КОМПЛЕКСНОСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РФ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Берлизов М.П.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Берлизов М.П. К вопросу о согласованности и комплексности внесения изменений в законодательство РФ на примере законодательства об объектах культурного наследия. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):14–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-14-20>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Берлизов Михаил Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 262-35-09
E-mail: bmpkk@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Статья принята к печати: 27.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: Целью работы выступает определение комплексного характера вносимых в земельное и градостроительное законодательство РФ изменений в части их влияния на законодательство об объектах культурного наследия народов РФ.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ действующего законодательства РФ в указанных сферах; анализ последних внесенных в них изменений; выявление возникших противоречий; прогнозирование возможных последствий; а также предложения по их устранению и будущему совершенствованию процесса изменения законодательства.

Важность обсуждения вопроса заключается в том, что внесенные изменения в градостроительное законодательство напрямую повлияли на смежную отрасль законодательства и не учли те особенности, которые там есть. Указанное, в случае не исправления ситуации, может привести как к приостановке надлежащей деятельности уполномоченных государственных органов по реализации одной из своих функций (и приведет, пока не будут приняты новые изменения), так и к появлению дополнительного правового регулирования, расходов бюджетов всех уровней и увеличения сроков отдельных административных процедур. Кроме того, это может также привести к повреждению или уничтожению объектов культурного наследия, которые являются одной из важнейших ценностей материальной культуры нашей страны.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что при внесении изменений в законодательство необходимо учитывать комплексный характер их влияния на различные отрасли законодательства, применять единую терминологию, а также создавать временную возможность для надлежащего согласования проектов изменений со всеми заинтересованными лицами.

Ключевые слова: объект культурного наследия, памятник, ансамбль, достопримечательное место, требования, градрегламенты, правовой режим земель, режим использования территории, ограничения использования земель.

ON THE ISSUE OF CONSISTENCY AND COMPLEXITY OF AMENDMENTS TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE EXAMPLE OF LEGISLATION ON CULTURAL HERITAGE SITES

Mikhail P. Berlizov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Berlizov M.P. On the issue of consistency and complexity of amendments to the legislation of the Russian Federation on the example of legislation on cultural heritage sites. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):14–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-14-20>

CONTACT INFORMATION:

Mikhail P. Berlizov, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: bmpkk@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.01.2026

The article has been accepted for publication: 27.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: The *purpose* of the work is to determine the complex nature of the changes introduced into the land and urban planning legislation of the Russian Federation in terms of their impact on the legislation on cultural heritage sites of the peoples of the Russian Federation.

Based on this goal, the objectives of the *study* include an analysis of the current legislation of the Russian Federation in these areas; an analysis of the latest changes made to them; identification of contradictions that have arisen; forecasting possible consequences; as well as proposals for their elimination and future improvement of the process of changing legislation.

The importance of discussing the issue lies in the fact that the changes made to urban planning legislation directly affected the related branch of legislation and did not take into account the features that exist there. This, if the situation is not corrected, may lead to the suspension of the proper activities of authorized state bodies for the implementation of one of their functions (and will lead until new changes are adopted), as well as to the emergence of additional legal regulation, budget expenditures at all levels and an increase in the time of certain administrative procedures. In addition, it can also lead to damage or destruction of cultural heritage sites, which are one of the most important values of the material culture of our country.

The fundamental *conclusion* of the article is that when making changes to legislation, it is necessary to take into account the complex nature of their impact on various branches of legislation, apply uniform terminology, and create a temporary opportunity for proper coordination of draft amendments with all interested parties.

Keywords: cultural heritage object, monument, ensemble, landmark, requirements, town regulations, legal regime of lands, regime of territory use, restrictions on land use.

Введение

Важность обсуждения вопроса заключается в том, что внесенные изменения в градостроительное законодательство напрямую повлияли на смежную отрасль законодательства и не учли те особенности, которые там есть. Указанное, в случае не исправления ситуации, может привести как к приостановке надлежащей деятельности уполномоченных государственных органов по реализации одной из своих функций (и приведет, пока не будут приняты новые изменения), так и к появлению дополнительного правового регулирования, расходов бюджетов всех уровней и

увеличения сроков отдельных административных процедур. Кроме того, это может также привести к повреждению или уничтожению объектов культурного наследия, которые являются одной из важнейших ценностей материальной культуры нашей страны.

Методы исследования

Исследование проблематики определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы.

Результаты исследования

На основе анализа действующих положений земельного, градостроительного законодательства и законодательства об объектах культурного наследия указывается на одновременное использование, как минимум, трех разных терминов для одного и того же явления: «режим использования территории», «особый режим использования территории», «требования к осуществлению деятельности». Указывается на недостаточное разграничение ситуаций, когда именно должны применяться вышеуказанные термины, а когда термин «требования к градерегламентам». Также, по результатам анализа произошедших изменений п. 4 и 6 ст. 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГрК РФ), выявлено отсутствие должного обоснования таких изменений (в части объектов культурного наследия) и поставлен ряд вопросов предстоящей правоприменительной практики. Главный из них – если теперь на территории памятников и ансамблей распространяют свое действие градерегламенты, то нужно ли разрабатывать и утверждать для таких территорий требования к градерегламентам или достаточно существующих требований к осуществлению деятельности? Из него же вытекает и ряд последующих организационных вопросов. Указывается на бездействие уполномоченных государственных органов по разрешению данного вопроса, а также на причины, приведшие к этой ситуации. В рамках настоящей статьи предлагается ряд решений для поставленных вопросов: предусмотреть единый термин «режим использования территории» убрав повсеместно оставшиеся два; внести изменения в федеральный закон, регулирующий сферу объектов культурного наследия, в части подпадания режимов использования территории памятников и ансамблей под положения п. 6 ст. 36 ГрК РФ; предусмотреть нормальный срок для согласования законопроектов с уполномоченными субъектами вне зависимости от органа, вносящего законопроект.

Научная дискуссия

С 1 марта 2026 года вступает в силу новая редакция ч. 4 и 6 ст. 36 ГрК РФ, введенная Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»². Суть изменения для настоящего исследования – из перечня земель, на которые не распространяли свое действие градостроительные регламенты, исключили земельные участки, занятые территориями таких видов объектов культурного наследия, как памятники и ансамбли.

Градостроительные регламенты (далее – градерегламенты) являются важной составной частью правил землепользования и застройки (далее – ПЗЗ) территории муниципального образования и нужны для определения правового режима земельного участка. То есть, они фактически определяют для всех заинтересованных лиц что и как можно осуществлять на том или ином земельном участке (виды разрешенного использования, максимальные и минимальные размеры участков, высотность и процент застройки, процент озеленения и пр.). Однако, эти правила не распространялись на, в том числе, территории памятником и ансамблей (как включенных в реестр, так и выявленных). Их территории лишь подлежат учету и отражению в документах территориального планирования. Законом предусматривалось, что «решение о режиме содержания, параметрах реставрации, консервации, воссоздания, ремонта и приспособления» в отношении таких объектов принимается в порядке, предусмотренном законодательством РФ об объектах культурного наследия (далее – ОКН). Указанное является проявлением принципа осуществления градостроительной деятельности

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

² О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4649.

с соблюдением сохранения культурного наследия [8, с. 174], который явился следствием не только международных договоров РФ, но и продолжением советского законодательства [3, с. 59].

Хотелось бы особо отметить, что вышеуказанная формулировка («режим содержания, ...») являлась весьма условной, так как отсутствует в специализированном законодательстве. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹ (далее – Закон об ОКН) в ст. 5.1 предусматривает термин «требования к осуществлению деятельности в границах территории ОКН». В приказе Министерства культуры РФ от 04 июня 2015 г. № 1745 «Об утверждении требований к составлению проектов границ территорий объектов культурного наследия»² для того же явления используется термин «режим использования территории ОКН». Указанное является свидетельством не столько низкого качества юридической техники сколько несогласованности теоретических позиций понимания сущности явления.

Так, в теории земельного права достаточно давно выработаны термины «правовой режим земель РФ», «правовой режим отдельной категории земель», «правовой режим земельного участка» [2, с. 114; 6, с. 40]. Суть указанных явлений – особый порядок правового регулирования поведения участников общественных отношений в сфере использования, управления и охраны земель [2, с. 115]. То есть, это определенные ограничения прав для таких участников, хотя легальное определение этого термина и отсутствует в действующем земельном законодательстве РФ, что приводит к различным проблемам правоприменительной и судебной практики [7, с. 89–91]. Естественно, ограничения прав повсеместно применяются и при регулировании связанных с земельным законодательством отношений – государственный кадастровый учет, регистрация недвижимого имущества. Не является исключением и законодательство об ОКН, но здесь данный термин используется в отношении имущественных прав на ОКН (ст. 47.1), их оборота (ст. 50), а также использования объекта недвижимого имущества, находящегося в границах территории ОКН (п. 7 ст. 3.1). Как видно из указанных статей, термин «ограничение» стал появляться относительно недавно в данном законе и, опять же, связан именно с изменениями земельного законодательства РФ. Наглядным тому свидетельством является постановление Правительства РФ от 27 декабря 2024 г. № 1936 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 972»³, которым вместо термина «режим использования земель и земельных участков» введен термин «ограничения использования земельных участков, водных объектов и их частей». При этом необходимо отметить, что в Законе об ОКН, в различных его статьях, еще продолжают сохраняться термины «режим использования земель» и «особый режим использования земель».

Термин же «требования» в законодательстве об ОКН изначально появился в связи с зонами охраны [1, с. 17]. Сначала ст. 29 Закона об ОКН, а затем и прочие нормы (по мере внесения изменений в закон и принятия подзаконных актов) ввели термин «требования к градостроительным регламентам» применительно к таким территориям, на которые градостроительные регламенты распространяются, однако требуют определенных ограничений, вызванных нахождением там ОКН – зоны охраны являются зонами с особым условием использования территории (ЗООИТ – ст. 105 Земельного кодекса Российской Федерации⁴). Позже это распространили и на такой вид ОКН, как достопримечательные места, которые, однако, ЗООИТ не являются, как, впрочем, и территории любых других ОКН (хотя в теории встречаются и иные точки зрения на это [4, с. 64]).

При этом, применительно к территориям зон охраны ОКН, в части установления ограничений, применялись одновременно два термина – «особые режимы использования земель в границах таких зон» и «требования к градостроительным регламентам в границах таких зон». Как считает ряд исследователей [9, с. 15; 10, с. 39], указанные термины являются взаимоисключающими и должны применяться отдельно [5, с. 144]. Первый термин должен применяться, когда речь идет о

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

² Об утверждении требований к составлению проектов границ территорий объектов культурного наследия: приказ Министерства культуры РФ от 04.06.2015 № 1745 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 972: Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1936 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. II). Ст. 8749.

⁴ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

территориях, расположенных в границах зон охраны ОКН, но в силу ст. 36 ГрК РФ, не подпадающих под действие градрегламентов (например, территории общего пользования, лесного фонда, особо охраняемые природные территории и пр.). Ограничения, предусмотренные им, должны отображаться в государственном кадастре объектов недвижимости. Второй же термин используется в отношении остальных территорий, попадающих в границы зон охраны и установленные им ограничения подлежат учету при формировании градрегламентов в составе правил землепользования и застройки того или иного муниципального образования. В этом есть определенная логика, учитывая, что, как уже указывалось ранее, в п. 1 ст. 36 ГрК РФ говорится о назначении градрегламентов – определять правовой режим земельных участков. При этом на практике никто не разделяет эти два механизма, указывая и в проектной документации и в нормативном акте уполномоченного органа их вместе под одним заголовком, и в таком же виде передавая далее в Росреестр (для внесения сведений о ЗОУИТ в кадастр) и в муниципальные образования (для включения в ПЗЗ и другие документы градостроительного планирования).

В этой связи встает вопрос: для чего ст. 5.1 Закона об ОКН был введен термин «требования к осуществлению деятельности» и должен ли он рассматриваться как аналог термина «режим использования» («ограничения использования») или «требования к градрегламентам» (в смысле учета и отражения их в других документах градостроительного регулирования). Дополнительным фактором неясности выступает само название ст. 5.1 и ее ч. 5, где наравне с требованиями к осуществлению деятельности имеется термин «особый режим использования земельного участка, водного объекта или его части, в границах которых располагается объект археологического наследия». Вместе с тем для такого вида ОКН как достопримечательное место предусмотрены одновременно и требования к осуществлению деятельности и требования к градрегламентам, из чего также можно сделать вывод, что это явно разные понятия.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что термин «требования к осуществлению деятельности» является аналогом терминов «режим использования» и «особый режим использования» и должен применяться в тех случаях, когда на такие территории не распространяется действие градрегламентов. В остальных же случаях должен применяться термин «требования к градрегламентам». При этом остается неясным для чего же вводить столько сходных по смыслу терминов и почему не заменить их одним.

Хотелось бы отдельно отметить, что имеющееся противоречие между наименованием ст. 5.1 («требования к осуществлению деятельности») и п. 5.2 вышеупомянутого приказа Министерства культуры РФ («режимы использования территории») создают коллизию в правоприменительной практике.

Все вышесказанное, в совокупности с внесенными в ч. 4 ст. 36 ГрК РФ изменениями, на сегодняшний день приводит, как минимум, к следующим ключевым вопросам: если теперь на территории памятников и ансамблей распространяют свое действие градрегламенты, то нужно ли разрабатывать и утверждать для таких территорий требования к градрегламентам (по аналогии с зонами охраны и достопримечательными местами) или достаточно существующих требований к осуществлению деятельности? Если необходимо, то как быть сейчас со всеми уже утвержденными режимами использования (требованиями к осуществлению деятельности) для всех ОКН по всей России?¹ Необходимо ли предусматривать, вносить изменения и проводить государственную историко-культурную экспертизу на такие требования (по аналогии с зонами охраны и достопримечательными местами)?

Необходимо отметить, что в пояснительной записке к законопроекту № 496293-7² (который позже и стал Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ) нет никакого внятного объяснения в отношении ОКН и дальнейших последствий этих изменений.

Министерство культуры РФ пока никаких законопроектов в этой части не представило, изменений в существующий вышеупомянутый приказ не внесло.

Рассуждая о поставленных вопросах, можно предположить, что для того, чтобы избежать внесения изменений в законодательство в части разработки и установления требований к

¹ В рамках исполнения поручения Президента РФ от 20.08.2012 № ПР-2217 указанная работа проводится с 2012 года по всей территории России.

² Законопроект № 496293-7 [Сайт]. Система обеспечения законодательной деятельности; 2025 [Обновлено 07 августа 2025; процитировано 13 января 2026 года]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/496293-7>.

градрегуламентам для памятников и ансамблей (что затем повлечет и дополнительные расходы и увеличение сроков всех административных процедур), логично попробовать воспользоваться новой редакцией п. 6 ст. 36 ГрК РФ, которой предусмотрена возможность не установления градрегуламентов для земельных участков, «в отношении которых виды разрешенного использования устанавливаются иными видами регуламентов использования земель». Указанное, скорее всего, потребует внесения соответствующего дополнения в ст. 5.1 Закона об ОКН (дабы избежать различных трактовок в правоприменительной и судебной практике). Стоит отметить, что если авторами изменений новая редакция п. 6-го и предусматривалась с этой целью, то все равно остается не ясным для чего надо было исключать это положение из п. 4 этой статьи.

Видится, что для недопущения подобных ситуаций необходима процедура тщательного согласования вносимых изменений на стадии их принятия со всеми заинтересованными лицами и с предоставлением нормального срока для такого согласования (учитывая существующие на сегодняшний день крайне ограниченные сроки в 1 день для согласования законопроектов, вносимых отдельными министерствами и ведомствами, что было в данном случае). Кроме того, необходима выработка единого понятийного аппарата с учетом достижений науки права и включения его в действующее законодательство.

Список использованной литературы:

1. Андреева А.Ю., Халиков И.А. Зоны охраны объектов культурного наследия: история и современность. *Культурное наследие России*. 2023;(2):16–21.
2. Болтанова Е.С. Правовой режим в земельном праве: теория вопроса. *Вестник Томского государственного университета*. 2008;(315):114–117.
3. Долгов А.В., Бердюгина Ю.М. Теоретический анализ понятия «Территория памятника». *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2014;(3):56–59.
4. Долгов А.В., Бердюгина Ю.М. Территория историко-культурного назначения как особый вид зоны с особыми условиями использования территорий. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2014;(4):61–65.
5. Кадырова Е.Н., Новиков К.А. Правовой режим использования территории объекта культурного (археологического) наследия. *Экономика и экология территориальных образований*. 2017;(2):141–146.
6. Корнилова У.В. Понятие ограничения оборотоспособности земельных участков. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2015;(1):40–52.
7. Лиманская А.П. Основания ограничений прав на земельные участки. *Аграрное и земельное право*. 2022;(5):87–92.
8. Рыженко А.Я. О принципе осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований сохранения объектов культурного наследия и особо охраняемых природных территорий и механизме его реализации. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2018;(29):174–184.
9. Шишова О.П. Особенности градостроительного регулирования территорий общего пользования, сопряженных с объектами культурного наследия. *Вестник национального исследовательского*

References:

1. Andreeva A.Yu., Khalikov I.A. [Zones of protection of cultural heritage objects: history and modernity]. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural heritage of Russia*. 2023;(2):16–21. (In Russ.)]
2. Boltanova E.S. [The legal regime in land law: theory of the issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2008;(315):114–117. (In Russ.)]
3. Dolgov A.V., Berdyugina Yu.M. [Theoretical analysis of the concept of "Monument territory"]. *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN = Academic Bulletin of UralNIIProekt RASN*. 2014;(3):56–59. (In Russ.)]
4. Dolgov A.V., Berdyugina Yu.M. [The territory of historical and cultural purpose as a special type of zone with special conditions for the use of territories]. *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN = Academic Bulletin of UralNIIProekt RASN*. 2014;(4):61–65. (In Russ.)]
5. Kadyrova E.N., Novikov K.A. [The legal regime of using the territory of an object of cultural (archaeological) heritage]. *Ekonomika i ekologiya territorial'nyh obrazovanij = Economics and ecology of territorial entities*. 2017;(2):141–146. (In Russ.)]
6. Kornilova U.V. [The concept of limiting the turnover of land plots]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2015;(1):40–52. (In Russ.)]
7. Limanskaya A.P. [Grounds for restrictions on land rights]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2022;(5):87–92. (In Russ.)]
8. Ryzenko A.Ya. [On the principle of carrying out urban planning activities in compliance with the requirements of preserving cultural heritage sites and specially protected natural territories and the mechanism of its implementation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*. 2018;(29):174–184. (In Russ.)]
9. Shishova O.P. [Features of urban planning regulation of public areas associated with cultural heritage sites]. *Vestnik nacional'nogo issledovatel'skogo instituta kul'turnogo naslediya = Bulletin of the National Research*

института культурного наследия. 2024;(4):9–20.

10. Шишова О.П. Стандартизация особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий зон охраны объектов культурного наследия. *Вестник национального исследовательского института культурного наследия. 2024;(1):38–59.*

Institute of Cultural Heritage. 2024;(4):9–20. (In Russ.)]

10. Shishova O.P. [Standardization of special land use regimes and requirements for urban planning regulations within the boundaries of the territories of cultural heritage protection zones]. *Vestnik nacional'nogo issledovatel'skogo instituta kul'turnogo naslediya = Bulletin of the National Research Institute of Cultural Heritage. 2024;(1):38–59. (In Russ.)]*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Берлизов Михаил Павлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-7959-9460

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail P. Berlizov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-7959-9460

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-21-27>

МИГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СУЩНОСТЬ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА

Жеребцов А.Н.

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
(Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005)

Ссылка для цитирования: Жеребцов А.Н. Миграционный процесс как фактор, определяющий сущность миграционного права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):21–27. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-21-27>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарского университета МВД России»

Адрес: Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005

Тел.: + 7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Статья принята к печати: 25.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: Цель настоящего исследования заключается в формировании теории миграционного процесса и его роли для формирования сущности и пределов административно-правового регулирования миграционно-правовых отношений.

В ходе исследования решаются задачи истории формирования и обоснования теории трехстадийности миграционного процесса и ее значение для развития учения о территориальной мобильности населения; на основе интердисциплинарного и трансдисциплинарного методов исследования социальных явлений обосновывается значимость миграционного процесса для формирования и раскрытия сущности миграционного права.

В результате исследования обоснованы сфера и пределы административно-правового регулирования миграционных правоотношений, определено место миграционного права в системе российского права.

Ключевые слова: миграционный процесс, миграция, миграционное право, миграционное правоотношение, стадии миграционного процесса, публичное управление, интердисциплинарный метод, трансдисциплинарный метод.

MIGRATION PROCESS AS A FACTOR DETERMINING THE ESSENCE OF MIGRATION LAW

Aleksey N. Zherebtsov

FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
(Yaroslavskaya St., 128, Krasnodar, Russia, 350005)

Link for citation: Zherebtsov A.N. Migration Process as a Factor Determining the Essence of Migration Law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):21–27. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-21-27>

CONTACT INFORMATION:

Aleksey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Address: Yaroslavskaya St., 128, Krasnodar, Russia, 350005

Tel.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.01.2026

The article has been accepted for publication: 25.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: The *purpose* of this study is to form a theory of the migration process and its role in shaping the essence and limits of administrative and legal regulation of migration-related legal relations.

The *study* aims to address the history of the formation and justification of the theory of the three-stage migration process and its significance for the development of the doctrine of territorial population mobility. Based on interdisciplinary and transdisciplinary methods of studying social phenomena, the study aims to substantiate the significance of the migration process for the formation and disclosure of the essence of migration law.

As a *result* of the study, the scope and limits of administrative and legal regulation of migration legal relations have been substantiated, and the place of migration law in the system of Russian law has been determined.

Keywords: migration process, migration, migration law, migration legal relationship, stages of the migration process, public administration, interdisciplinary method, transdisciplinary method.

Введение

Формирование научно обоснованной теории миграционного права, как нового специфического нормативного образования в системе российского права, невозможно без изучения и использования давно сформированных в социологической (демографической) науке явлений и понятий. Не учет достигнутого уровня научных знаний о демографических и миграционных процессах не позволяет эффективно осуществлять правовое моделирование той сферы миграционных отношений, которые нуждаются в публично-правовом упорядочении и юридической защите. В конечном счете, использование передовых знаний демографической науки необходимо для достижения целей государственной миграционной политики, определенных в п. 20 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738¹, внедряя их в механизм административно-правового регулирования миграционных отношений. Значительное место в системе демографических знаний занимает миграционный процесс как одно из ключевых явлений, активно применяемый и юридической наукой. Значимость миграционного процесса для осмысления сущности миграционного права, без ложной скромности, можно определить как решающую, выступающую фактором теоретического его осмысления, ориентирующего формирование механизма правового регулирования миграционных отношений. Однако следует признать, что в настоящее время все чаще и чаще в юридической науке предлагается некая собственная дефиниция миграционного процесса, формируемая порой в отрыве от выработанных в рамках социологических исследований. Эти обстоятельства, по нашему мнению, обосновывают потребность новых подходов к исследованию понятия «миграционного процесса» как фактора, определяющего сущность миграционного права России.

Методы исследования

Представленная работа основывается на общенаучных диалектических методах познания социальных явлений. Однако ключевую роль в исследовании сыграл интердисциплинарный и

---

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 15.10.2025 № 738) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 42. Ст. 6143.

трансдисциплинарный метод исследования и междисциплинарных подход к оценке знаний о миграционных процессах, сформированных социологической (демографической) и юридическими науками.

Результаты исследования

В процессе исследования проблем миграционного процесса нами получен следующий результат, заключающийся в том, что к концу 70-х годов XX века в рамках социологических исследований вполне сформировалась трехстадийная концепция миграционного процесса, включающая домиграционный, собственно миграционный и после миграционный периоды непосредственной территориальной мобильности людей и соответствующие им стадии: исходной; собственно переселения, реализуемого в миграционных потоках; заключительной, или завершающей стадии. Исследователи стадий миграционного процесса отмечают, что стадии (фазы) имеют определенный временной отрезок, в рамках которого осуществляется территориальная мобильность, собственно миграционное перемещение, а также адаптация. Все это последовательно связано между собой в рамках единого миграционного процесса, где миграция населения есть лишь вторая стадия рассматриваемого процесса. «Миграционный процесс – это зафиксированная в пространстве и времени серия миграционных событий, а также того, что предшествует и завершает эти события» [6, с. 21]. Эти положения имеют принципиальное значение для формирования нормативно-правовой основы государственного регулирования и охраны общественных отношений в сфере миграции, где такому регулированию и охране подлежат, прежде всего, миграционные процессы, ключевой стадией которых выступает миграция населения.

Иначе обстоит ситуация с исследованием миграционного процесса в юридической науке. Изучение данного аспекта проблемы позволяет нам отметить несовершенство высказанных в юридической науке подходов к определению миграционного процесса. Первым недостатком следует признать то обстоятельство, что миграционный процесс не рассматривается с точки зрения их стадий, что фактически сводит определение к его ничтожности. А там, где стадии миграционного процесса упоминаются, таковыми чаще всего признаются лишь вторая и третья стадия данного процесса. Вторым – миграционный процесс подменяется иной искусственной теоретической моделью какой выступает «миграционная система». Третьим – итогом миграционного процесса ошибочно считается приобретение мигрантами нового статуса в обществе.

Представленные положения позволяют отметить следующие сущностные аспекты миграционного права как нормативного образования в системе российского права: 1) правовому регулированию подлежат лишь те миграционные процессы, которые нуждаются в таком регулировании посредством создания правовых норм, регулирующих миграционно-правовые отношения (миграционные правоотношения) для достижения публично значимых целей, сформулированных в рамках государственной миграционной политики; 2) правоотношения, реализуемые в рамках миграционного процесса, осуществляются на всех его стадиях, т.е. ограничены в правовом регулировании, во-первых, временными рамками протекания трех стадий миграционного процесса и, во-вторых, видом миграционного потока и как следствие тех стадий, которые регламентируются в рамках того или иного его вида; 3) поскольку эти правоотношения направлены на достижение публично значимых целей, то они возникают во взаимодействии мигранта с уполномоченными в сфере миграции органами исполнительной власти и государственными учреждениями; 4) в результате осуществления этих правоотношений мигрант приобретает, изменяет, реализует и прекращает правовой статус, а точнее специальный административно-правовой статус; 5) по своей юридической природе данные правоотношения являются административно-правовыми, а регулирующие их правовые нормы выступают в качестве норм административного права, что, в конечном счете, свидетельствует об административно-правовой природе миграционного права (института или подотрасли).

Научная дискуссия

Учение о миграционном процессе начало формироваться в последние два десятилетия XIX века по двум направлениям, во-первых, это идеи английского ученого статиста Э. Равенштейна, который определял миграцию как «непрерывный процесс, обусловленный взаимодействием четырех основных групп факторов: действующих в начальном месте (стране) жительства мигранта; действующих на стадии перемещения мигранта; действующих в месте (стране) въезда мигранта; факторов личного характера...» [1, с. 11], во-вторых, в этот же период российский ученый А.И. Васильчиков, в своей статье «Сельский быт и сельское хозяйство в России», изданную в 1881 г., определял миграцию как складывающуюся из двух этапов: первый – «подъем, отыскание новых мест

и переход), т.е. «переселение в тесном смысле слова», второй – «водворение или колонизация» [7, с. 87]. В.М. Моисеенко в своем исследовании отмечает, что в начале XX века «А.М. Беркенгейм называет уже четыре фазы переселения – выход переселенцев из общины, передвижение на новые места, первоначальное устройство и окончательное устройство или поиски нового места, включающее обратное движение...» [5, с. 68]. Исследуя развитие учения о трех стадиях миграционного процесса, Л.Л. Рыбаковский [3, с. 35] отмечает, что значительный вклад в исследовании каждой стадии миграционного процесса внесли Т.И. Заславская, В.И. Переведенцев, В.В. Воробьев, Б.С. Хорев, В.М. Моисеенко, В.В. Оникиенко и др. Между тем, по его утверждению, «первая публикация, в которой говорилось о трех взаимосвязанных стадиях миграционного процесса, как и в случае с «приживаемостью новоселов», принадлежала аспирантке Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Л. Шамилевой» [7, с. 89]. Данный автор выделила в структуре миграционного процесса: «стадию потенциальной миграции, стадию непосредственного акта миграции (результата реализации миграционной установки); стадию, характеризующую последствия миграционных процессов (комплексная оценка результатов территориального движения населения)»¹.

В современной социологической науке высказываются мнения о двухстадийности миграционного процесса. Так, П.П. Лисицын считает, что трехстадийность миграционного процесса имеет противоречия, которые нуждаются в устранении. По его мнению «миграционный процесс начинается с момента осуществления реального перемещения в пространстве, когда идея о переезде уже перешла в конкретное действие ... при эмпирическом исследовании миграционного процесса он может быть разделен на два этапа, а именно переезд и адаптация на новом месте, т.е. необходимо исключить из общей совокупности объектов исследования ту категорию людей, которая является лишь потенциальными мигрантами...» [4, с. 18]. Такую интерпретацию миграционного процесса П.П. Лисицын определял как эмпирический подход, позволяющий разделять «непосредственных участников миграционного процесса от потенциальных, которые будут способствовать определенности на стадии отбора эмпирических объектов исследования» [4, с. 18–19]. С данным подходом вряд ли можно согласиться. Л.Л. Рыбаковский считает, что «окружающая человека среда и испытываемая субъектом нужда в ее определенных компонентах – вот два краеугольных камня формирования того или иного типа поведения в любой сфере социальной деятельности, в том числе и миграционной» [6, с. 46–47]. Исследователи первой стадии миграционного процесса сформулировали еще одно важное и принципиальное положение: «Потребность в миграции – вторичная, производная от первичных потребностей» [8, с. 21–22], которые формируются на первой стадии и не учит их сводит на нет смысл социологического анализа миграционных процессов. «Содержанием первой стадии миграционного процесса, как утверждает Л.Л. Рыбаковский, является формирование миграционных установок, но не всех, а лишь тех из них, которые завершаются принятием решения мигрировать, что, естественно, дополняется необходимыми для этого подготовительными действиями» [6, с. 66]. Четырехстадийная модель, предложенная А.М. Беркенгеймом, не должна включать стадию обратной миграции, так как данная территориальная мобильность имеет самостоятельное значение и развивается по указанным выше трем стадиям [6, с. 87].

По иному определяется миграционный процесс в юридической науке. Так, например, Т.М. Занина, И.В. Лесовик, Н.В. Полякова считают, что «миграционный процесс – это целенаправленное, согласованное функционирование структур управления, права, информатизации и обеспечения при проектировании и территориальном перемещении людей, обусловленном его государственным регулированием, реализацией личных, общественных и государственных интересов, и, как правило, влекущем приобретение ими нового правового статуса»². Данное определение страдает, по нашему мнению, комплексом фундаментальных недостатков. Во-первых, определение миграционного процесса через некие структуры управления, права, информатизации и обеспечения при проектировании и территориальном перемещении людей фактически является подменой миграционного процесса такой правовой конструкцией как миграционная система, введенная в научный оборот в диссертационном

¹ Шамилева Л.Л. Моделирование миграций населения в районе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1975. С. 9.

² Занина Т.М., Лесовик И.В., Полякова Н.В. Миграция и миграционные процессы в Российской Федерации: учеб. пособие. Воронеж: ВИ МВД России, 2013. С. 12.

исследовании М.Л. Тюркиным¹ и получившая дальнейшее развитие в экономической и юридической науках². Во-вторых, сама миграционная система, как юридическая конструкция, определяется через международную, региональную и национальную системы стратегического и государственного управления миграционными процессами, т.е. является желаемой моделью системного воздействия на миграционные процессы [2, с. 27–34]. В-третьих, совершенно не обосновано, что в ходе миграционного процесса лицо приобретает, как правило, новый правовой статус. Очень часто, и это тоже является правилом для отдельных видов миграционных потоков, лицо изменяет, прекращает и реализует правовой статус мигранта³.

С.А. Прудникова считает, что миграционный процесс есть «комплекс стадий, предусматривающих выбор местности различными социальными группами, их переселение и проживание, учитывая экономические, политические и социальные условия»⁴. В сущности, в данном определении нет ничего нового по сравнению с высказанными ранее в социологической науке подходами. Недостатком данного определения является, во-первых, указание на то обстоятельство, что стадии миграционного процесса предусматривают какой-то выбор места миграции, переселения и проживания. Вряд ли стадии могут все это предусматривать. Во-вторых, стадии миграционного процесса также вряд ли могут учитывать некие условия. Условия должны учитывать мигранты, но никак не стадии миграционного процесса.

М.Л. Тюркин попытался сформулировать определение понятия миграционного процесса адаптированного к потребностям юридического применения данного понятия. В этой связи он понимает миграционный процесс как «целенаправленную совокупность правовых нормативных отношений...»⁵. При этом данные «правовые нормативные отношения» осуществляются, по его мнению, «при проектировании и территориальном перемещении людей, обусловленную их административно-правовым регулированием, реализацией личных и общественных интересов и, как правило, влекущую приобретение ими нового правового статуса»⁶. Здесь имеются определенные неточности. Прежде всего, это касается утверждения о том, что правовые нормативные отношения обуславливаются еще раз административно-правовым регулированием. Но если они уже являются правоотношениями, то зачем их еще раз регулировать посредством норм административного права. Кроме этого, правовые отношения, по утверждению М.Л. Тюркина, возникают в ходе проектирования и территориальном перемещении людей, т.е. выделяются лишь две стадии миграционного процесса. Стадия приживаемости и адаптации вообще не учитывается приведенным автором в качестве стадии миграционного процесса.

О.В. Петрова определяет миграционный процесс как «последовательную, протяженную во времени цепочку действий, направленных на перемещение с одной территории в другую, фиксирующихся как миграционные события, связанные с реализацией личных или общественных интересов мигрантов и, как правило, влекущих приобретение ими нового статуса в обществе»⁷. Данное определение имеет ключевой недостаток. В соответствии с ним между миграционным процессом и миграцией нет различия. Это не верно, о чем мы отмечали ранее. Кроме этого, традиционно в конце определения приводится ошибочное утверждение: «приобретение ими нового статуса в обществе». При этом не понятно, статуса какого социального или правового. Это важно в смысле социального или правового осмысления миграционного процесса.

Однако нельзя не выделить и положительные стороны отдельных подходов к определению миграционного процесса. Так, нельзя не отметить позицию О.В. Петровой, в соответствии с которой миграционный процесс рассматривается как последовательная, протяженная во времени цепочка

¹ Тюркин М.Л. Миграционная система России: концептуальные организационно-правовые основы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

² Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы: автореф. дис. ... д-ра. экон. наук. М., 2008. С. 16.

³ См.: Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. А.Н. Жеребцова. М.: Юрайт, 2024. С. 47.

⁴ Прудникова С.А. Административно-правовое регулирование миграции населения в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14.

⁵ Тюркин М.Л. Миграционная система России: концептуальные организационно-правовые основы: дис. ... докт. юрид. наук. М. 2004. С. 45.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Петрова О.В. Незаконные миграционные процессы как угроза экономической безопасности России: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2020. С. 23.

действий мигранта. Временная характеристика миграционного процесса принципиально важна, так как позволяет очерчивать границы административно-правового регулирования территориальной мобильности населения.

При всем многообразии существующих подходов к определению понятия «миграционный процесс», сформированных в различных гуманитарных науках, до настоящего времени в его определении консенсус не достигнут. Представляется уместным признать, что исследование феномена «миграционный процесс» осуществлялось социологической наукой более ста лет и в рамках данных обширных исследований, в конечном счете, сформировалась концепция трехстадийности миграционного процесса, которая является, с точки зрения социологической ее интерпретации, вполне убедительной. К сожалению, у юристов таких успехов не наблюдается. Все это, по нашему мнению, требует разрешения двух вопросов. Во-первых, необходимо ли формирование юридического (правового) подхода к определению миграционного процесса. Во-вторых, какова роль такого понятия и одновременно социального явления как миграционный процесс для определения сущности миграционного права как комплекса правовых норм.

По первому вопросу следует признать, что в формировании специального юридического понятия «миграционный процесс» нет необходимости. Право, как значимый социальный институт, выступает формой опосредования наиболее важных общественных отношений в сфере миграции для достижения целей государственной миграционной политики (при этом следует признать, что эти цели в ходе развития государства могут быть различными, но миграция как сопутствующая многообразным историческим формам общества выступает его обязательным атрибутом, нуждающимся в публичном управлении). Объектом этого управления как раз и выступает миграционный процесс, понимаемый социологической наукой как *зафиксированная в пространстве и времени серия миграционных событий и возникающих на их основе общественных отношений, развивающихся на исходной, или подготовительной стадии (формирования территориальной подвижности населения или мобильности, потенциальной миграции), основной стадии, или собственно переселения (миграции), реализуемой в миграционных потоках и заключительной, или завершающей стадии, выступающей и как приживаемость мигрантов на новом месте, и как их адаптация*. Мы умышленно не отражаем цели, преследуемые в результате осуществления миграционного процесса. У мигранта они одни, у государства другие. Для правового регулирования миграционного процесса важны публичные цели, достигаемые в результате осуществления государственной миграционной политики страны.

Второй проблемный вопрос, поднятый нами ранее, заключается в той роли, какую играет миграционный процесс как социальное явление для определения сущности миграционного права и его места в системе российского права.

В рамках осуществления многообразных миграционных процессов возникают обширные миграционные отношения (или отношения в сфере миграции). Но не все из них подлежат правовому регулированию и правовой охране. Правовому регулированию подлежат лишь те общественные отношения в сфере миграции, которые *в процессе территориального изменения места жительства или места нахождения лица, нуждается и контролируется государством, в результате которого оно приобретает, изменяет, реализует и прекращает специальный миграционно-правовой статус в рамках миграционного процесса зарождение потребности в территориальной мобильности (потенциальная миграция), непосредственно в процессе ее осуществления (реальная миграция) и приживаемости и адаптации мигранта по новому месту жительства (пребывания) (реальная миграция)*.

Список использованной литературы:

1. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения: монография. М.: КДУ; 2009.
2. Жеребцов А.Н. Миграционная система как юридическая и организационная конструкция процесса стратегического управления миграцией населения: теоретический административно-правовой аспект. *Административное право и процесс*. 2025;(2):27–34.
3. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет Социально психологических исследований.

References:

1. Blinova M.S. [Modern sociological theories of population migration]. Moscow: KDU; 2009. (In Russ.)]
2. Zhrebtsov A.N. [Migration system as a legal and organizational structure of the process of strategic management of population migration: a theoretical administrative and legal aspect]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative law and process*. 2025;(2):27–34. (In Russ.)]
3. Kuznetsova S.A. [Migration attitudes as a subject of Socio-psychological research]. *Social'naya psihologiya i*

Социальная психология и общество. 2013;(4(4)):34–45.

4. Лисицын П.П. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(1):11–28.

5. Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX – начале XX столетий. М.: ТЕИС; 2008.

6. Рыбаковский Л.Л. Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса. *Уровень жизни населения регионов России*. 2018;(2(208)):86–94.

7. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса: монография. М.: Экон-Информ; 2019.

8. Хомра А.У. Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования: монография. Киев: Наукова Думка; 1979.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жеребцов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
ORCID: 0000-0002-7392-279X

obshchestvo = Social psychology and society. 2013;(4(4)):34–45. (In Russ.)]

4. Lisitsyn P.P. [Boundaries and the content of the migration process: theoretical definition and operationalization of migration research objects]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2017;(1):11–28. (In Russ.)]

5. Moiseenko V.M. [Essays on the study of population migration in Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. Moscow: TEIS; 2008. (In Russ.)]

6. Rybakovsky L.L. [The background of the theory of the three stages of the migration process]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = The standard of living of the population of the Russian regions*. 2018;(2(208)):86–94. (In Russ.)]

7. Rybakovskiy L.L. [History and theory of population migration. Book 3: Theory of three stages of the migration process]. Moscow: Ekon-Inform; 2019. (In Russ.)]

8. Homra A.U. [Population migration: Issues of theory, research methods]. Kiev: Scientific Thought; 1979. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey N. Zherebtsov

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the FGKOU VO "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
ORCID: 0000-0002-7392-279X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-28-37>

ЗАКОНОПРОЕКТ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИНЯТИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Пащенко И.Ю.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Пащенко И.Ю. Законопроект об искусственном интеллекте: перспективы принятия и концептуальные проблемы. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):28–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-28-37>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Пащенко Илья Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, доцент кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 442-50-65

E-mail: ilpa@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026

Статья принята к печати: 23.03.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: В статье проводится общий правовой анализ проекта федерального закона, направленного на регулирование технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. *Цель* исследования заключается в выявлении концептуальных особенностей и проблем правового регулирования искусственного интеллекта, отраженных в тексте законопроекта. Предпринята оценка их влияния на формирование эффективной модели правового регулирования.

Для достижения поставленной цели решаются *задачи* по анализу целей принятия законопроекта, исследованию его нормативной конструкции, выявлению пробелов и противоречий, а также оценке согласованности положений законопроекта с действующим информационным законодательством. В числе задач исследования также оценка сопроводительных материалов к законопроекту.

В результате исследования установлено, что законопроект носит рамочный характер, характеризуется отчасти правовой неопределенностью и содержит ряд концептуальных противоречий, в том числе в части реализации риск-ориентированного подхода, определения правового статуса отдельных разновидностей моделей искусственного интеллекта и регулирования новых категорий. Обосновано, что ключевые элементы правового регулирования вынесены на уровень подзаконного нормотворчества, что снижает предсказуемость правоприменительной практики. Сделан вывод о необходимости дальнейшей доктринальной и нормативной проработки предлагаемых положений, включая уточнение понятийного аппарата, институционализацию механизмов оценки рисков и усиление гарантий защиты прав граждан и организаций при использовании технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, законопроект, информационные технологии, информационные системы, большие фундаментальные модели, государственное управление, органы публичной власти, органы власти, федеральные органы исполнительной власти, Минцифры России.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE BILL: ADOPTION PROSPECTS AND CONCEPTUAL CHALLENGES

Иля У. Пасченко

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Paschenko I.Y. Artificial intelligence bill: adoption prospects and conceptual challenges. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):28–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-28-37>

CONTACT INFORMATION:

Иля У. Пасченко, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law, Associate Professor of the Department of Business and International Private Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 442-50-65

E-mail: ilpa@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.03.2026

The article has been accepted for publication: 23.03.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: The article provides a general legal analysis of the draft federal law aimed at regulating artificial intelligence technologies in the Russian Federation. The *purpose* of the study is to identify the conceptual features and problems of legal regulation of artificial intelligence reflected in the text of the draft law. An assessment of their impact on the formation of an effective model of legal regulation has been undertaken.

To achieve this goal, tasks are being solved to analyze the *objectives* of the adoption of the draft law, to study its normative structure, to identify gaps and contradictions, as well as to assess the consistency of the provisions of the draft law with the current information legislation. The objectives of the study also include the evaluation of the accompanying materials for the draft law.

As a *result* of the study, it was found that the draft law is of a framework nature, is characterized in part by legal uncertainty and contains a number of conceptual contradictions, including in terms of implementing a risk-based approach, determining the legal status of certain types of artificial intelligence models and regulating new categories. It is proved that the key elements of legal regulation are brought to the level of subordinate rulemaking, which reduces the predictability of law enforcement practice. It is concluded that there is a need for further doctrinal and regulatory elaboration of the proposed provisions, including clarifying the conceptual framework, institutionalizing risk assessment mechanisms, and strengthening guarantees for protecting the rights of citizens and organizations when using artificial intelligence technologies.

Keywords: artificial intelligence, AI, draft law, information technology, information systems, large fundamental models, public administration, public authorities, government authorities, federal executive authorities, Ministry of Finance of Russia.

Введение

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации 18 марта 2026 года опубликовало текст проекта Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹.

¹ Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [сайт]. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов; 2026 [обновлено 19 марта 2026; процитировано 19 марта 2026]. Доступно: <https://regulation.gov.ru/projects/166424>.

Законопроект размещен на Федеральном портале проектов нормативно-правовых актов, к нему приложена пояснительная записка и сводный отчет о проведении оценки регулирующего воздействия. Это первый официально опубликованный проект закона, подготовленный федеральным органом исполнительной власти, который направлен на регулирование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) на территории Российской Федерации. В настоящее время нормативное регулирование ИИ базируется на Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490¹, а также частично охватывается положениями Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ².

Методы исследования

В рамках исследования применялись общенаучные и специальные методы научного познания (метод системного подхода, диалектический, индуктивный, дедуктивный, структурный методы, анализ и синтез, сопоставление). В числе частнонаучных методов можно выделить такие методы как формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и метод юридического толкования.

Результаты исследования

1. Анализируемый законопроект формирует базовую рамочную модель правового регулирования технологий ИИ в России, однако не обеспечивает должного уровня правовой определенности и системности. Выявлено, что ключевые элементы регулирования, включая критерии риск-ориентированного подхода, требования к безопасности и процедуры оценки соответствия, вынесены на уровень подзаконного нормотворчества, что создает предпосылки для фрагментации правоприменительной практики.

2. Усматривается наличие концептуальных противоречий в конструкции законопроекта, выражающихся в несогласованности целей технологического развития, а также в отсутствии четкой дифференциации правовых режимов технологий ИИ в зависимости от уровня риска. Установлено, что введенные категории (в частности, «суверенные», «национальные» и «доверенные» модели, а также «информационный материал») не обладают достаточной степенью юридической определенности и не интегрированы в систему действующего законодательства к настоящему времени.

3. Наличие текста законопроекта для открытой дискуссии можно оценить позитивно, хотя в текущей редакции он требует дальнейшей доктринальной и нормативной доработки, направленной на уточнение понятийного аппарата, институционализацию риск-ориентированного подхода и формирование сбалансированной системы гарантий защиты прав личности, общества и государства при применении ИИ.

Научная дискуссия

О целях и необходимости принятия закона

В пояснительной записке к проекту закона указано, что его принятие направлено на реализацию трех целей: создание правовых условий для ускоренного развития и внедрения технологий ИИ; обеспечение безопасности личности, общества и государства; достижение государственного технологического суверенитета при использовании ИИ в России.

Первая из обозначенных целей логично вписывается в текущую информационную и общественно-политическую повестку, поскольку о необходимости создания правового поля для применения технологий ИИ неоднократно высказывались государственные деятели на официальном уровне, в том числе такая потребность обозначалась Президентом России В.В. Путиным. В январе 2026 года Глава государства поручил Правительству Российской Федерации к 1 июня 2026 года подготовить и утвердить национальный план по внедрению технологий ИИ³. Кроме того, стоит отметить, что в феврале

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», утв. Президентом РФ 03.01.2026 № Пр-22 [сайт]. Официальный сайт Президента Российской Федерации; 2026

2026 года была сформирована комиссия при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта¹. Комиссия займется выработкой направлений государственной политики при внедрении ИИ в социальной сфере, отраслях экономики и государственном управлении. Фактически, ее можно рассматривать как консультативный орган, на базе которого в Администрации Президента России будет происходить координация работы между ведомствами и технологическими компаниями. Примечательно, что аналогичные консультативно-совещательные органы появятся на уровне субъектов Российской Федерации – они будут образованы при губернаторах или региональных администрациях². Отмеченное свидетельствует о том, что властями предприняты активные действия по преодолению правового вакуума в сфере регулирования технологий ИИ. При этом ключевая проблема в этом направлении – не сокращение административных барьеров, а создание благоприятных условий и достижение правовой определенности для внедрения ИИ в контексте приоритетного использования отечественных технологий.

Полагаем, целесообразно акцентировать внимание на поэтапности создания правовых условий для ускоренной разработки и внедрения ИИ. Анализ темпов технологического прогресса в части развития и применения ИИ не относится к предметной области юриспруденции, однако существующие риски и потенциальные последствия неминуемо приводят к поиску правовых решений для всех возникающих жизненных ситуаций. Следовательно, существует необходимость понимания того, о каком именно ИИ идет речь, точнее – о формах его использования: о нейросетях, чат-ботах, поисковых сервисах, агентах или иных разновидностях. Бесспорно, что форма ИИ имеет особое значение для выработки конкретных моделей правового регулирования, если исходить из идеи создания правовых режимов для таких технологий. При этом на примере ИИ-агентов, получивших массовое распространение лишь в 2025 году, становится очевидно, что правовое регулирование ИИ будет всегда отставать от реального положения дел. Разработка универсального подхода к устойчивому регулированию ИИ видится крайне амбициозной задачей, с которой пока не справились многие национальные правовые порядки.

Если анализировать предпосылки установления регулирования ИИ в Российской Федерации, то можно отметить ряд тенденций. Во-первых, в общественном дискурсе долгое время существовала идея о том, что ИИ развивается так стремительно, что регулирование будет создавать препятствия на пути внедрения новых технологий или что его нормативное обособление является преждевременным [1, с. 40]. Во-вторых, идея саморегулирования, сформировавшаяся в профессиональном сообществе, отчасти была реализована. Так, в России появился Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, принятый и соблюдаемый членами Альянса в сфере искусственного интеллекта³. Позднее была опубликована Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта⁴. В-третьих, постепенно стал проявляться отраслевой взгляд на ИИ. Например, Банк России направил Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке участникам финансового рынка, кредитным и иным финансовым организациям, субъектам национальной платежной системы⁵. В-четвертых, нельзя однозначно утверждать, что ИИ в России находился вне нормативного поля и за рамками государственного управления, поскольку реализовывался комплекс организационных мероприятий, финансируемых за счет федерального бюджета. В частности, с 2018 по 2024 годы был реализован национальный проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской

[обновлено 03 января 2026; процитировано 19 марта 2026]. Доступно: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/78992>.

¹ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта: Указ Президента РФ от 26.02.2026 № 116 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² В регионах создадут комиссии по внедрению искусственного интеллекта [сайт]. Ведомости; 2026 [обновлено 06 февраля 2026; процитировано 19 марта 2026]. Доступно: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2026/02/06/1174678-komissii-po-vnedreniyu>.

³ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [сайт]. Альянс в сфере искусственного интеллекта; 2021 [обновлено 26 октября 2021; процитировано 19 марта 2026]. Доступно: <https://ethics.a-ai.ru>.

⁴ Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта [сайт]. Альянс в сфере искусственного интеллекта; 2024 [обновлено 12 декабря 2024; процитировано 19 марта 2026]. Доступно: <https://ethics.a-ai.ru/white-book/reader>.

⁵ О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке: Информационное письмо Банка России от 09.07.2025 № ИН-016-13/91 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Федерации»¹, а с 2025 года действует национальный проект «Национальная программа «Экономика данных и цифровая трансформация государства»². Реализация текущего проекта запланирована до 2030 года. В-пятых, лишь в середине 2025 года в России началась выработка институционального подхода к регулированию ИИ. В данном случае особое значение имеют структурные подразделения в органах публичной власти, нацеленные на разработку подходов к применению и практическому внедрению ИИ. На базе автономной некоммерческой организации «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» был образован Центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации³. Таким образом, на официальном уровне системный взгляд на применение ИИ в Российской Федерации только начинает формироваться, а вынесенный на общественное обсуждение текст законопроекта Минцифры России призван объединить идеи по комплексному регулированию новой сферы сложных общественных отношений.

Также в качестве одной из целей законопроекта обозначено обеспечение безопасности личности, общества и государства. Указанная цель сочетается с конституционной нормой, содержащейся в п. «м» ст. 71 Конституции России. По итогам общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, состоявшегося 1 июля 2020 года, редакция данной нормы была изменена, и в настоящее время Основной закон предусматривает, что в ведении Российской Федерации находится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных»⁴. Следовательно, при применении ИИ, как категории, относящейся к области информационных технологий, важно учитывать данную норму и исходить из необходимости установления федерального регулирования. При этом конституционное закрепление безопасности личности, общества и государства относительно применения информационных технологий без их сужения до конкретного вида или области позволяет утверждать о широком подходе законодателя к их регулированию [3, с. 105].

Безусловно, необходимость обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении технологий ИИ выступает отражением комплексного характера рисков, возникающих в условиях цифровизации общественной жизни. При этом риски носят многоуровневый характер и по своей природе подразделяются на частные (личность) и публичные (общество, государство). Речь идет не только о конституционной защите неприкосновенности личности и частной жизни, необходимости соблюдения законодательства о персональных данных и иных требований информационного законодательства, но и о предотвращении дискриминационных действий при принятии решений, опирающихся на алгоритмы, недопущении манипулятивного воздействия на общественное мнение и индивидуальное поведение граждан, а также об исключении критических угроз, связанных со стабильным функционированием инфраструктуры связи (например, обеспечивающей право на своевременный доступ к достоверной информации) и обеспечением должного контроля в иных сферах. Сложно утверждать, какая из указанных проблем в настоящее время имеет наиболее острое проявление, однако достижение комплексной безопасности личности, общества и государства нередко подвергается сомнению ввиду масштабирования ситуации с неконтролируемой обработкой данных [2, с. 102], а также распространением недостоверной

---

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: протокол от 04.06.2019 № 7, утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию, утв. Президентом РФ 30.03.2024 № Пр-616 [сайт]. Официальный сайт Президента Российской Федерации; 2024 [обновлено 30 марта 2024; процитировано 19 марта 2026]. Доступно: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759>; Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [сайт]. Официальный сайт Правительства Российской Федерации; 2024 [обновлено 20 декабря 2024; процитировано 19 марта 2026]. Доступно: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about>.

³ О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации (вместе с «Положением о системе реализации приоритетных задач Правительства Российской Федерации в области развития технологий искусственного интеллекта и Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации»): Постановление Правительства РФ от 09.06.2025 № 861 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

информации [6, с. 96]. ИИ способен выступить мощным катализатором этих негативных социальных процессов. В этом контексте особое значение приобретает установление требований к прозрачности, объяснимости и предсказуемости функционирования систем ИИ, а также закрепление механизмов ответственности для разработчиков, операторов, владельцев, пользователей информационных систем с ИИ.

На уровне общества и государства задачи обеспечения безопасности приобретают более широкий и сложный масштаб, включают защиту критической информационной инфраструктуры, противодействие использованию ИИ в противоправных целях, а также минимизацию технологических и экономических угроз. Указанное свидетельствует о необходимости создания механизмов прогнозирования, предварительной оценки и управления рисками, дифференциации правовых режимов в зависимости от уровня потенциальной опасности конкретных технологий ИИ. Очевидно, что результатом достижения такой цели могут стать действенные инструменты государственного контроля и надзора. Убеждены, что особую значимость приобретают механизмы общественного контроля, в том числе реализуемые институтами гражданского общества [9, с. 121]. Установление же баланса между стимулированием инноваций и необходимостью ограничения потенциально опасных рисков позволит обеспечить устойчивое и безопасное развитие технологий в интересах личности, общества и государства.

Третья цель, закладываемая при принятии проекта, обусловлена укреплением государственного технологического суверенитета при использовании ИИ. Полагаем, что законодатель подразумевает использование отечественных технологий ИИ. Суверенитет – категория политико-правовая, требующая дополнительного уточнения. Действующее регулирование не содержит официальных дефиниций для технологического суверенитета, хотя его содержание в прикладном смысле отражено в Постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603¹ и непосредственно связано с экономической сферой. В Указе Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 указано, что экономический суверенитет – объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств². Следовательно, можно экстраполировать указанное определение и предположить, что под технологическим суверенитетом стоит понимать независимость государства в проведении внутренней и внешней технологической политики. Технологическая политика в Российской Федерации регламентирована Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ, однако категория «суверенитет» в указанном акте отсутствует. Не исключено, что упоминание технологического суверенитета в законопроекте потребует более точной содержательной детализации категории в будущих нормативно-правовых актах. Представляется обоснованным вывод о том, что технологический суверенитет – крайне сложное и многоаспектное понятие, требующее учета национальной безопасности и экономической устойчивости, совершенствования отраслевого правового регулирования, координации и контроля со стороны различных субъектов [10, с. 7].

В научной литературе отмечается наличие множества различных видов государственного суверенитета, включая технологический [5, с. 29]. Исследователи нередко связывают технологическое развитие государства с достижением информационного суверенитета [4, с. 38]. Кроме того, технологический суверенитет рассматривают сквозь призму критических и сквозных технологий, образующих перечень наукоемких технологий Российской Федерации [8, с. 51]. Сущность критических технологий, к которым может относиться ИИ, заключается в их особом значении для национальной безопасности, в том числе обеспечением стабильного функционирования государственного управления. Отметим, что в пояснительной записке к законопроекту и его тексте специально обозначено, что предлагаемые положения не распространяются на сферу обороны и

¹ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

безопасности государства, обеспечение правопорядка и антитеррористической защищенности, предотвращение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Особое внимание к технологическому суверенитету имеет значение, поскольку необходимо понимать, в чем он проявляется и какие задачи преследуют авторы законопроекта, опираясь на данную категорию. В контексте регулирования ИИ технологический суверенитет может рассматриваться даже шире ранее высказанного предположения об использовании российских моделей ИИ. Так, Рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок, утвержденные Межпарламентской Ассамблеей государств - участников СНГ, закрепляют принципы регулирования ИИ, в числе которых упомянут и технологический суверенитет¹. Под ним понимается согласованная политика государств на пространстве СНГ и направленная на развитие информационных технологий и обеспечение уровня технологического суверенитета участников региональной международной организации.

Таким образом, в случае принятия законопроекта потребуется нормативно уточнить, каким именно образом регулирование ИИ вносит вклад в развитие государственного технологического суверенитета. Законопроект охватывает повседневные ситуации, связанные с использованием гражданами и организациями в своей текущей деятельности различных (отечественных и иностранных) технологий ИИ, что в целом вряд ли может рассматриваться как укрепление государственного технологического суверенитета. Отечественные технологии и сервисы, безусловно, крайне важны и жизненно необходимы, однако представляется дискуссионным вопрос о достижимости полноценного технологического суверенитета в ситуации, когда суверенные и национальные модели ИИ будут отставать от зарубежных аналогов.

О концептуальных проблемах законопроекта

Во-первых, текст законопроекта является рамочным, что отдельно указано в пп. 2.4, 2.6, 3.13, 3.16, 3.17, 4.2, 5.1, 5.2 сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта. Следовательно, рамочное регулирование предполагает превалирующее количество декларативных норм. Указание на цели и принципы, права и обязанности в общем виде раскрыты в тексте проекта, однако конкретные механизмы предложено передать на уровень ведомственного регулирования. В числе таких механизмов: критерии риска, процедуры оценки соответствия моделей, требования к безопасности, инструменты контроля. Фактически, основное содержание правового регулирования применения ИИ отнесено на уровень подзаконного регулирования. С одной стороны, это позволяет добиться гибкого управления и оперативной корректировки норм при необходимости. С другой стороны, указанные вопросы настолько существенны, что они имеют ключевое значение для регулирования. При этом сохраняющаяся правовая неопределенность (отсутствие комплексного законодательного регулирования) не препятствует осуществлению системного нормотворчества органами публичной власти в сфере применения технологий ИИ.

Смещение фокуса регулирования с законодательного уровня на подзаконный не позволяет прописать единые правила для технологической сферы, а также закрепить определенные гарантии для граждан. Фрагментация регулирования, безусловно, отвечает запросу на динамичность и индивидуальный учет потребностей технологического сектора, хотя многое будет зависеть от фактической правоприменительной практики и активной позиции регуляторов в соответствующих областях. При этом нельзя не отметить, что в тексте законопроекта неоднократно упоминается «создание условий», включая достижение «благоприятных условий». Наличие рамочного регулирования само по себе не является созданием каких-либо условий, так же как и само по себе делегирование полномочий. Отсылки в тексте законодательного акта в любом случае не являются ядром регулирования, что и снижает правовую определенность. Хотя для юридической техники в области технологического регулирования привычны бланкетные нормы, их использование представляется целесообразным минимизировать.

Кроме того, в ч. 4 и ч. 5 ст. 2 проекта установлены определенные ограничения для самостоятельного нормотворчества в сфере ИИ федеральными органами исполнительной власти. Так, нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти подлежат обязательному

¹ О Рекомендациях по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 14.04.2023 № 55–23 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

согласованию с уполномоченным органом в сфере ИИ – Минцифры России. Отдельные нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти и субъектов Российской Федерации (прим. – непосредственный текст законопроекта – видимо, пропущено авторами: «исполнительных органов») необходимо согласовывать с ФСТЭК России и ФСБ России с учетом их компетенции.

Во-вторых, риск-ориентированный подход не раскрыт авторами законопроекта. В отчете указано, что при разработке документа использовался зарубежный опыт регулирования ИИ. В последние годы ИИ перестал быть предметом осторожных дискуссий, а получил детальное регулирование в Европейском Союзе, Китае, Южной Корее, США и других государствах. При этом попытки урегулировать отношения в области ИИ наиболее активно предпринимаются многими развитыми и развивающимися государствами [7, с. 340]. Несмотря на различные подходы к регулированию ИИ, риск-ориентированная модель остается одной из наиболее востребованных в мире.

С учетом пп. 3 ст. 4 риск-ориентированный подход предполагает выработку требований к моделям ИИ с учетом возможного причинения вреда или ущерба, определения их масштабов, а также безопасности и независимости государства, окружающей среде и иным охраняемым законом ценностям. При этом ст. 5 проекта сужает риск-ориентированный подход, указывая лишь на вероятность рисков причинения вреда или ущерба и определения их масштаба при оценке разработки правового регулирования для ИИ. Полагаем, что авторы законопроекта не раскрыли в тексте документа должным образом ключевое положение будущего закона. В п. «г» ч. 1 ст. 10 указано на необходимость моделирования разработчиками моделей ИИ потенциальных рисков; п. «б» ч. 2 ст. 13 предусматривает наличие положения в пользовательском соглашении о риске повторного воспроизведения охраняемой законом интеллектуальной собственности; ст. 14 накладывает на уполномоченные органы власти (не представляется возможным однозначно определить круг таких органов) обязанность осуществлять мониторинг, анализировать и реагировать на риски и угрозы при применении ИИ; п. «г» ч. 4 ст. 19 закрепляет полномочие за федеральными органами исполнительной власти по формированию механизмов оценки рисков нарушения этических норм при применении ИИ. При этом законопроект не раскрывает, какие именно этические нормы учитываются и кто их разрабатывает.

Таким образом, в тексте проекта нет ни классификации рисков, ни уровней риска систем и технологий, ни последствий реализации рисков (включая вопросы ответственности в зависимости от наступления критической ситуации) при использовании ИИ. При буквальном толковании текста законопроекта можно сделать вывод о том, что риск-ориентированный подход выступает оценочной категорией, которая подлежит установлению органами власти отдельно с учетом реализуемых ими полномочий. Следовательно, нивелируется один из базовых принципов законопроекта.

В-третьих, смысл некоторых положений законопроекта остается не совсем понятным, учитывая действующее информационно-правовое регулирование. Так, ст. 7 проекта предусматривает, что в Российской Федерации обеспечивается поддержка внедрения суверенных и национальных моделей ИИ. Признаки суверенных и национальных моделей указаны: разработка и обучение осуществляются на территории России, их используют граждане и российские организации, формирование наборов данных осуществляется за счет отечественных данных. При этом представляется дискуссионным отсутствие указания на то, что сами технологии ИИ должны быть созданы на территории Российской Федерации гражданами и российскими организациями, а не просто разрабатываться и обучаться. Фактически, ничто не препятствует дальнейшей разработке и обучению иностранных технологий ИИ на данных, собранных на территории Российской Федерации.

Исходя из непосредственного изучения текста документа можно установить, что подразумеваются разные виды моделей – суверенные и национальные. Однако законопроект не указывает, в чем заключается отличие между ними. Кроме того, невнятно сформулирована цель введения этих разновидностей больших языковых моделей. В пп. 5 ст. 4 проекта указано, что суверенные и национальные модели ИИ являются составным элементом технологической независимости государства (самостоятельности государства в области развития технологий ИИ). Представляется сомнительным, что авторы законопроекта стремятся обосновать технологическую независимость через введение новых категорий в законодательство, поскольку для этого можно успешно использовать существующий правовой инструментарий информационного законодательства.

Представляется возможным предположить, что речь идет о технологиях ИИ, разработчики которых получают дополнительную финансовую и организационную поддержку. При этом поддержка

суверенных и национальных моделей, учитывая ч. 1 ст. 7 проекта, проводится в целях обеспечения технологической независимости и сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации. Отсутствие иерархии моделей, их правового положения и описания функций в системе действующего регулирования порождает неопределенность на определенном временном этапе.

В тексте законопроекта упоминается еще одна разновидность моделей ИИ – доверенные. Практический смысл доверенных моделей ИИ понятен – в соответствии со ст. 8 проекта их применение планируется в государственных информационных системах (при этом в тексте законопроекта отсутствует упоминание муниципальных информационных систем) и на значимых объектах критической инфраструктуры. Для формирования перечня таких моделей будет создан специальный реестр, порядок ведения которого должно определить Правительство Российской Федерации. Критерии «доверенности» и качества моделей для включения в реестр также должны определяться органами власти для отдельных сфер, что дополнительно свидетельствует об отсутствии процедур и стандартов в документе. При этом в п. «а» и п. «в» ч. 4 ст. 15 авторы проекта упоминают уже «доверенные технологии» и не разъясняют их правовое содержание.

В документе встречается еще одна новая категория, которая отсутствует в действующем законодательстве – «информационный материал». Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ не содержит в числе базовых категорий подобный объект регулирования¹. Отсутствие легального определения и избыточная широта охвата за счет отсылки к «иному контенту» существенно снижают регулятивный потенциал будущих норм (п. «е» ч. 3 ст. 10, ст. 12, п. «б» и п. «г» ч. 2 ст. 13, п. «а» и п. «б» ч. 4 ст. 13 – авторы проекта используют формулировки «информационный материал» и «материал», не проводя между ними различий).

Кроме того, указана конструкция «синтезированный, сгенерированный информационный материал» для целей маркировки, осуществления контроля и определения ответственности, через которую вводится новый правовой режим информации, предполагающий выдачу предупреждений, осуществление проверки и удаление при необходимости. Затруднения вызывает тот факт, что форма (фактическое содержание) такого информационного материала остается открытой для интерпретации, поскольку современные модели ИИ способны выдавать результат в комбинированных, сложных формах. Это порождает ряд вопросов: объектом каких прав выступает информационный материал, чем он отличается от информации (независимо от формы ее представления), и охраняется ли материал как конкретный результат интеллектуальной деятельности. В результате данная категория не выполняет функцию точного объекта правового воздействия, а, напротив, формирует зону правовой неоднозначности, способную привести к дополнительному ограничению оборота информации.

Принятие закона об ИИ необходимо для эффективного функционирования государственного управления в современном государстве, нацеленном на последовательное развитие информационного общества. Важно, что принятие закона об ИИ в России сопровождается широкой общественной и научной дискуссией, а не ограничивается ускоренным рассмотрением и оперативным вступлением в силу закона. Опубликованный законопроект Минцифры России позволяет предварительно взглянуть на контуры регулирования ИИ в России и оценить перспективы будущего технологического уклада страны.

Безусловно, анализируемый законопроект в представленной редакции требует доработки, характеризуется некоторой степенью неопределенности и неполной согласованностью с действующим правовым регулированием. Отсутствие легальных определений, избыточная широта охвата, смешение технологических и юридических характеристик, неразработанность механизмов снижают регулятивный потенциал будущего акта. Вместе с тем риски формирования противоречивой правоприменительной практики могут быть преодолены посредством диалога с участием всех субъектов, заинтересованных в развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Архиреев Н.В. Тенденции правового регулирования создания и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации. *Российская*

References:

1. Hierarchs N.V. [Trends in the legal regulation of the creation and application of artificial intelligence in the Russian Federation]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian*

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- юстиция. 2025;(1):32–40. DOI: 10.52433/01316761_2025_01_32.
2. Васильева Л.Н., Журавлева О.О., Кабытов П.П. Право и виртуальное пространство: монография. М.: Проспект; 2025.
3. Волкова Н.С., Ефремов А.А., Зырянов С.М. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография. М.: Инфотропик Медиа; 2024.
4. Косырева М.С. Трансформация публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*. 2025;(20(11)):29–39. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039>.
5. Лолаева А.С. Принятие Закона о технологической политике как инструмент обеспечения цифрового суверенитета России. *Хозяйство и право*. 2025;(3(578)):29–41. DOI: 10.18572/0134-2398-2025-3-29-41.
6. Лупарев Е.Б. Проблемы административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(2(14)):93–98. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-93-98>.
7. Лянной Г.Г. Административно-правовое регулирование разработки и использования технологий искусственного интеллекта. *Сибирское юридическое обозрение*. 2024;(3(21)):336–352. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-336-352>.
8. Мигачев Ю.И., Зайцев Д.И. Формы государственного управления в области критических и сквозных технологий: концептуальные основы. *Актуальные проблемы российского права*. 2025;(20(10)):50–59. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.179.10.050-059>.
9. Потапенко С.В., Пчелинцев А.С., Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Искусственный интеллект при осуществлении общественного контроля: пределы допустимости (правовой аспект). *Теория и практика общественного развития*. 2025;(1(201)):116–124. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2025.1.14>.
10. Чердаков О.И. Технологический суверенитет - гарантия безопасности государства. *Безопасность бизнеса*. 2025;(2):2–7. DOI: 10.18572/2072-3644-2025-2-2-7.
- justice. 2025;(1):32–40. DOI: 10.52433/01316761_2025_01_32. (In Russ.).
2. Vasilyeva L.N., Zhuravleva O.O., Kabytov P.P. [Law and virtual space]. Moscow: Prospekt; 2025. (In Russ.).
3. Volkova N.S., Efremov A.A., Zyryanov S.M. [The state, society and personality: ways to overcome challenges and threats in the information sphere]. Moscow: Infotropik Media; 2024. (In Russ.).
4. Kosyрева M.S. [Transformation of public law provision of information sovereignty of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2025;(20(11)):29–39. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039>. (In Russ.).
5. Lolaeva A.S. [Adoption of the Law on Technology Policy as a tool to ensure Russia's digital sovereignty]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*. 2025;(578(3)):29–41. DOI: 10.18572/0134-2398-2025-3-29-41. (In Russ.).
6. Luparev E.B. [Problems of administrative responsibility for the dissemination of deliberately false information]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Bulletin of Kuban State University*. 2022;(2(14)):93–98. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-93-98>. (In Russ.).
7. Lyannoy G.G. [Administrative and legal regulation of the development and use of artificial intelligence technologies]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2024;(3(21)):336–352. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-336-352>. (In Russ.).
8. Migachev Yu.I., Zaitsev D.I. [Forms of public administration in the field of critical and end-to-end technologies: conceptual foundations]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2025;(20(10)):50–59. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.179.10.050-059>. (In Russ.).
9. Potapenko S.V., Pchelintsev A.S., Goncharov V.V., Petrenko E.G., Cheshin A.V. [Artificial intelligence in the implementation of public control: limits of admissibility (legal aspect)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2025;(1(201)):116–124. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2025.1.14>. (In Russ.).
10. Cherdakov O.I. [Technological sovereignty is a guarantee of state security]. *Bezopasnost' biznesa = Business security*. 2025;(2):2–7. DOI: 10.18572/2072-3644-2025-2-2-7. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашенко Илья Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, доцент кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-1445-2126
AuthorID: 837894

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyashenko Ilya Yurievich

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law, Associate Professor of the Department of Business and International Private Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-1445-2126
AuthorID: 837894

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-38-48>

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Коршакова К.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
Северо-Кавказский филиал
(Красных Партизан ул., д. 234, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Коршакова К.В. О некоторых проблемных аспектах правоприменительной практики при рассмотрении судами индивидуальных трудовых споров. *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2026;18(1):38–48. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-38-48>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Коршакова Катарина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

Адрес: Красных Партизан ул., д. 234, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (918) 461-10-07

E-mail: katarina_krr@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Статья принята к печати: 02.03.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: На протяжении всего современного этапа развития российской правовой системы государство предоставляло повышенные правовые гарантии по защите своих субъективных прав «слабой» стороне трудовых правоотношений – работникам. Эта категория истцов в рамках судебных споров обладает целым рядом преимуществ, как с точки зрения материального, так и с точки зрения процессуального права. Вместе с тем несмотря на то, что государство уделяет особое внимание защите прав и законных интересов граждан в сфере трудовых отношений, в правоприменительной практике возникают проблемы, которые требуют законодательного решения. Примерами таким проблемных аспектов являются вопросы, связанные с неопределенностью в вопросе обязанности по соблюдению досудебного порядка в случае причинения вреда имуществу работнику, а также вопросы, связанные с применением положений гражданского законодательства о приостановлении течения сроков исковой давности в трудовых спорах. Сформулирован вывод о необходимости имплементации в трудовое законодательство норм аналогичных тем, что содержатся в ч. 3 ст. 202 ГК РФ.

Цель исследования – комплексный анализ проблемных аспектов правоприменительной практики при рассмотрении судами индивидуальных трудовых споров, возникающих в силу несовершенства законодательной техники и неоднозначного толкования норм материального и процессуального права, в том числе в части определения обязательности досудебного порядка возмещения вреда имуществу работника и исчисления сроков исковой давности, а также выработка на основе выявленных противоречий конкретных предложений по совершенствованию действующего законодательства для обеспечения единообразия судебной защиты и усиления гарантий прав участников трудовых отношений.

Задачи исследования: проанализировать правовую природу и особенности нормативного регулирования института судебной защиты в индивидуальных трудовых спорах, выявив соотношение материальных и процессуальных норм в данной сфере; выявить и классифицировать противоположные подходы судебной практики относительно обязательности соблюдения работником «заявительного» порядка перед обращением в суд; уточнить порядок возмещение вреда, причиненного имуществу работнику путем регламентации обязательного досудебного порядка в ч. 3 ст. 235 ТК РФ; обосновать необходимость имплементации в трудовое законодательство норм аналогичных тем, что содержатся в ч. 3 ст. 202 ГК РФ.

Методы исследования: посредством формально-логического подхода проводится анализ законодательных положений, которые регламентируют вопросы, связанные с реализацией прав и обязанностей при возникновении индивидуального трудового спора. Метод системного анализа позволил рассмотреть правовые нормы в их взаимосвязи и выявить коллизии между общими и специальными предписаниями. Сравнительно-правовой метод применен для изучения и сопоставления диаметрально противоположных подходов судебной практики по вопросам обязательности досудебного порядка и применения сроков исковой давности. Метод аналогии и правового моделирования использован для оценки обоснованности применения судами аналогии закона и для разработки конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты проведенного исследования – выявлены проблемные аспекты правоприменительной практики при рассмотрении судами индивидуальных трудовых споров, что приводит к противоречивости судебной практики и создает риски для защиты прав работников. Предложено внести изменения в ст. 235 ТК РФ, прямо закрепив обязательный досудебный порядок, а также имплементировать в ст. 392 ТК РФ нормы о приостановлении сроков исковой давности, аналогичные положениям ст. 202 ГК РФ, для усиления гарантий судебной защиты участников трудовых правоотношений.

Ключевые слова: индивидуальные трудовые споры, гражданское судопроизводство, срок исковой давности, обязательный досудебный порядок, возмещение вреда, причиненного имуществу работнику, аналогия права, исковое заявление.

ON SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE CONSIDERATION OF INDIVIDUAL LABOR DISPUTES BY COURTS

Katarina V. Korshakova

FGBOU VO "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"
North Caucasus Branch, Krasnodar, Russia
(Krasnykh Partizan str., 234, Krasnodar, Russia, 350020)

Link for citation: Korshakova K.V. On some problematic aspects of law enforcement practice in the consideration of individual labor disputes by courts. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):38–48. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-38-48>

CONTACT INFORMATION:

Katarina V. Korshakova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure of the North Caucasus Branch FGBOU VO "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

Address: Krasnykh Partizan str., 149, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (918) 461-10-07

E-mail: katarina_krr@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 02.02.2026

The article has been accepted for publication: 02.03.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: Throughout the modern stage of development of the Russian legal system, the state has provided increased legal guarantees for the protection of its subjective rights to the "weak" party of labor relations, the employees. This category of claimants has a number of advantages in court disputes, both in terms of substantive and procedural law. However, despite the fact that the state pays special attention to protecting the rights and legitimate interests of citizens in the field of labor relations, there are problems in law enforcement practice that require legislative solutions. Examples of such problematic aspects include issues related to the uncertainty surrounding the obligation to comply with the pre-trial procedure in the event of damage to an employee's property, as well as issues related to the application of civil law provisions on the suspension of the statute of limitations in labor disputes. The article concludes that it is necessary to implement these provisions in the labor law.

The *purpose* of the study is to provide a comprehensive analysis of the problematic aspects of law enforcement practice in the consideration of individual labor disputes by courts, which arise due to the imperfection of legislative technique and the ambiguous interpretation of substantive and procedural law norms, including the determination of the mandatory pre-trial procedure for compensating damage to an employee's property and the calculation of the statute of limitations. Based on the identified contradictions, the study aims to develop specific proposals for improving the current legislation to ensure uniform judicial protection and strengthen the rights of participants in labor relations.

The *objectives* of the study are to analyze the legal nature and features of the regulatory framework for the institution of judicial protection in individual labor disputes, identifying the relationship between substantive and procedural norms in this area; to identify and classify the opposing approaches of judicial practice regarding the mandatory compliance of an employee with the "application" procedure before going to court; to clarify the procedure for compensating damages caused to an employee's property by regulating the mandatory pre-trial procedure in Part 3 of Article 235 of the Labor Code of the Russian Federation; and to justify the need for implementing similar provisions in labor legislation as those found in Part 3 of Article 202 of the Civil Code of the Russian Federation.

Research *methods*: Through a formal-logical approach, the author analyzes the legislative provisions that regulate issues related to the implementation of rights and obligations in the event of an individual labor dispute. The method of systemic analysis allowed the author to examine legal norms in their interrelation and identify conflicts between general and specific regulations. The comparative legal method was used to study and compare diametrically opposed approaches of judicial practice regarding the mandatory pre-trial procedure and the application of the statute of limitations. The method of analogy and legal modeling was employed to assess the validity of the application of legal analogy by courts and to develop specific proposals for improving legislation.

The *results* of the study revealed problematic aspects of law enforcement practice in the consideration of individual labor disputes by courts, which leads to contradictory judicial practice and creates risks for the protection of workers' rights. It is proposed to amend Article 235 of the Labor Code of the Russian Federation by explicitly establishing a mandatory pre-trial procedure, as well as to implement in Article 392 of the Labor Code of the Russian Federation the provisions on the suspension of the statute of limitations, similar to the provisions of Article 202 of the Civil Code of the Russian Federation, in order to strengthen the guarantees of judicial protection for participants in labor relations.

Keywords: individual labor disputes, civil proceedings, statute of limitations, mandatory pre-trial procedure, compensation for damage caused to an employee's property, analogy of law, statement of claim.

Введение

В современной российской правовой системе вопросы, связанные правовыми гарантиями в сфере труда, являются предметом в том числе конституционно-правового регулирования (ст. 37 Конституции РФ)¹. Во исполнение конституционных предписаний по защите прав и законных интересов трудящихся на федеральном уровне действуют правовые механизмы, которые имеют как материально-правовую природу в форме трудового законодательства, так и процессуально-правовую в форме гражданско-процессуального законодательства [1, с. 245]. Причем ряд ключевых положений, определяющих то, каким образом будут развиваться судебные процедуры, предметом которых является спорное трудовое правоотношение, содержится в главном материально-правовом источнике

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием (с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года): принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

российского трудового права – Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ)¹. В связи с чем, говоря об актуальных проблемах, связанных с рассмотрением в судах общей юрисдикции индивидуальных трудовых споров, невозможно рассматривать исключительно процессуально-правовые источники права, игнорируя нормы, которые содержатся в материально-правовых источниках, но которые по своей правовой природе имеют именно процедурный характер [7, с. 76].

Примером такой нормы, которая формально является нормой материального права, способной повлиять на отношения между субъектами, но уже в рамках процессуального правоприменения, является ст. 235 ТК РФ. Эта норма трудового законодательства закрепляет правило о том, что работодатель, который причинил вред имуществу своего сотрудника, обязан возместить причиненный ущерб в полном объеме. Также положения ст. 235 ТК РФ, а именно абзац 3 устанавливает процедуру, в рамках которой происходит возмещение имущественного ущерба в пользу сотрудника. Так, сотруднику для возмещения ущерба необходимо подать соответствующее заявление в адрес работодателя, причинившего ущерб. Работодатель, в свою очередь, обязан рассмотреть поступившее обращение и принять решение по возмещению вреда в срок, не превышающий десять дней со дня поступления заявления. Хотя законодатель и не обозначает конкретные варианты выбора, но исходя из сложившейся деловой и правоприменительной практики у работодателя де-факто имеется только два варианта для ответа: удовлетворить требования или отказать в их удовлетворении. Уклонение от ответа может быть расценено как нарушение трудового законодательства. Если сотрудник не согласен с тем решением, которое было принято со стороны своего нанимателя или если от последнего вообще не последовало никакого ответа на поступившее заявление о возмещении имущественного ущерба, то гражданин вправе обратиться в суд для защиты своих прав путем предъявления имущественного иска о взыскании.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, применение которых позволило всесторонне изучить проблемные аспекты правоприменительной практики при рассмотрении судами индивидуальных трудовых споров и сформулировать обоснованные предложения по совершенствованию законодательства.

В рамках общенаучной методологии ключевую роль сыграл диалектический метод, который предопределил рассмотрение правовых явлений в их развитии и взаимосвязи. Это позволило не ограничиваться статичным анализом положений ст. 235 и ст. 392 ТК РФ, а проследить, как несовершенство законодательной техники порождает противоречивые правоприменительные подходы, которые, в свою очередь, влияют на динамику защиты трудовых прав.

Метод системного анализа был применен для исследования ТК РФ и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) как целостных нормативных образований. С его помощью установлены не только содержание отдельных статей, но и выявлены системные связи между ними.

Формально-логический метод (включая анализ, синтез, индукцию и дедукцию) стал основой для толкования правовых предписаний. Посредством анализа автором были выделены отдельные элементы правовых норм (гипотеза, диспозиция, санкция), а синтез позволил сформировать целостное представление о механизме возмещения вреда имуществу работника. Индуктивный метод проявился в обобщении единичных правоприменительных актов (конкретных судебных решений) для формулирования общих выводов о существовании двух противоположных подходов в судебной практике.

Среди частнонаучных методов ведущее место занял формально-юридический (догматический) метод, позволивший провести детальный анализ текста правовых норм. Подвергнуты тщательному грамматическому и логическому толкованию положения ч. 3 ст. 235, ст. 391 ТК РФ, ст. 202 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) и ст. 11 ГПК РФ³. Именно благодаря этому методу был выявлен дуализм в понимании обязанности работника соблюдать досудебный порядок: буквальное толкование ст. 235 ТК РФ не позволяет однозначно

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

утверждать о его императивности, тогда как систематическое толкование может свидетельствовать об обратном.

Сравнительно-правовой метод был реализован в двух аспектах. Во-первых, проведено сравнение положений трудового и гражданского законодательства, регулирующих сходные отношения (порядок исчисления и приостановления сроков исковой давности). Это позволило оценить возможность и пределы рецепции гражданско-правовых институтов в трудовое право. Во-вторых, и это является ключевым для данной работы, метод использован для сопоставления различных судебных актов.

Важную роль сыграли методы правового моделирования и прогнозирования. На основе выявленных проблем смоделированы возможные негативные последствия существующей правовой неопределенности: риск оставления иска без движения, риск пропуска срока исковой давности при его исчислении от разных отправных точек, невозможность приостановления срока на время примирительных процедур. Это позволило перейти от констатации проблемы к разработке конкретных путей ее решения.

Результаты исследования

Представляется возможным выделить следующие проблемы и пути совершенствования правоприменения при рассмотрении судами общей юрисдикции индивидуальных трудовых споров.

1. Правовая неопределенность в вопросе обязанности по соблюдению досудебного порядка в случае причинения вреда имуществу работнику.

При рассмотрении индивидуальных трудовых споров в судебном порядке возникает правовая неопределенность в части того, необходимо ли работнику перед обращением в суд с иском о взыскании вреда, причиненного его имуществу, соблюдать порядок направления заявления о возмещении работодателю в порядке, предусмотренном ст. 235 ТК РФ. Исходя из буквального толкования ст. 235 ТК РФ следует, что законодатель в ней лишь констатирует, что после того, как сотрудник получил неудовлетворительный для него ответ со стороны нанимателя по вопросам возмещения вреда, первый вправе реализовать свое право на возмещение причиненного ему ущерба путем предъявления иска в суд. Однако никаких норм, непосредственно обязывающих соблюдать порядок, предусмотренный ст. 235 ТК РФ, ни трудовое, ни процессуальное законодательство не содержит. Вместе с тем, по этому вопросу в правоприменительной практике существует два диаметрально противоположных подхода. Для того, чтобы устранить эту правовую неопределенность и повысить эффективность рассмотрения индивидуальных трудовых споров, на наш взгляд, необходимо уточнить содержание ст. 235 ТК РФ и закрепить в ней положение, которое бы предписывало обязанность по соблюдению «заявительного» порядка перед обращением в суд.

2. Дуализм в вопросе применения положений гражданского законодательства о приостановлении течения сроков исковой давности в трудовых спорах.

В правоприменительной практике присутствуют различные позиции о допустимости аналогии закона на основании ч. 3 ст. 11 ГПК РФ в части применения правил о приостановлении течения сроков исковой давности по индивидуальным трудовым спорам в случае попыток разрешения конфликта в досудебном порядке. Это создает угрозу для защиты своих прав участникам трудовых отношений в случае, если они используют досудебные способы урегулирования спора. Решением данной проблемы (*de lege ferenda*) на наш взгляд является имплементация в трудовое законодательство норм аналогичных тем, что содержатся в ч. 3 ст. 202 ГК РФ.

Научная дискуссия

В настоящее время отдельные вопросы рассмотрения индивидуальных трудовых споров в суде остаются дискуссионными [3; 4; 8; 11]. Особо акцентируется внимание на вопросах подведомственности и подсудности индивидуальных трудовых споров [5], проблемах доказательств и доказывания [1; 2]. Некоторые авторы исследуют вопрос о необходимости формирования в России судов по трудовым спорам, руководствующихся в своей деятельности Трудовым процессуальным кодексом [10].

Исходя из буквального анализа ст. 235 ТК РФ не следует, что вопрос о том, необходимо ли работнику, которому причинен имущественный ущерб со стороны работодателя, соблюдать обязательный досудебный (претензионный) порядок перед обращением в суд или нет имеет однозначный ответ.

С одной стороны, законодатель лишь констатирует, что после того, как сотрудник получил неудовлетворительный для него ответ со стороны нанимателя по вопросам возмещения вреда, гражданин вправе реализовать свое право на возмещение причиненного ему ущерба путем

предъявления иска в суд. В этом контексте необходимо отметить, что трудовое законодательство не содержит каких-либо универсальных и императивных предписаний, обязывающих сотрудников соблюдать претензионный порядок в случае наличия между ними и их работодателями индивидуальных трудовых споров. Кроме того, по смыслу положений ст. 391 ТК РФ закон позволяет сотруднику, минуя досудебный порядок в виде комиссии по трудовым спорам, сразу же переходить к защите своего субъективного права посредством судебного механизма.

С другой же стороны, буквальное толкование положений ст. 235 ТК РФ позволяет толковать эту норму таким образом, что субъективное право на предъявление иска и, соответственно, судебную защиту возникает у пострадавшего сотрудника лишь в том случае, если по истечении десятидневного срока гражданин получает неудовлетворительное для себя решение работодателя либо не получает его вовсе.

Дуализм в толковании положений ст. 235 ТК РФ в части необходимости соблюдения обязательного досудебного (претензионного) порядка разрешения спора о возмещении имущественного вреда работнику подтверждается также и судебной практикой по индивидуальным трудовым спорам.

Так, в одном из дел, рассматриваемых в кассационном порядке, суд, проверяя доводы жалобы и законность ранее постановленных судебных актов, среди прочего пришел к выводу о том, что суд первой инстанции устранился от проверки факта соблюдения истцом-сотрудником обязательного досудебного порядка урегулирования спора, который предусмотрен положениями ст. 235 ТК РФ¹. Кроме того, как отмечает вышестоящая инстанция, факт соблюдения досудебного порядка урегулирования спора в рамках рассмотрения дела по иску работника о возмещении ущерба, причиненного работодателем, является юридически значимым обстоятельством для правильного разрешения данного индивидуального трудового спора. Де-факто, вышестоящий суд констатирует, что уклонение суда первой инстанции от проверки соблюдения истцом-работником обязательного досудебного порядка, регламентированного положениями ст. 235 ТК РФ одновременно свидетельствует как о грубом нарушении материального, так и процессуального права. Вместе с тем, необходимо учитывать, что вышестоящий суд не описал подробным образом свой вывод о том, почему предусмотренный алгоритм действий работника при причинении ему имущественного вреда со стороны работодателя имеет императивный характер, ограничившись лишь ссылкой на рассматриваемую норму. По результатам судебного разбирательства в кассационном порядке решение суда первой инстанции было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Вместе с тем, в правоприменительной практике встречаются и обратные подходы к рассматриваемому вопросу. Так, в апелляционном порядке была рассмотрена жалоба на определение суда первой инстанции, которым исковое заявление, содержащее требование работника о возмещении имущественного вреда, причиненного нанимателем, было возвращено заявителю². Основанием для возврата поданного работником искового заявления послужило несоблюдение, согласно позиции первой инстанции, обязательного досудебного порядка, предусмотренного ст. 235 ТК РФ. Но суд апелляционной инстанции с такими выводами не согласился. В соответствии с позицией Мосгорсуда спор, связанный с возмещением работнику имущественного вреда, причиненного ему работодателем, является индивидуальным трудовым спором по смыслу ст. 391 ТК РФ. Вместе с тем, положения трудового законодательства позволяют работникам в случае возникновения индивидуального трудового спора обращаться непосредственно в суд за защитой своего субъективного права. Кроме того, суд апелляционной инстанции в мотивировочной части своего определения цитирует содержание ч. 3 ст. 235 ТК РФ, которая содержит рассмотренный ранее алгоритм действий работника по защите своих прав в случае причинения ему имущественного ущерба. Вместе с тем, как отмечается в процессуальном акте суда апелляционной инстанции, положения ч. 3 ст. 235 ТК РФ не устанавливают какого-либо обязательного порядка урегулирования индивидуального трудового спора между работником и его нанимателем в случае причинения последним имущественного ущерба. По результатам апелляционного рассмотрения, Мосгорсуд оспариваемое определение суда первой инстанции отменил и направил материалы в суд первой инстанции для рассмотрения вопроса

¹ Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Тыва от 24.01.2012 по делу № 33-35/2012 // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

² Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 12.11.2012 № 11-26608 // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

о принятии искового заявления к производству. В рассматриваемом случае просматривается подход, который был описан ранее. Суд учитывает положения ч. 3 ст. 235 ТК РФ, но не считает, что алгоритм, описанный в этой норме, носит императивный характер и свидетельствует о наличии у работника обязанности по предварительному обращению к работодателю с заявлением о возмещении прежде, чем предъявить в суд иски о возмещении имущественного вреда.

В данном контексте необходимо отметить, что рассмотрение алгоритма действий работника по защите своих прав при причинении ему имущественного ущерба со стороны работодателя в его системной взаимосвязи с «общими» положениями трудового законодательства (ст. 391 ТК РФ) о порядке рассмотрения индивидуальных трудовых споров также не дает однозначного ответа о существовании обязательного досудебного порядка по рассматриваемой категории дел. Положения ст. 391 ТК РФ предусматривают право работника в случае возникновения индивидуального трудового спора на обращение за судебной защитой без соблюдения какого-либо досудебного порядка. Кроме того, положения этой нормы не предусматривают возможность исключений из этого правила другими нормами трудового законодательства. Так, если бы в конце формулировки, посвященной возможности обращения в суд, в абз. 1 ст. 391 ТК РФ была предусмотрена юридическая конструкция по типу: «.....если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными актами, содержащими нормы трудового права», то допустимость изменения «общего» подхода из ст. 391 ТК РФ другими нормами трудового законодательства не вызвала бы никаких вопросов.

Вместе с тем, если рассматривать положения ст. 391 и ч. 3 ст. 235 ТК РФ через призму такого общеправового принципа, как *lex specialis derogat generali* (приоритет специальной нормы над общей), то применение досудебного урегулирования в императивном порядке все же допустимо. Если исходить из того, что сам по себе алгоритм защиты имущественных прав сотрудника, предусмотренный ч. 3 ст. 235 ТК РФ, однозначно имеет императивный по своей правовой природе характер, то требование о его соблюдении имеет под собой правовое основание. Ведь в таком случае императивная специальная норма способна вытеснить общее правило, регламентированное ст. 391 ТК РФ. Вместе с тем, необходимо учитывать, что общеправовые принципы, несмотря на то, что хотя и применяются в судебной практике, но сами по себе не являются источником права. Кроме того, общеправовые принципы не упоминаются в качестве таковых и в ст. 5 ТК РФ, которая закрепляет нормативные источники российского трудового законодательства.

Рассматриваемая проблема, связанная с неоднозначностью в толковании предписаний, установленных ст. 235 ТК РФ, порождает не только проблему, связанную с оценкой императивного характера самих предписаний о соблюдении досудебного порядка. Подход, избранный законодателем, способен создавать правовую неопределенность в вопросах, связанных с исчислением сроков исковой давности при разрешении рассматриваемой категории индивидуальных трудовых споров. Эта проблема актуальна с практической точки зрения в том числе и потому, что по индивидуальным трудовым спорам, связанным с возмещением вреда, причиненного имуществу работнику, применяется «сокращенный» срок исковой давности – 3 месяца с того момента, как сотрудник узнал или должен был узнать о том, что его права были нарушены. Вопрос, связанный с исчислением срока исковой давности в отечественной правовой системе, сам по себе, нередко является дискуссионным [6, с. 235]. Время отсчета во многом связано с субъективным судебским усмотрением. Момент, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своих прав всегда зависит от той или иной категории трудового спора. С учетом того, что, как было установлено выше, современное трудовое законодательство не предоставляет исчерпывающего ответа на вопрос о том, имеет ли досудебное обращение работника к работодателю за возмещением имущественного вреда императивный характер, ситуация, связанная с исчислением срока исковой давности по рассматриваемой категории индивидуальных трудовых споров, также остается не решенной. Иными словами, исчислением срока исковой давности для обращения в суд за разрешением такого индивидуального трудового спора зависит от того, является ли рассматриваемый досудебный порядок обязательным или нет.

Если досудебный порядок урегулирования спора, предусмотренный положениями ст. 235 ТК РФ, имеет императивный характер, то момент начала течения срока исковой давности необходимо исчислять с того момента, когда работник, направивший своему нанимателю заявление о возмещении ущерба либо получил отрицательный ответ, либо не получил его в предусмотренный трудовым законодательством срок (10 дней). Полагаем, что в таком случае именно реакция работодателя на поступившее заявление работника о возмещении имущественного ущерба является той точкой

отсчета, которую необходимо учитывать при исчислении срока для обращения в суд при наличии индивидуального трудового спора.

Вместе с тем, ситуация меняется кардинальным образом, если исходить из того, что алгоритм действий работника при возмещении причиненного ему ущерба носит диспозитивный характер. Если для возмещения вреда сотруднику не требуется направлять своему нанимателю заявление о возмещении ущерба, то и ответ работодателя (или его отсутствие) как таковые не имеют юридического значения для реализации права на судебную защиту. В таком случае срок исковой давности для работника исчисляется с того момента, когда он узнал или должен был узнать о том, что его имуществу был причинен вред со стороны своего работодателя. Учитывая относительно короткий срок исковой давности по рассматриваемой категории индивидуальных трудовых споров, такой подход способен на практике существенным образом ограничить право пострадавшего работника на обращение в суд за возмещением имущественного ущерба.

Таким образом, несовершенство законодательной техники ч. 3 ст. 235 ТК РФ создает практические риски, связанные как с возможностью предъявления иска (риск оставления заявления без движения в силу несоблюдения досудебного порядка), так и с удовлетворением исковых требований (риск отказа в иске в случае заявления ответчиком о применении сроков исковой давности). Эти проблемы, на наш взгляд, имеют повышенную социальную значимость, поскольку существующий в законодательстве подход создает дополнительные риски при отстаивании своих субъективных прав для «слабой» стороны трудовых отношений – работников, имуществу которых был причинен ущерб в результате виновных действий нанимателя.

В связи с чем видится необходимым шаг по реформированию и уточнению порядка возмещения вреда, причиненного имуществу работнику путем регламентации обязательного досудебного порядка в ч. 3 ст. 235 ТК РФ. Такой подход способен устранить правовую неопределенность как в ситуации, связанной с принятием судом искового заявления к своему производству, так и в вопросе, связанном с определением момента начала течения срока исковой давности по спорам о возмещении вреда, причиненного имуществу сотруднику.

Вместе с тем, в правоприменительной практике рассмотренная выше проблема не является единственной в плане применения правил о применении сроков исковой давности в рамках рассмотрения индивидуальных трудовых споров. Трудовое законодательство особым образом подходит к вопросу, связанному с регламентацией сроков исковой давности. Применяются специальные нормы, предусмотренные положениями ст. 392 ТК РФ, которые дифференцируют длительность срока исковой давности в зависимости от характера индивидуального трудового спора. С точки зрения юридической техники «перечень» сроков исковой давности является исчерпывающим, а правила их применения не подлежат расширительному толкованию. Кроме того, в судебной практике сформировался устойчивый подход, согласно которому суды не признают возможность приостановления течения срока исковой давности по индивидуальным трудовым спорам. Так, в одном из дел, Второй кассационный суд общей юрисдикции в своем Определении указал, что ст. 392 ТК РФ не предусматривает каких-либо положений, которые бы позволяли приостанавливать течение сроков исковой давности по индивидуальным трудовым спорам¹. Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что суды нередко, используя исключительно формально-логический подход при анализе норм трудового законодательства в части течения сроков для обращения в суд за защитой субъективного права, исключают какую-либо возможность приостановления.

Однако в правоприменительной практике встречаются и диаметрально противоположные подходы в этом вопросе². Так, согласно позиции Нижегородского областного суда, поскольку трудовое законодательство не предусматривает каких-либо положений, содержащих возможность приостановления и перерыва течения срока исковой давности, то на основании ч. 3 ст. 11 ГПК РФ судам необходимо при разрешении индивидуальных трудовых споров применять аналогию закона. Таким образом, Нижегородский областной суд заявляет о необходимости применения общих положений ГК РФ о приостановлении и перерыве течения сроков исковой давности в индивидуальных трудовых спорах. В частности, в позиции суда отмечается, что в гражданское

¹ Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2023 по делу № 8Г-24870/2023 [88-27704/2023] // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

² Обобщение судебной практики по вопросам, связанным с применением норм закона, регулирующих исковую давность (подготовлено Нижегородским областным судом) // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

законодательство внесены поправки о том, что течение сроков исковой давности приостанавливается с момента заключения соглашения о проведении медиации и до того момента, как эта процедура будет прекращена. В связи с этим правило о приостановлении течения сроков исковой давности при проведении процедуры медиации подлежит распространению в силу аналогии закона, предусмотренной ч. 3 ст. 11 ГПК РФ и на разрешение судами общей юрисдикции индивидуальных трудовых споров. В обосновании позиции о применении правил о приостановлении течения срока исковой давности Нижегородский областной суд приводит положения ст. 13 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ¹, которые предусматривают возможные сроки проведения процедуры медиации длиной в 60 дней с момента заключения соглашения о проведении этой процедуры, а также положения ст. 202 ГК РФ, которые предусматривают приостановление течения срока исковой давности в том случае, если стороны прибегли к медиации для разрешения спорной ситуации.

С одной стороны, позиция, представленная Нижегородским областным судом в своем Обобщении судебной практики, очевидно направлена на усиление гарантий прав на судебную защиту сторон трудовых правоотношений в том случае, если они решили прибегнуть к досудебным процедурам, в частности медиации. Подобный подход представляется позитивным движением российских судов к развитию альтернативных способов урегулирования споров в том числе в сфере трудовых правоотношений, где медиация и другие примирительные процедуры обладают значительным практическим потенциалом.

Но, с другой стороны, возникают вопросы с точки зрения формально-логической оценки такой позиции областного суда. В силу отсутствия устойчивой судебной практики по вопросам аналогии и каких-либо разъяснений по вопросам допустимости аналогии положений ГК РФ в части правил о приостановлении течения сроков исковой давности, говорить о том, что подобный подход является верным – затруднительно.

Кроме того, как было указано ранее, в практике встречаются и обратные позиции, которые прямо заявляют о недопустимости применения положений ГК РФ о сроках исковой давности при разрешении спорных правоотношений в трудовой сфере. Де-факто это подход прямо противопоставляет положения ст. 202 ГК РФ и ст. 392 ТК РФ.

В отечественной правовой системе применение положений ч. 3 ст. 11 ГПК РФ об аналогии закона или аналогии права фактически является крайней необходимостью для правоприменителя. О том, что использовать их следует только в необходимых случаях указывает и высшая судебная инстанция, к примеру в п. 14 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020)»².

Исходя из анализа позиции Нижегородского областного возникает вопрос: действительно ли необходимо применять при разрешении трудового спора аналогию закона в соответствии с ч. 3 ст. 11 ГПК РФ в части рецепции норм о приостановлении течения сроков исковой давности? Не происходит ли подмена правового регулирования в сфере трудовых отношений цивилистическими нормами? Трудовое и гражданское законодательство регулируют разные по своей правовой природе сферы общественной жизни. На наш взгляд, нет никаких оснований полагать, что действующая редакция ст. 392 ТК РФ в части отсутствия регламентации приостановления течения сроков исковой давности является пробелом в праве, который необходимо восполнять путем аналогии.

Вместе с тем, полагаем, что в силу специфики трудовых правоотношений, нормы о приостановлении сроков исковой давности могут способствовать совершенствованию правовых гарантий участников трудовых правоотношений на судебную защиту. Ведь нередко работники для защиты своих прав обращаются в надзорные органы, ведут переговоры с работодателем т.д. Иными словами, работники ищут способы для разрешения индивидуального трудового спора во внесудебном порядке. В связи с чем, на наш взгляд, частичная рецепция норм о приостановлении сроков исковой давности из гражданского законодательства в сфере трудовых правоотношений допустима. Но осуществлять такую рецепцию необходимо путем законодательной реформы, а не посредством применения аналогии права или аналогии закона в соответствии с ч. 3 ст. 11 ГПК РФ.

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5, май.

Список использованной литературы:

1. Вишнева У.И. Проблемы распределения обязанности доказывания в рамках индивидуальных трудовых споров и гарантии реализации права на защиту работника как наиболее слабой стороны трудовых правоотношений. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2025;(5):101–106.
2. Драчук М.А. Особенности индивидуальных трудовых споров, рассматриваемых судами, и распределение в них обязанности по доказыванию. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2023;(2):127–134.
3. Лугачева А.В. Разрешение индивидуальных трудовых споров в судебном порядке как способ защиты прав работников. *Тенденции развития науки и образования*. 2023;(101–2):133–135.
4. Максуров А.А. Возможности применения обеспечительных мер в трансграничных трудовых спорах: постановка проблемы. *Вопросы трудового права*. 2024;(4(231)):224–231.
5. Макурина К.А., Лаврик Т.М. К вопросу о подведомственности и подсудности индивидуальных трудовых споров. *Право и практика*. 2019;(3):188–193.
6. Панкратов В.Э. Проблемы исчисления начала течения сроков исковой давности. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;(4-2(67)):235–237.
7. Попова Е.С. Особенности гражданского судопроизводства по индивидуальным трудовым спорам. *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2021;(1(50)):75–80.
8. Семенова А.А. Особенности рассмотрения судами индивидуальных трудовых споров о предоставлении гарантий и компенсаций. *Тенденции развития науки и образования*. 2023;(94–4):139–143.
9. Соколенко Н.Н. Процессуальные гарантии при разрешении индивидуальных трудовых споров: некоторые аспекты. *Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика: сборник научных трудов (Краснодар, 20 апреля 2023 г.)*. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2023.
10. Черных А.Б., Мавренков А.С. К вопросу о необходимости создания в России судов по трудовым спорам и введения трудового процессуального кодекса Российской Федерации. *Трудовое и социальное право*. 2023;(1(45)):61–64.
11. Шувалова И.А. Особенности рассмотрения и разрешения судами индивидуальных трудовых споров об отказе в приеме на работу, заключении трудового договора. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2024;(2(157)):278–284.

References:

1. Vishneva U.I. [Problems of the distribution of the burden of proof in the framework of individual labor disputes and the guarantee of the right to protection of an employee as the weakest side of labor relations]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2025;(5):101–106. (In Russ)].
2. Drachuk M.A. [Features of individual labor disputes considered by the courts and the distribution of evidentiary responsibilities in them]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Law Bulletin*. 2023;(2):127–134. (In Russ)].
3. Lugacheva A.V. [Judicial resolution of individual labor disputes as a way to protect workers' rights]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2023;(101–2):133–135. (In Russ)].
4. Maksurov A.A. [Possibilities of applying interim measures in cross-border labor disputes: problem statement]. *Voprosy trudovogo prava = Labor law issues*. 2024;(4(231)):224–231. (In Russ)].
5. Makurina K.A., Lavrik T.M. [On the issue of jurisdiction and jurisdiction of individual labor disputes]. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2019;(3):188–193. (In Russ)].
6. Pankratov V.E. [Problems of calculating the beginning of the limitation period]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(4–2(67)):235–237. (In Russ)].
7. Popova E.S. [Features of civil proceedings in individual labor disputes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2021;(1(50)):75–80. (In Russ)].
8. Semenova A.A. [Features of the consideration by the courts of individual labor disputes on the provision of guarantees and compensations]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2023;(94–4):139–143. (In Russ)].
9. Sokolenko N.N. [Procedural guarantees in the resolution of individual labor disputes: some aspects]. *Aktual'nye voprosy grazhdanskogo, arbitrazhnogo, administrativnogo sudoproizvodstva: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik nauchnyh trudov (Krasnodar, 20 aprelya 2023 g.) = Current issues of civil, arbitration, and administrative proceedings: theory, methodology, practice: collection of scientific papers (Krasnodar, April 20, 2023)*. Krasnodar: Kuban State University; 2023. (In Russ)].
10. Chernykh A.B., Mavrenkov A.S. [On the need to create labor dispute courts in Russia and introduce a labor procedural code Of the Russian Federation]. *Trudovoe i social'noe parvo = Labor and social law*. 2023;(1(45)):61–64. (In Russ)].
11. Shuvalova I.A. [Specifics of the consideration and resolution by the courts of individual labor disputes on refusal to hire, the conclusion of an employment contract]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024;(2(157)):278–284. (In Russ)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коршакова Катарина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Katarina V. Korshakova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure of the North Caucasus Branch FGBOU VO "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-49-56>

ЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ НОТАРИАТА В ОТРАЖЕНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ОСПАРИВАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ ПО КРЕДИТНЫМ ДОГОВОРАМ

Щенникова Л.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Щенникова Л.В. Защитная функция нотариата в отражении судебной практики оспаривания исполнительных надписей по кредитным договорам. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):49–56. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-49-56>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Адрес: Ставропольская ул. д. 149, Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: shennikova_larisa@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 10.02.2026

Статья принята к печати: 06.03.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: Целью статьи является анализ судебной практики по оспариванию исполнительных надписей нотариусов о взыскании задолженностей по кредитным договорам с тем, чтобы сформулировать конкретные предложения по совершенствованию действующих норм нотариального права о совершении исполнительных надписей.

Задачу статьи автор видит в доказательстве несовместимости защитных функций нотариата с практикой взыскания банками с граждан по исполнительной надписи нотариуса задолженностей, возникших из кредитных договоров. Опасность исполнительной надписи нотариуса в данном случае состоит в подмене правосудия и ослаблении процессуальных гарантий защиты прав слабой стороны в гражданских правоотношениях. Судебная практика признания исполнительных надписей по кредитным договорам незаконными и их отмене подтверждает отсутствие бесспорности требований взыскателя к должникам. Применение исполнительной надписи нотариуса к отношениям банков и заемщиков, изначально неравных в возможностях доказывания, лишают должника судебной стадии тем самым только усугубляя этот дисбаланс. Выдвигается тезис, что системность отмен со стороны судов совершенных исполнительных надписей нотариусов по кредитным договорам банков с заемщиками подрывает доверие к качеству нотариального акта, ослабляя защитную функцию нотариата латинского типа. Доказывается, что расширение практики совершения исполнительных надписей нотариусами по требованиям кредитных организаций и их отмена судебными органами является тревожным сигналом, когда оптимизация и ускорение гражданского оборота лишает необходимого ценностного содержания правозащитную функцию органов нотариата.

Ключевые слова: нотариат, гражданское право, нотариальное действие, исполнительная надпись, добросовестность.

THE NOTARY'S PROTECTIVE FUNCTION IN REFLECTING THE JUDICIAL PRACTICE OF CHALLENGING EXECUTIVE ORDERS UNDER LOAN AGREEMENTS

Larisa V. Schennikova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Schennikova L.V. The notary's protective function in reflecting the judicial practice of challenging executive orders under loan agreements. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):49–56. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-49-56>

CONTACT INFORMATION:

Larisa V. Schennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University, Honored Lawyer of Kuban, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: shennikova_larisa@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 10.02.2026

The article has been accepted for publication: 06.03.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: The *purpose* of the article is to analyze judicial practice in challenging executive inscriptions of notaries on debt collection under loan agreements in order to formulate specific proposals for improving the current rules of notarial law on executive inscriptions.

The author sees the *objective* of the article as proving the incompatibility of the notary's protective functions with the practice of banks collecting debts from citizens under the notary's executive order arising from loan agreements. The danger of the notary's executive inscription in this case is the substitution of justice and the weakening of procedural guarantees for the protection of the rights of the weak party in civil law relations. The judicial practice of recognizing executive orders under credit agreements as illegal and canceling them confirms the lack of indisputability of the recoverer's claims against debtors. The application of a notary's executive order to the relations between banks and borrowers, which are initially unequal in the possibilities of proof, deprives the debtor of the judicial stage, thereby only exacerbating this imbalance. The thesis is put forward that the systematic cancellation by the courts of notaries' executive inscriptions on banks' loan agreements with borrowers undermines confidence in the quality of the notarial act, weakening the protective function of the Latin type notary. It is proved that the expansion of the practice of making executive inscriptions by notaries at the request of credit institutions and their cancellation by judicial authorities is an alarming signal when the optimization and acceleration of civil turnover deprives the human rights function of notary bodies of the necessary value content.

Keywords: notary, civil law, notarial act, executive inscription, good faith.

Введение

Нотариат латинского типа в современном мире все более утверждает свои позиции как наиболее эффективная форма защиты прав граждан в условиях частной собственности и активного развития предпринимательской деятельности. Нотариат в цифровую эпоху играет ключевую роль в обеспечении верховенства закона, сочетая защитную функцию интересов участников гражданских правоотношений с отстаиванием интересов государства и всего общества, способствуя справедливому распределению материальных благ. Успехи нотариата в снижении нагрузки на судебную систему, предотвращении споров между гражданами очевидны и неоспоримы. В этих условиях практика исполнительных надписей нотариусов по кредитным договорам банков с

гражданами с последующей их судебной отменой подрывает необходимое доверие гражданского общества к нотариальной деятельности и институту нотариата в целом. Автор преследует цель доказать, что установленная Основами законодательства Российской Федерации о нотариате (ст. 90)¹ возможность взыскания с гражданина долга по кредитному договору в бесспорном порядке по исполнительной надписи нотариуса противоречит основополагающим принципам нотариата латинского типа, ставящим в качестве приоритета защиту прав и законных интересов «слабой» стороны в гражданских правоотношениях. Гражданам должны быть предоставлены максимальные гарантии в том числе посредством ограничений внесудебного взыскания. Исполнительная надпись нотариуса может применяться только в тех случаях, где бесспорность очевидна и не требует толкования. Расширение возможностей применения исполнительных надписей в ущерб эффективной реализации защитной функции нотариата может привести к деформации фундаментальных начал профессионального нотариального права. Особая опасность применения возможностей данного института видится именно в потребительских (кредитных) отношениях.

Методы исследования

Для достижения объективного научного результата были использованы общенаучные методы (диалектики, анализа, синтеза), а также частноправовые методы, включая формально-юридический, сравнительного анализа и системно-структурный. Использование формально-юридического метода позволило осуществить анализ действующего правового регулирования, его толкования, а также классифицировать нормы и понятия. Компаративистика позволила на основе сравнения с зарубежными аналогами увидеть перспективные направления развития отечественного законодательства. Системно-структурный метод позволил проанализировать институт исполнительной надписи во взаимосвязи с другими институтами нотариального права.

Результаты исследования

Результатами исследования является совокупность теоретических выводов и предложений по совершенствованию законодательства. Во-первых, автор констатирует, что применение исполнительной надписи в кредитных отношениях банков с гражданами в системе проанализированных примеров из судебной практики не является бесспорным, соответственно, влечет их судебную отмену. Во-вторых, органы российского нотариата, выполняя миссию защиты прав и законных интересов участников гражданско-правовых отношений, заинтересованы в поддержании авторитета профессии и создании атмосферы общественного доверия. В-третьих, изначальное неравенство банков и заемщиков в возможностях доказывания с применением взысканий по исполнительной надписи нотариуса еще в большей степени усугубляет этот дисбаланс. В-четвертых, сохранение за участниками спорных отношений права на обращение в суд за разрешением спора на стадии передачи исполнительной надписи нотариуса для исполнения или непосредственно в процессе исполнения не доказывает возможность и целесообразность применения исполнительной надписи нотариуса в отношениях кредитных организаций с гражданами. В-пятых, предлагается исключить из редакции ст. 90 Основ законодательства РФ о нотариате предоставленную в настоящее время для кредитных организаций возможность взыскания задолженностей по кредитным договорам на основании исполнительной надписи нотариуса.

Научная дискуссия

Мотивом обращения к проблеме предоставления возможности для кредитной организации взыскания долгов по исполнительной надписи нотариуса, одной из самых дискуссионных в теории нотариального права, стала изученная судебная практика по делам об их отмене, рассмотренных в 2025 году. Как известно, именно изучение судебной практики, то есть анализ решений судов по определенной категории дел, дает возможность понимания реальных проблем правоприменения, выявления тенденций и прогнозирования рисков, в том числе связанных с ослаблением защиты прав слабой стороны в гражданских правоотношениях. Проведенный анализ позволил увидеть системные проблемы, выявляемые судами в случаях обжалования гражданами совершенных нотариусами исполнительных надписей. Он свидетельствует о том, что выявленные нарушения не являются случайными, а отражают глубинные дефекты, в том числе заложенные в действующих нормах российского нотариального права. География изученных судебных решений поистине впечатляет, поскольку охватывает Пермский и Хабаровский края, Омскую, Челябинскую и Рязанскую области. Формально это соизмеримо с территориями Франции, Германии и Великобритании вместе взятыми.

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 31.07.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

Инициаторами взысканий были различные банки, включая ВТБ, ПАО «Уральский Банк Реконструкции и Развития», АО «Альфа-Банк», ПАО «Сбербанк», при этом суды всех регионов оказались единодушны в признании оспоренных исполнительных надписей незаконными и их отмене. Обратимся к конкретике изученных судебных актов.

Первый пример будет основан на материалах дела № 2-1801\2025, рассмотренного Куйбышевским районным судом г. Омска 27 июня 2025 г.¹ С заявлением об отмене исполнительной надписи нотариуса обратилась гражданка К. Кредитный договор она заключала с «Уральским Банком Реконструкции и развития» на сумму 864500 рублей. Получив уведомление об образовавшейся задолжности, гражданка К. обратилась в банк с заявлением о желании вернуться в график платежей при этом частично погасив образовавшуюся задолжность. Однако банк, несмотря на произведенные платежи, обратился к нотариусу З. о совершении исполнительной надписи. Исполнительная надпись была совершена удаленно в соответствии со ст. 89, 94 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате посредством электронных сервисов Единой информационной системы нотариата. Как было установлено судом, размер задолжности, определенный банком на момент совершения исполнительной надписи, не соответствовал действительности, а значит, отсутствовало необходимое условие бесспорности. Кроме того, заявитель не был извещен банком о возможном совершении исполнительной надписи нотариусом за 14 дней до ее совершения, как того требует законодательство. В результате рассмотрения дела суд отменил совершенную нотариусом исполнительную надпись по кредитному договору, заключенному гражданином с банком. Вот так, в отсутствие бесспорности, с нарушением установленного порядка и правил совершенная нотариусом в электронной форме исполнительная надпись на деле нарушила права и законные интересы заемщика по заключенному с банком кредитному договору.

Второй пример будет иметь в своей основе дело № УИД 74RSO№62, рассмотренное Троицким городским судом Челябинской области 25 июня 2025 г.² С заявлением об оспаривании нотариального действия по совершению исполнительной надписи обратилась гражданка О. В заявлении было указано, что сама она кредитный договор не заключала. Как было установлено в судебном заседании, действие посредством электронного сервиса Интернет-Банк «Альфа-Клик» от имени заявительницы было совершено неизвестным лицом. При этом банк, обнаружив подозрительную операцию, заблокировал перечисленную на лицевой счет заемщика сумму кредита и ежемесячно производил списание с нее денежных средств. В последствии кредитный договор был признан недействительным Южноуральским городским судом Челябинской области, а на банк возложена обязанность направить в бюро кредитных историй информацию об исключении сведений о наличии обязательств по кредитному договору. Однако банк обратился к нотариусу о совершении исполнительной надписи, не сообщив ему о признании судом кредитного договора недействительным. Троицкий городской суд Челябинской области заявление об отмене произведенной нотариусом исполнительной надписи удовлетворил. В этом примере нотариус явился «инструментом» в руках «сильного» и при этом недобросовестного участника гражданских правоотношений в ущерб своей миссии защиты прав и законных интересов «слабой» стороны.

В основе третьего примера будет дело № 2-172\2025, рассмотренное Кудымкарским городским судом Пермского края 20 марта 2025 г.³ С заявлением о признании незаконной и отмене исполнительной надписи нотариуса Кудымкарского нотариального округа Пермского края обратился гражданин И. В заявлении было указано, что денежные средства в исполнение кредитного договора перечислялись гражданином по установленному графику, однако банк ВТБ их списывал в погашение долга по другому кредитному договору, признанному недействительным апелляционным

¹ Решение Куйбышевского районного суда г. Омска от 27.06.2025 по делу № 2-1801/2025 [сайт]. Электронное правосудие; 2026 [обновлено 5 сентября 2025; процитировано 10 февраля 2026]. Доступно: https://kuybcourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=321254990&case_uid=118d461f-20b1-4c7f-93e0-45698ca614f5&delo_id=1540005&new=.

² Решение Троицкого городского суда Челябинской области от 25.06.2025 по делу № УИД 74RSO№62 [сайт]. Электронное правосудие; 2026 [обновлено 28 ноября 2025; процитировано 10 февраля 2026]. Доступно: https://troickg--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=729223358&case_id=150892ba-be75-4ca3-b5db-78868f9af660&delo_id=1540005&new=.

³ Решение Кудымкарского городского суда Пермского края от 20.03.2025 по делу № 2-172/2025 [сайт]. Электронное правосудие; 2026 [обновлено 30 сентября 2025; процитировано 10 февраля 2026]. Доступно: https://kudimkarsky--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=383683890&case_uid=c26c0414-6ab6-439d-9e7a-f3c36fd6c205&delo_id=1540005&new=.

определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Саха (Якутия). В судебном заседании было установлено, что по заявлению банка, поступившему удаленно в электронной форме, была совершена исполнительная надпись, при этом на момент ее совершения существовала правовая неопределенность относительно наличия и размера задолжности по кредитному договору. Суд установил, что в отсутствие подтвержденной бесспорности предъявляемых банком требований, у нотариуса не было правовых оснований для совершения исполнительной надписи. Таким образом, и в этом случае банк проявил очевидную недобросовестность, а нотариус не защитил законные права и интересы гражданина, взыскав с него денежные суммы в бесспорном порядке по исполнительной надписи.

В четвертом деле № 2-685\2025, рассмотренном Рыбновским районным судом Рязанской области 6 августа 2025 г., была признана незаконной и отменена исполнительная надпись нотариуса Рыбновского нотариального округа о взыскании с гражданки Ф. в пользу ПАО «Сбербанк» задолжности по кредитному договору¹. Судом было установлено, что договор был заключен в акцептно-офертной форме на сумму 299000 рублей с процентной ставкой 30,8% годовых. Из материалов дела следовало, что гражданке Ф. было направлено требование о досрочном погашении кредита в размере 349751 рубль, тогда как в заявлении нотариусу была указана сумма 361984 рубля. При этом доказательств в получении требования о досрочном погашении задолжности суду представлено не было. Суд констатировал, что расчет задолжности, произведенной банком, является «неинформативным». Из него невозможно установить были ли должником внесены какие-либо платежи и в каких суммах. Нотариусу не был представлен график платежей, а также выписки по счету, позволяющие убедиться в образовавшейся задолжности. С учетом установленных обстоятельств заявление гражданки Ф. было удовлетворено, а исполнительная надпись нотариуса отменена. Как видно, и в данном случае исполнительная надпись была совершена на основе не проверенных данных, соответственно, не на бесспорных основаниях, в результате нарушив права и законные интересы гражданки Ф.

Наконец, в деле № 2-797\2025, рассмотренном Советско-Гаванским городским судом Хабаровского края 6 августа 2025 г., были признаны незаконными действия нотариуса по совершению исполнительной надписи о взыскании с гражданки К. в пользу ПАО «Сбербанк» задолжности по кредитному договору². Кредит банком был выдан на сумму 290000 рублей под 27,9% годовых. К нотариусу о выдаче исполнительной надписи представитель банка обратился удаленно. Как было установлено судом, в отправленном должнику уведомлении о расчете задолжности была указана одна сумма (278078 рублей), тогда как в исполнительной надписи сумма была указана иная, в большем размере (285192 рубля). Суд констатировал, что установленные расхождения в суммах нарушают условие о бесспорности требований взыскателя к должнику, противоречат природе исполнительной надписи, поскольку лишают возможности установить согласие должника с указанной нотариусом в исполнительной надписи суммой задолжности. Таким образом, и в этом случае законные интересы гражданки оказались нарушены первоначально банком, выдавшим кредит под кабальный процент, а, впоследствии, нотариусом, совершившим исполнительную надпись на основе ничем не подтвержденных данных об имеющейся задолжности.

В нотариальной доктрине, как подчеркивает Т.И. Зайцева, вопрос самой возможности применения исполнительной надписи являлся одним из самых дискуссионных. Интересно, что судебные приставы-исполнители даже отказывали в принятии исполнительной надписи по мотиву противоречия этого института ст. 35 Конституции Российской Федерации³, гарантирующей неприкосновенность частной собственности. В поддержку возможности применения исполнительной

¹ Решение Рыбновского районного суда Рязанской области от 06.08.2025 по делу № 2-685/2025 [сайт]. Электронное правосудие; 2026 [обновлено 18 февраля 2026; процитировано 10 февраля 2026]. Доступно: https://rybnovsky--riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=149629837&case_uid=f6a2742e-5b89-409a-9ec8-eb8f9581789b&delo_id=1540005&new=.

² Решение Советско-Гаванского городского суда от 06.08.2025 по делу № 2-797/2025 [сайт]. Электронное правосудие; 2026 [обновлено 24 декабря 2025; процитировано 10 февраля 2026]. Доступно: https://s-gavansky--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=33583560&case_uid=c10bc092-8fb7-4ba0-8c31-3b40c1fe769b&delo_id=1540005

³ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием (с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года): принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

надписи высказался Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 6 июля 2001 г. № 150-0. В качестве аргументов-доказательств было указано на обязательность условия беспорочности взыскания и возможность обращения в суд за разрешением спора, в том числе на стадии передачи исполнительной надписи нотариуса для исполнения или непосредственно в процессе исполнения¹.

Активным сторонником расширения компетенции нотариусов, в том числе в части совершения исполнительных надписей, был В.В. Ярков. В своих работах он подчеркивал, что нотариус, проверяя условия для совершения надписи, выполняет ту же функцию, что и суд на стадии приказного производства, но быстрее. В.В. Ярков, поддерживая идею необходимости применения исполнительной надписи в нотариальной практике, тем не менее, считал ее применимой в большей степени в отношениях юридических лиц, где обе стороны профессиональны и могут оценить риски².

Сторонники применения института исполнительной надписи в своих публикациях ставят цель доказать его эффективность. Так, Т.В. Ярошенко пишет о большом интересе в современных реалиях к кредитным отношениям, об активном взаимодействии банков и нотариата посредством исполнительной надписи, применение которой в условиях цифровизации обеспечивает быстроту и эффективность взысканий [8, с. 47]. Н.В. Летова рассматривает исполнительную надпись как способ защиты прав граждан в форме распоряжения нотариуса, направленного на исполнение обязательства должником в пользу кредитора [4, с. 7–8]. Аргументом в поддержку расширения применения института исполнительной надписи некоторые авторы, в числе которых профессор М.Н. Илюшина, приводят все увеличивающиеся возможности у современного нотариуса в проведении проверок всех необходимых обстоятельств беспорочности [2, с. 20].

Ряд авторов призывают к осторожности в применении норм института исполнительной надписи в целом, и в особенности по кредитным договорам с гражданами. Обращается внимание на тот факт, что документ может быть идеальным внешне, но содержать в себе пороки, которые нотариус не в силах проверить, например, если имеет место обман или заблуждение [6]. К.А. Корсик в своих работах неизменно подчеркивает, что нотариус действует в сфере беспорочной юрисдикции, при этом неизменно придерживаясь социально-правовой ориентации. Что касается кредитных отношений, то в условиях изначального неравенства банка и заемщика, применение исполнительной надписи нотариуса может лишь усилить созданный дисбаланс [3, с. 178].

Авторы призывают к дифференцированному применению института исполнительной надписи. Так, по мнению А.В. Бегичева, исполнительная надпись является идеальным инструментом в отношениях между коммерческими организациями, поскольку обе стороны могут профессионально оценить риски, поэтому применение исполнительной надписи является удобным и упрощенным правовым средством защиты корпоративных прав [1]. Хотя и в корпоративных отношениях, по мнению Е.С. Цветковой, важна законодательная защита от злоупотребления правами участниками корпоративных отношений [5, с. 58].

Проведенный обзор аргументов научной дискуссии с учетом анализа современной судебной практики позволяет с уверенностью утверждать, что применение исполнительной надписи в отношениях граждан с кредитными организациями создает повышенные риски, не обеспечивая необходимые гарантии защиты прав и законных интересов участников гражданско-правовых отношений. В реалиях современной действительности исполнительная надпись применяется в тех случаях, где беспорочность не очевидна и требует толкования. Нотариусы оказываются не в силах обеспечить проверку обманных действий банков. Сегодня, как было показано выше, исполнительная надпись активно оспаривается в суде, причем суд встает в большинстве случаев на сторону должника, обнаружив грубые нарушения процедур со стороны нотариусов, приводящих к ненадлежащему качеству нотариального акта.

Следует отметить, что в зарубежном законодательстве, если иметь в виду страны, где признан и активно развивается нотариат латинского типа, исполнительная надпись для взыскания по кредитному договору фактически исключена. Например, в Германии применение исполнительной надписи в потребительском кредитовании жестко ограничено со стороны судебной практики и законодательства о защите прав потребителей. Для договоров с гражданами-потребителями нотариальное удостоверение сделки с включением условия о немедленном принудительном исполнении возможно только в исключительных случаях. Если же банк пытается включить такое

¹ Настольная книга нотариуса Т. 2. Правила совершения отдельных видов нотариальных действий / под. ред. И.Г. Медведева. М.: Статут, 2015. С. 539.

² Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник. М.: Статут, 2021. С. 489.

условие в типовой договор, суды часто признают его ничтожным, как нарушающее принцип добросовестности. В результате, фактически, по потребительским кредитам взыскание производится только через судебные органы. Во Франции нотариус так же не рассматривается в качестве инструмента для банковских взысканий. Исполнительная сила в этой стране присуща в основном судебным актам и только некоторым нотариальным, например, алиментным соглашениям. Однако в случаях обычных кредитных договоров банки обязаны обращаться в суд.

Завершая свой научный анализ, напомним, что нотариат латинского типа, выполняя миссию защиты прав и интересов участников гражданских правоотношений, призван также предотвращать судебные споры, создавая атмосферу доверия гражданского общества к профессии [7]. Применение исполнительной надписи в кредитных отношениях банков с заемщиками не только не создает для граждан реальных гарантий защиты, но и дополнительно нагружает судебную систему, подрывая престиж профессии нотариуса в обществе. В связи со сказанным представляется необходимым исключить из диспозиции ст. 90 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате предоставленную на сегодняшний день возможность взыскания задолженности по кредитному договору в беспорядном порядке. С учетом принятия этой идеи законодателем будут внесены изменения и уточнения в иные нормативные акты, касающиеся применения исполнительной надписи нотариуса.

Список использованной литературы:

1. Бегичев А.В. О реформе нотариата: от концепции к закону. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2024;(8):3–9.
2. Илюшина М.Н. Законодательные новеллы об исполнительной надписи: появление новых бесспорных требований и внедрение электронных механизмов взыскания. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021;(12):19–23.
3. Корсик К.А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов. *Актуальные проблемы российского права*. 2021;(11):174–179. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.174-179.
4. Летова Н.В. Исполнительная надпись нотариуса как способ защиты прав граждан. *Нотариус*. 2025;(1):7–12. DOI: 10.18572/1813-1204-2025-1-7-12.
5. Цветкова Е.С. Исполнительная надпись нотариуса как правовое средство защиты корпоративных прав. *Хозяйство и право*. 2023;(5):45–58. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-5-45-58.
6. Чефранова Е.А. Исполнительная надпись нотариуса как исполнительный документ. *Актуальные проблемы исполнительного производства: сборник научных статей*. М.: РПА Минюста России; 2009.
DOI: 10.53578/1819-6624_2025_11_31.
7. Щенникова Л.В. Нотариат в России: новые горизонты развития и уроки судебной практики. *Нотариальный вестник*. 2025;(11):31–40. DOI: 10.53578/1819-6624_2025_11_31.
8. Ярошенко Т.В. Исполнительная надпись нотариуса на кредитном договоре: проблемные вопросы. *Нотариус*. 2023;(2):43–47. DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-43-47.

References:

1. Begichev A.V. [On notary reform: from concept to law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2024;(8):3–9. (In Russ.)]
2. Pyushina M.N. [Legislative novels about executive inscriptions: the emergence of new indisputable requirements and the introduction of electronic collection mechanisms]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021;(12):19–23. (In Russ.)]
3. Korsik K.A. [Notary's executive inscription as a way to resolve legal conflicts]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current problems of Russian law*. 2021;(11):174–179. (In Russ.)). DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.174-179.
4. Letova N.V. [Notary's executive inscription as a way to protect citizens' rights]. *Notarius = Notary*. 2025;(1):7–12. (In Russ.)). DOI: 10.18572/1813-1204-2025-1-7-12.
5. Cvetkova E.S. [Notary's executive inscription as a legal means of protecting corporate rights]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*. 2023;(5):45–58. (In Russ.)). DOI: 10.18572/0134-2398-2023-5-45-58.
6. Chefranova E.A. [Notary's executive inscription as an executive document]. *Aktual'nye problemy ispolnitel'nogo proizvodstva: sbornik nauchnyh statej = Actual problems of enforcement proceedings: Collection of scientific articles*. Moscow: RPA of the Ministry of Justice of Russia; 2009. (In Russ.)). DOI: 10.53578/1819-6624_2025_11_31.
7. Shhennikova L.V. [Notary public in Russia: new horizons of development and lessons of judicial practice]. *Notarial'nyj vestnik = Notary's bulletin*. 2025;(11):31–40. (In Russ.)). DOI: 10.53578/1819-6624_2025_11_31.
8. Yaroshenko T.V. [Notary's executive inscription on the loan agreement: problematic issues]. *Notarius = Notary*. 2023;(2):43–47. (In Russ.)). DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-43-47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шенникова Лариса Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Schennikova

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University, Honored Lawyer of Kuban, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-57-65>

УЧЕТ СНЯТОЙ ИЛИ ПОГАШЕННОЙ СУДИМОСТИ ПРИ ОЦЕНКЕ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО: СОСТОЯНИЕ ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНА

Куфлева В.Н.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Куфлева В.Н. Учет снятой или погашенной судимости при оценке личности виновного: состояние практики и перспективы закона. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):57–65. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-57-65>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Куфлева Валентина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (918) 433-33-95
E-mail: val_swatch@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 16.01.2026

Статья принята к печати: 13.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: Исследование посвящено комплексному анализу правовых и судебных аспектов учета сведений о снятой и погашенной судимости, в контексте оценки личности виновного и назначения уголовного наказания.

Цель работы: определить роль, место и значение таких сведений в рамках рассмотрения уголовного дела и вынесения приговора, а также выявить практические и теоретические проблемы, связанные с их использованием. **Задачи** включают изучение законодательных положений, судебной практики и научных подходов к оценке значимости информации о судимости для характеристик личности виновного.

В исследовании использовались такие *методы* как анализ, обобщение, формально-юридический, а также метод толкования норм права и ряд других.

Результаты исследования. Конституционный Суд Российской Федерации признает автономное значение судимости за пределами уголовного закона, что позволяет учитывать сведения о судимости при оценке опасности личности. Анализ судебной практики выявил несмотря на то, что сведения о погашенной или снятой судимости не должны учитываться при назначении наказания, в практике встречаются случаи их использования для оценки личности, что вызывает противоречия и дискуссии.

Вывод. Автором подчеркивается необходимость легализации учета сведений о судимости. Судимость, как характеристика личности, должна учитываться только при назначении наказания и решении иных вопросов, связанных с индивидуализацией уголовной ответственности. Это может быть реализовано через расширения перечня отягчающих обстоятельств в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, судимость, личность виновного, судебная практика, обстоятельства отягчающие наказания.

TAKING INTO ACCOUNT A REMOVED OR EXPUNGED CRIMINAL RECORD WHEN ASSESSING THE PERSONALITY OF A CULPRIT: THE STATE OF PRACTICE AND PROSPECTS OF THE LAW

Valentina N. Kufleva
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kufleva V.N. Taking into account a removed or expunged criminal record when assessing the personality of a culprit: the state of practice and prospects of the law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):57–65. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-57-65>

CONTACT INFORMATION:

Valentina N. Kufleva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 433-33-95

E-mail: val_swatch@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 16.01.2026

The article has been accepted for publication: 13.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: This study provides a comprehensive analysis of the legal and judicial aspects of recording information on expunged and spent criminal records in the context of assessing the personality of the perpetrator and sentencing.

The *objective* of the study is to determine the role, place, and significance of such information in criminal case proceedings and sentencing, as well as to identify the practical and theoretical issues associated with its use. The *objectives* include examining legislative provisions, judicial practice, and scientific approaches to assessing the significance of criminal record information for assessing the personality of the perpetrator.

The study utilized *methods* such as analysis, generalization, formal legal analysis, and the method of interpreting legal norms, among others.

Results. The Constitutional Court of the Russian Federation recognizes the autonomous significance of criminal records beyond the scope of criminal law, allowing for their inclusion in assessing the dangerousness of an individual. An analysis of judicial practice revealed that, although information on expunged or spent criminal records should not be considered when sentencing, there are cases in which they are used to assess personality, which has generated controversy and debate.

Conclusion. The author emphasizes the need to legalize the recording of criminal record information. A criminal record, as a personal characteristic, should be taken into account only when determining sentencing and other matters related to the individualization of criminal liability. This could be achieved by expanding the list of aggravating circumstances in paragraph "a" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: person who committed a crime, criminal record, identity of the perpetrator, judicial practice, aggravating circumstances.

Введение

Судимость была и остается принципиально значимым маркером опасности личности, ранее совершавшей преступления. Ее наличие само по себе, конечно, не предрешает вывода об оценке этой опасности, ее величине, масштабе. Но, во-первых, судимость остается официальным государственным подтверждением реализованной в преступлении опасности конкретного лица, хотя свидетельства опасности лица не ограничиваются только наличием у него судимости; во-вторых, наличие судимости указывает на потенциальную, сохраняющуюся после совершения преступления,

опасность лица, к которому применяются или применялись меры государственного реагирования; в третьих, наличие судимости может предопределять или в любом случае быть связанным с иными характеристиками личности, отражающими ее социальную дезадаптированность и опасность (характером связей и знакомств, ближайшим окружением, кругом лиц, имеющих влияние, склонностью к антиобщественному образу жизни и др.).

Такое понимание связи опасности и судимости (при котором судимость – лишь один из маркеров опасности) ставит вопрос о специфических, качественных особенностях опасности личности, на которые указывает судимость, что связано – особенностями опасности личности, которые обусловлены судимостью. В этом контексте необходимо указать, что: 1) наличие судимости документально подтверждает наличие криминальной установки или криминальной склонности в виде «личностной приемлемости преступного поведения»¹; 2) судимость наполняет понятие опасности конкретизированным содержанием, свидетельствуя о криминальной мотивации, наличии профессионализации преступной деятельности, криминальных навыках и других значимых для прогноза криминального поведения лица обстоятельствах (по этой причине для оценки опасности лица важен не только сам по себе факт судимости, но и характеристика оснований судимости, тех преступлений, которые оно ранее совершало и за которые было осуждено); 3) повторение судимым лицом преступления свидетельствует, по общему правилу, о его нежелании корректировать свой образ жизни и поведение, несмотря на предпринимаемые со стороны государства усилия по его исправлению и ресоциализации, т.е. об определенном упорном нежелании соблюдать законы.

Это сочетание в судимости некоторых общих и конкретизированных свидетельств опасности, либо иначе – свидетельств общей и криминальной опасности, создает непростую ситуацию правовой оценки судимости, реальное значение которой не ограничивается только определением уголовно-правовых последствий совершения повторного преступления, и более того, не ограничивается только установленным в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) сроком погашения.

Методы исследования

Анализ учета снятой или погашенной судимости при оценке личности виновного осуществлялся посредством комплексного применения различных общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права) методов, что позволило достичь углубленного осмысления рассматриваемых вопросов.

Результаты исследования

Судимость, как характеристика личности, должна учитываться только при назначении наказания и решении иных вопросов, связанных с индивидуализацией уголовной ответственности, при этом, последовательно различая судимость как правовое состояние и сведения о судимости как персональную информацию, следует допустить возможность учета судом как погашенных и снятых судимостей (информация о лице), так и судимостей, сохраняющих свое специальное уголовно-правовое значение (уголовно-правовой статус лица).

Последовательное воплощение идеи о повышенной опасности ранее судимых лиц требует признания отягчающим наказанием обстоятельством совершение преступления лицом, имеющим судимость.

Научная дискуссия

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что судимость представляет собой в первую очередь уголовно-правовой институт, имеющий значение для целей реализации уголовной ответственности, однако за пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не УК РФ, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера². Такое положение обусловлено тем, что, по мнению того же Конституционного

¹ Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект): автореф. дис. ... д-ра псих. наук. М., 2000. С. 11.

² По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.

Суда РФ, «на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений», в связи с чем федеральный законодатель, минимизируя риски для охраняемых Конституцией РФ ценностей, вправе устанавливать для лиц, ранее судимых, определенные правоограничения за пределами уголовного закона¹.

Кроме того, законодатель считает, что в ряде случаев факт судимости лица в прошлом является настолько значимым, что либо исключает для такого лица возможность реализации некоторых иных прав за пределами срока погашения судимости, либо налагает на него дополнительные обязанности для реализации своих прав. В этом отношении показательна судебная практика применения избирательного законодательства в части отказа в регистрации в качестве кандидата на выборы лиц, скрывающих сведения о судимости. Высшая судебная инстанция в ряде решений подчеркнула, что «погашение или снятие судимости аннулирует только уголовно-правовые последствия, связанные с судимостью, но сам факт осуждения как отрицательная оценка действий гражданина государством на момент вынесения обвинительного приговора остается объективным критерием, влияющим на оценку избирателями репутации кандидата на выборную должность»². Такая позиция согласуется и с мнением Конституционного Суда РФ о том, что «совершенное когда-либо в прошлом тяжкое или особо тяжкое преступление является обстоятельством, несомненно влияющим на оценку избирателями репутации кандидата на выборную должность и тем самым определяющим степень доверия граждан к институтам представительной демократии»³.

Таким образом, вариативность оценок судимости проявляется не только в том, что она отражается на статусе лица в уголовно-правовых и иных правовых отношениях, но и в том, что законодатель последовательно различает собственно судимость (значение которой ограничено уголовным правом) и сведения о судимости (значение которых выходит за сферу уголовного права). В связи с этим возникает один из значимых и в практическом плане уже традиционных вопросов о том, должна ли при оценке опасности подсудимого учитываться собственно судимость как правовой статус личности или сведения о судимости, включая сведения о снятых или погашенных судимостях.

В текущей судебной практике можно считать устоявшимся подход, согласно которому сведения о снятой или погашенной судимости виновного не должны указываться во вводной части приговора и не могут быть учтены при назначении наказания за преступление⁴. При этом высшая судебная инстанция, а вслед за ней и кассационные суды, строго пресекают попытки обойти запрет на упоминание информации о погашенных судимостях за счет использования такого словесного оборота, как «совершение преступления лицом, юридически несудимым»⁵. Даже в тех случаях, когда в судебном заседании исследуются справки информационного центра МВД России, в которых отражаются персональные данные обо всех, в том числе и снятых или погашенных судимостях, упоминание о них в процессе не предполагает их непосредственного учета при назначении

---

¹ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (часть II). Ст. 4189; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.08.2016 № 15-АПГ16-5 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.09.2016 № АПЛ16-429 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ По жалобе гражданина Барсукова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 450-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 6.

⁴ Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 03.08.2016 по делу № 44у–187/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 09.07.2018 № 44у–133/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2023 № 77–3026/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.07.2006 № 304-П06 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2024 № 77–949/2024.

уголовного наказания¹.

Позиция правоприменителей единодушна и однозначна: «суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей, либо сведения о привлечении к уголовной ответственности по делам, уголовное преследование по которым было прекращено»². Более категоричен вывод о том, что «погашенные судимости не могут приниматься во внимание ни при каких обстоятельствах при назначении наказания»³. Несоблюдение этого требования признается существенным нарушением уголовного закона (поскольку связано с учетом при назначении наказания сведений о привлечении к уголовной ответственности лица, которое на момент совершения преступлений судимым не являлось), которое влечет безусловное изменение приговора с обязательным смягчением назначенного ранее уголовного наказания⁴.

Такие правила логично сочетаются с представлениями о лице, впервые совершившем преступление. Погашенные или снятые судимости не создают признака «наличие судимости». При этом отсутствие судимости не означает, что лицо привлекается к уголовной ответственности впервые. Повторное привлечение к уголовной ответственности при отсутствии у лица статуса ранее судимого создает особую правовую ситуацию. Для исследования вопроса о том, как суды реагируют на эту ситуацию и оценивают ее, было проведено специальное исследование материалов судебной практики. С использованием возможностей автоматического поиска документов в информационной базе «Судебные и нормативные акты РФ», по ключевым словам «ранее привлекался к уголовной ответственности», «имеет погашенную судимость», был проведен отбор и последующий анализ 120 судебных решений по уголовным делам. Установлено, что почти в 17% судебных актов погашенная судимость была предметом отдельного анализа или специального упоминания. При этом вовлечение сведений о ней в судебную аргументацию происходило различным путем, а позиция судов в части учета погашенной судимости не отличается единообразием.

К оценке погашенной судимости суды обращаются, как правило, при решении вопроса о выборе меры воздействия на обвиняемого (подсудимого) с учетом данных о его личности⁵.

При этом в некоторых решениях суды стандартным образом (со ссылкой на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания») отвергали доводы апелляционных жалоб о необходимости учета при назначении наказания погашенных судимостей как характеризующих личность подсудимого⁶.

В ряде случаев ссылки на погашенную судимость служили самостоятельным доводом в

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.06.2023 по делу № 77–3003/2023; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2024 по делу № 77–1346/2024.

² Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 20.04.2018 по делу № 44у-36/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2022 по делу № 77–2102/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2023 по делу № 77–1752/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.04.2023 по делу № 77–652/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2021 по делу № 77–2336/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ В редких исключениях ссылка на погашенную судимость используется судом в качестве фактического обстоятельства, необходимого для установления умысла виновного. По одному из дел суд указал, что с учетом личности подсудимого, который имеет погашенную судимость за незаконное изготовление огнестрельного оружия, а также ряд разбойных нападений, совершенных под угрозой его применения, подсудимый не мог не знать, что огнестрельное оружие, является предметом повышенной опасности, владение им, оборот оружия, ограничены законом. См.: Приговор Нерюнгринского городского суда Республика Саха (Якутия) от 13.05.2020 по делу № 1–36/2020 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/6uhlYaA0ZHw/>.

⁶ Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 11.04.2019 по делу № 22К-342/2019 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/tbR1v4oC0ybv/>; Апелляционное постановление Кировского областного суда от 16.03.2020 по делу № 22–446/2020 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/9Z5YNKyC1HQg/>.

позиции стороны обвинения по делу при аргументации недопустимости освобождения обвиняемого от уголовной ответственности за совершенное преступление небольшой или средней тяжести. Эти доводы также последовательно отвергались судом в тех случаях, когда сведения о личности обвиняемого не являются доминирующими при решении вопроса об освобождении от ответственности (например, в ст. 76² УК РФ)¹. Хотя в ситуациях, когда закон непосредственно связывает основание освобождения от ответственности с оценкой опасности личности (ст. 75, 76 УК РФ), суды допускали ссылку на погашенную судимость в качестве аргумента, свидетельствующего о склонности данного лица к совершению противоправных деяний и препятствующего освобождению от ответственности².

Ссылки на предшествующую погашенную судимость вовлекаются в орбиту аргументации при обсуждении вопроса о выборе меры пресечения в отношении обвиняемого (заключения под стражу). При этом в одном из решений суд отверг доводы стороны защиты о недопустимости учета погашенных судимостей в этом случае и отметил, что «указание при характеристике личности на имеющиеся погашенные судимости, в том числе за преступления, связанные с оборотом наркотических средств, основано на представленных материалах и не противоречит требованиям ст. 86 УК РФ»³.

Такой подход (основанный на признании погашенной судимости одним из критериев оценки личности подсудимого) встречается и при аргументации уголовного наказания, в частности, в тех ситуациях, когда суд исследует в процессе справки-характеристики на подсудимого, представленные участковым уполномоченным полиции, или справки из информационного центра МВД России, содержащие сведения о наличии или отсутствии судимости.

Суды не могут не констатировать, что «из исследованных судом материалов дела, характеризующих личность подсудимого, установлено, что он имеет погашенную судимость»⁴. При этом во вводной части приговора суд может указывать (вполне в соответствии с законом), что подсудимые не судимы, а при анализе данных об их личности, может указать, что согласно справке-характеристике участкового уполномоченного полиции, они ранее привлекались к уголовной ответственности и имеют погашенные судимости за совершение преступлений⁵.

Отношение судов к таким сведениям о личности подсудимого может быть различным. Некоторые суды включают эту информацию в систему аргументации избираемого наказания («суд учитывает, ранее судимости погашены»⁶, учитывает, что «подсудимый «ранее не судим (имеет погашенные судимости)»⁷). Однако иные суды заключают, что «указание в характеристике участкового уполномоченного о непогашенной судимости суд во внимание не берет, поскольку у подсудимого имеется погашенная

¹ Постановление Каргасокского районного суда Томской области от 28.04.2025 по делу № 1–66/2025 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/3BDBKeLTaNrX/>; Постановление Шумерлинского районного суда Чувашской Республики от 6.11.2019 по делу № 1–149/2019 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/CQVCvriOI3NG/>.

² Приговор Нанайского районного суда Хабаровского край от 13.07.2020 по делу № 1–79/2020 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/Mz4zOu0eIXVp/>.

³ Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 23.01.2020 по делу № 3/1-19/2019 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/PP0kRtLY3dxI/>.

⁴ Приговор Сунтарского районного суда Республики Саха (Якутия) от 08.07.2020 по делу № 1–35/2020 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/HGrXbCmOh4bn/>.

⁵ Приговор Приволжского районного суда Ивановской области от 26.12.2019 по делу № 1–93/2019 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/9tdkSLe5NLQK/>; Приговор Куцевского районного суда Краснодарского края от 21.01.2019 по делу № 1–10/2019 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/RFNLIQD0sGYa/>.

⁶ Приговор Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 17.01.2020 по делу № 1–8/2020 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/OIPLSaBaDs6Q/>.

⁷ Приговор Кизлярского городского суда Республики Дагестан от 14.07.2020 по делу № 1–165/2020 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/OIPLSaBaDs6Q/>.

судимость, которая в соответствии с требованиями ст. 86 УК РФ не влечет правовых последствий»¹.

Как видим, ссылки на погашенную или снятую судимость встречаются достаточно часто, а ее учет при назначении наказания, хотя и эпизодически, но встречается. Закономерный вопрос, который возникает в связи этим, состоит в оценке ситуации: усматривать ли в подобной практике повторяющиеся грубые ошибки судов или же их желание представить в приговоре и учесть максимально полный набор данных о личности виновного.

В литературе имеются полярные суждения на этот счет. Например, Л.Л. Кругликов писал: «сведения о прежних случаях нарушений уголовно-правовых запретов осуждаемым и отбывании наказания за них, казалось бы, должны приниматься судом во внимание как данные, характеризующие личность подсудимого. С другой стороны, такое решение вопроса противоречит смыслу и духу погашения и снятия судимости в уголовном праве, поэтому такие судимости, думается, должны исключать для суда возможность усиления наказания со ссылкой как на такое конкретное отягчающее обстоятельство, как рецидив преступлений, так и личностные данные» [3, с. 224]. Иной точки зрения придерживаются А.З. Хун, С.В. Савин, указывая, что погашенная или снятая судимость не может учитываться в качестве обстоятельства, влияющего на вид и размер наказания, однако в качестве отрицательной характеристики личности виновного должна иметь значение, поскольку позволяет сделать вывод о склонности лица к совершению определенного рода преступлений, выделить криминальные наклонности и т.д. [10, с. 97; 9, с. 227].

Проблема состоит в том, что судимость как таковая (погашенная или не погашенная) либо совершение преступления лицом, имеющим судимость или ранее совершавшим преступление, отсутствует в списке обстоятельств, отягчающих наказание. Принимая во внимание конструкцию общих начал назначения наказания, помещающих список отягчающих обстоятельств «внутри» данных о личности и деянии, при том что список отягчающих обстоятельств является закрытым, возникает проблема учета в ряду данных о личности виновного таких обстоятельств, которые его отрицательно характеризуют, но при этом не поименованы в списке отягчающих обстоятельств. Т.В. Непомнящая писала, что «учет данных, отрицательно характеризующих личность, не означает расширения перечня отягчающих наказание обстоятельств» [7, с. 110–123]. Иную позицию озвучил А.Л. Кононов в своем Особом мнении к одному из постановлений Конституционного Суда РФ: «Учет личности при назначении наказания требует особой оговорки. УК РФ не препятствует учету личностных факторов и особенностей для смягчения наказания. Перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не закрыт, что существенно важно. Учет личности в целях усиления наказания имеет жесткие пределы. Справедливость со времен Аристотеля понималась как средство смягчения, а не отягчения закона. Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является закрытым и не может быть расширен. Кроме перечисленных в перечне (статья 63) обстоятельств, никакие иные данные о личности не могут быть приняты во внимание при назначении более строгого наказания»².

В этой дискуссии формально правда на стороне юристов, не допускающих расширительного учета данных о личности, отрицательно ее характеризующих. Но, по существу, это тупиковый путь. Личность виновного – слишком многогранное понятие [8, с. 62–68]. Заранее дать исчерпывающий перечень отрицательно характеризующих ее обстоятельств едва ли возможно. Судебная практика отчетливо фиксирует этот факт. Некоторые отрицательные данные о личности виновного, не получая в приговорах статус отягчающих обстоятельств «упаковываются» и «скрываются» в общей формуле «суд учитывает данные о личности виновного» или «суд учитывает отрицательную характеристику личности».

Соотношение данных о деянии, о личности и отягчающих и смягчающих обстоятельств – отдельная проблема, выходящая за пределы нашего исследования. Ей посвящен значительный объем

¹ Приговор Барун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 15.08.2019 по делу № 1–171/2019 [сайт]. «Судебные и нормативные акты РФ»; 2025 [обновлено 9 ноября 2025; процитировано 12 ноября 2025]. Доступно: <https://sudact.ru/regular/doc/mtbdnyEeVLr1/>.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

литературы [1; 2, с. 134–143; 5; 6]. Однако, не вторгаясь в ее обсуждение, выскажем общую солидарность с позицией Л.Л. Кругликова о том, что смягчающие и отягчающие обстоятельства в системе общих начал назначения наказания не имеют самостоятельного значения, растворяясь в массиве данных о личности и о деянии [4, с. 20]. Они имеют лишь ориентирующее значение, в связи с чем представлять в законе исчерпывающий список отягчающих обстоятельств нецелесообразно. «Закрытый перечень отягчающих обстоятельств лишает суды возможности учитывать данные, отрицательно характеризующие личность, и другие обстоятельства, не вошедшие в ч. 1 ст. 63 УК в качестве отягчающих, нарушая требование закона о полном и объективном учете всех выявленных по делу обстоятельств»¹. Раскрыв список отягчающих обстоятельств, можно предоставить правоприменителю больше легальных возможностей учитывать все значимые для дела обстоятельства, и кроме того, «снять» сомнительный с правовой точки зрения вопрос о скрытном, фактически тайном учете непредусмотренных в законе отягчающих обстоятельств посредством использования малосодержательной общей формулы «учет данных о личности виновного».

Погашенная или снятая судимость сама по себе, разумеется, не создает особых правовых последствий в сфере уголовно-правового регулирования (хотя при этом создает такие последствия за рамками сферы уголовного права). Однако учет сведений о погашенной или снятой судимости, представляется необходимым для полной и всесторонней оценки личности виновного. Легализовать возможность такого учета можно двумя юридико-техническими способами: во-первых, посредством формулировки открытого перечня отягчающих обстоятельств, во-вторых (и это не противоречит первому), посредством корректировки содержания п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, включения в его содержание не только рецидива, но и иных ситуаций наличия у лица судимости, в том числе снятой или погашенной.

Важно при этом подчеркнуть, что, предоставляя суду легальную возможность учета снятой или погашенной судимости, мы не создаем императивного предписания о необходимости такого учета и не предписываем направленности влияния соответствующей информации на наказание. Суд может учесть, но в той же степени может и не учесть сведения о снятой или погашенной судимости, если посчитает, что таковые сведения в данный конкретный момент времени не имеют значения для оценки опасности личности виновного. Решающее значение в таком случае будет иметь не формальная ссылка на то, что судимости сняты или погашены (как это имеет место в современной практике), а содержательная характеристика связи между имевшимися в прошлом судимостями и текущей оценкой личности виновного.

Список использованной литературы:

1. Донец С.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве Российской Федерации: монография. Вологда: Русь; 2004.
2. Кривенков О.В. Некоторые вопросы применения специальных правил назначения наказания. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2001;(3):134–143.
3. Кругликов Л.Л. Имеет ли погашенная или снятая судимость какое-либо уголовно-правовое значение? *Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007 г.), посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации*. М.: Проспект; 2007.
4. Кругликов Л.Л. Правовая природа смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. *Уголовное право*. 1999;(4):15–21.

References:

1. Donetsk S.P. [Mitigating and Aggravating Circumstances in the Criminal Law of the Russian Federation]. Vologda: Rus; 2004. (In Russ.)
2. Krivenkov O.V. [Certain Issues of Application of Special Rules for the Imposition of Sentences]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 2001;(3):134–143. (In Russ.)
3. Kruglikov L.L. [Does a expunged or expunged criminal record have any criminal-law significance?] *Sistemnost' v уголовном праве: materialy II Rossijskogo kongressa ugovolnogo prava (31 maya – 1 iyunya 2007 g.), posvyashchennogo 10-letiyu Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federacii = Systematicity in criminal law: proceedings of the II Russian congress of criminal law (May 31 – June 1, 2007), dedicated to the 10th Anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow: Prospect; 2007. (In Russ.)
4. Kruglikov L.L. [Legal nature of mitigating and aggravating circumstances]. *Ugovolnoe parvo = Criminal Law*. 1999;(4):15–21 (In Russ.)

¹ Донец С.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве (правовая природа, классификация, проблемы учета): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 5.

5. Мингалимова М.Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств: монография. М.: Юрлитинформ; 2021.
6. Мифтахов А.М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве: монография. Казань: Казанский университет; 2013.
7. Непомнящая Т.В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания. *Lex Russica (Русский закон)*. 2017;(12(133)):110–123.
8. Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Личность виновного в системе общих начал назначения наказания. *Общество и право*. 2016;(3(57)):62–68.
9. Савин С.В. Проблемы учета личности виновного при назначении наказания. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2015;(1(42)):225–228.
10. Хун А.З. Учет личности виновного при назначении наказания. *Общество и право*. 2010;(2(32)):94–99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куфлева Валентина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

5. Mingalimova M.F. [Assignment of Punishment Taking into Account Mitigating Circumstances]. Moscow: Yurlitinform; 2021. (In Russ.)]
6. Miftakhov A.M. [Individualization of Punishment When Assigning It Taking into Account Exceptional Circumstances in Russian Criminal Law]. Kazan: Kazan University; 2013. (In Russ.)]
7. Nepomnyashchaya T.V. [Taking into account the general principles of sentencing when choosing a sentence]. *Lex Russica (Russkij zakon) = Lex Russica (Russian Law)*. 2017;(12(133)):110–123. (In Russ.)]
8. Prokhorova M.L., Poltavets V.V. [Personality of the perpetrator in the system of general principles of punishment appointment]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2016;(3(57)):62–68. (In Russ.)]
9. Savin S.V. [Problems of taking into account the personality of the perpetrator when appointing punishment]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Bulletin of Omsk University. Law Series*. 2015;(1(42)):225–228. (In Russ.)]
10. Khun A.Z. [Taking into account the personality of the perpetrator when appointing punishment]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2010;(2(32)):94–99. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina N. Kufleva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ

Миликowa А.В.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

Ссылка для цитирования: Миликowa А.В. Принципы составления уголовно-процессуальных актов. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):66–72. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-66-72>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Миликowa Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Адрес: пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, Россия, 400062

Тел.: +7 (8442) 460-263

E-mail: milikova_av@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Статья принята к печати: 19.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: Данная статья посвящена изучению проблемных вопросов уголовно-процессуальной деятельности, связанных с вынесением уголовно-процессуальных актов. В работе нашли отражение результаты проведенных автором научных изысканий в ранее малоизученной области уголовно-процессуальной доктрины о принципах составления уголовно-процессуальных актов, напрямую оказывающих влияние на практическую деятельность органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры и суда.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и обосновании отдельных принципов составления уголовно-процессуальных актов.

Задачи: анализ имеющихся теоретических исследований как в области уголовного процесса, так и смежных отраслей знания, касающихся исследуемого вопроса; выявление принципов, оказывающих влияние на процесс составления уголовно-процессуальных актов.

В качестве *методов* исследования выступили диалектический, позволивший сформировать как содержание, так и выстроить логические результаты проведенной работы. Автором использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системного подхода, описания и сравнения, и специальный формально-юридический метод.

Результаты: в работе обоснована актуальность рассматриваемых вопросов об уголовно-процессуальных актах и, в частности, о принципах их составления. Определены подходы к пониманию принципов в уголовном процессе, после чего проведены параллели с принципами составления уголовно-процессуальных актов, выявлены пересечения, которые и обусловили выделение собственных принципов составления уголовно-процессуальных актов. В результате проведенного исследования автор пришел к обоснованному выводу о возможности и необходимости выделения принципов составления уголовно-процессуальных актов, и их практическом значении.

Ключевые слова: принцип, уголовный процесс, уголовно-процессуальные акты, процессуальные документы, процессуальная деятельность, правоприменение.

DRAFTING PRINCIPLES OF THE CRIMINAL PROCEDURE ACTS

Anna V. Milikova

FGAOU VO "Volgograd State University"
(Universitetskiy Ave., 100, Volgograd, Russia, 400062)

Link for citation: Milikova A.V. Drafting principles of the criminal procedure acts. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):66–72. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-66-72>

CONTACT INFORMATION:

Anna V. Milikova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of criminal law and process of the FGAOU VO "Volgograd State University"

Address: Universitetskiy Ave., 100, Volgograd, Russia, 400062

Tel.: +7 (8442) 460-263

E-mail: milikova_av@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 20.01.2026

The article has been accepted for publication: 19.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: This article is devoted to the study of problematic issues of criminal procedure activities related to the issuance of criminal procedure acts. The work reflected the results of the author's scientific research in the previously little-studied area of the criminal procedure doctrine on the principles of drawing up criminal procedure acts that directly affect the practical activities of the preliminary investigation, inquiry, prosecutor's office and the court.

The *purpose* of this study is to identify and substantiate the principles inherent in the process of drawing up criminal procedural acts.

Objectives: analysis of available theoretical studies both in the field of criminal procedure and related branches of knowledge related to the issue under study; identification of principles influencing the process of drawing up criminal procedural acts.

The research *methods* were a dialectical approach to the knowledge of reality, which made it possible to form both the content and build the logical results of the work. The author used general scientific methods of analysis and synthesis, system analysis, description and comparison, and special ones – formal-legal and historical-legal.

Results: the paper substantiated the relevance of the issues under consideration on criminal procedural acts and, in particular, on the principles of their compilation. Approaches to understanding principles in criminal proceedings were identified, after which parallels were drawn with the principles of drawing up criminal procedure acts, intersections were identified, which led to the allocation of their own principles of drawing up criminal procedure acts. As a result of the study, the author came to a reasonable conclusion about the possibility and need to highlight the principles of drawing up criminal procedure acts, and their practical significance.

Keywords: principle, criminal process, criminal procedural acts, procedural documents, procedural activities, law enforcement.

Введение

Современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) ориентирован на необходимость соблюдения достаточно жесткой уголовно-процессуальной формы. В частности, важное значение в законе уделяется оформлению уголовно-процессуальных актов. Так, например, справедливо отмечает С.Б. Россинский, что нормы уголовно-процессуального законодательства имеют ярко выраженный технический характер и определяют не столько порядок уголовного процесса, сколько правила уголовно-процессуального делопроизводства [10, с. 121]. Возможно, подобная необходимость возникла не только ввиду низкого качества оформляемой

документации, сколько обусловлена отсутствием понимания о важности выполняемых действий. Отсюда необходимым видится рассмотрение вопросов о принципах составления уголовно-процессуальных актов.

В науке уголовного процесса подобный вопрос о принципах составления уголовно-процессуальных актов ранее подробно учеными не рассматривался. Тем не менее, на основе имеющихся разработок в смежных отраслях знания видится актуальным, возможным и необходимым проведение подробного анализа, адаптации и выработки принципов, присущих процессу составления уголовно-процессуальных актов.

Прежде всего, важно понимать, что выделяемые принципы составления уголовно-процессуальных актов должны соответствовать тем принципам, которые присущи уголовному процессу. Пожалуй, вопрос о принципах в уголовном процессе является наиболее разработанным. И.В. Головинская отмечает, что издревле в целом принцип понимался как «важнейшая часть всего». Принципы права представляют собой основополагающие идеи, которые определяют содержание, сущность и функции права в обществе, а также задают общую направленность правового регулирования общественных отношений [6, с. 13].

М.П. Поляков полагает, что ключевой установкой понятия принципов уголовного процесса является то, что они представляют собой мировоззренческие идеи наиболее высокой степени общности, относительно сущего и должного в уголовном судопроизводстве [9, с. 496].

М.Т. Аширбекова отмечает, что понятие принципа уголовного процесса обладает обязательным признаком, который предполагает его обусловленность предметом и методом уголовно-процессуального регулирования, которые придают принципу системообразующие и формообразующие свойства. При этом система принципов уголовного процесса, по мнению ученого, является двухуровневой: на первом уровне находятся принципы публичности и состязательности, тогда как на втором размещаются остальные принципы, предусмотренные в гл. 2 УПК РФ¹.

Очевидно, что перечень предложений по определению понятия принципов уголовного процесса можно было бы продолжить. Однако ограничимся обоснованным подходом С.Б. Россинского, который определяет принципы уголовного судопроизводства в качестве основополагающих правовых положений, закрепленных законодательно и отражающих закономерности существования и развития общества и государства, определяющих специфические особенности уголовно-процессуальной деятельности².

Методы исследования

В ходе подготовки и написания данного исследования автором использованы различные методы. Прежде всего, диалектический метод научного познания, который позволил сформировать содержание статьи и расположить его в логической последовательности. Помимо диалектического метода, автором использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системного подхода, позволившие рассмотреть изучаемый объект в качестве целостной системы. Кроме того, использованы методы описания и сравнения, а также формально-юридический.

Результаты исследования

В уголовно-процессуальной науке, как правило, все принципы уголовного процесса традиционно делят на общеправовые и собственно уголовно-процессуальные, которые закреплены в гл. 2 УПК РФ. Ввиду отсутствия в науке единого подхода к пониманию принципов уголовного процесса, можно выделить еще одну группу принципов – не закрепленных законодательно, выработанных уголовно-процессуальной доктриной.

Т.Ю. Вилкова предлагает выделять общие принципы права, отраслевые и межотраслевые принципы. Автор отмечает, что принципы уголовного судопроизводства, являясь отраслевыми, дополняют и развивают общие применительно к уголовно-процессуальной деятельности. При этом общие принципы права влияют на отраслевые и межотраслевые, находясь с ними в прямой и обратной связи, так как принципы более низкого уровня не могут противоречить принципам более высокого уровня [3, с. 22–23].

Среди принципов, перечисленных в гл. 2 УПК РФ, к составлению уголовно-процессуальных актов в той или иной степени отношение имеют все указанные там принципы, при этом они являются

¹ Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 15.

² Россинский С.Б. Уголовный процесс России: курс лекций / С.Б. Россинский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2008. С. 49.

отраслевыми. В уголовно-процессуальной науке выделяется и более узкий вид принципов, которые относятся к так называемой подотрасли. Они присущи непосредственно процессуальным документам. Как отмечают С.Ю. Рывкин, А.Р. Ибрагимова и М.А. Сазонова, при составлении любого процессуального документа должны быть соблюдены следующие основополагающие принципы: морали и нравственности; законности; обоснованности; мотивированности; логичности; определенности и полноты¹.

Г.И. Загорский и В.И. Качалов выделяют методику составления процессуальных документов и включают в ее содержание: требования, предъявляемые к составлению процессуальных актов, принципы составления актов, способы систематизации материалов и научные рекомендации. При этом к числу принципов процессуальных актов в уголовном процессе авторы относят: законность процессуального акта, обоснованность, мотивированность, логичность, определенность, полноту процессуального акта и воспитательное воздействие².

Научная дискуссия

Указанные авторами принципы и их содержание достаточно подробно описаны в научной литературе. Далее рассмотрим отдельные принципы процессуальных документов, отнесение которых к составлению уголовно-процессуальных актов может вызывать дискуссии. Учет требований материального и процессуального законодательства вполне согласуется с принципом законности в уголовном процессе. Н.А. Быданцев отмечает, что достижение законности обеспечивается путем наделения участников уголовного процесса правом обжалования. Например, в ч. 1 ст. 123 УПК РФ закреплено право на обжалование действий или бездействия и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда. При этом автор отмечает, что «законность» в основном является предметом деятельности участников уголовного процесса, обладающих властными полномочиями. При этом другие участники, не имеющие властных полномочий, могут требовать достижения законности [2, с. 163]. А, значит, принцип законности по мнению автора свойственен преимущественно процессу составления уголовно-процессуальных актов, поскольку правом на их вынесение обладают только должностные лица. Согласиться с данным подходом сложно ввиду того, что принцип законности присущ всем документам в уголовном процессе. Например, в п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предусмотрено право защитника на заявление ходатайства или отвода, которые в равной степени должны соответствовать принципу законности как и уголовно-процессуальные акты.

Принципы детальности разработки всей процедуры, так же, как и оптимальности формы и содержания уголовно-процессуальных актов предполагают необходимость соблюдения определенной последовательности действий и определенной формы уголовно-процессуальных актов, предусмотренной в УПК РФ. Данные принципы применимы по отношению к уголовно-процессуальным актам, учитывая строгие требования, предъявляемые как к форме, так и к содержанию уголовно-процессуальных актов. Только уполномоченный на то субъект может вынести тот или иной уголовно-процессуальный акт, при этом он несет ответственность за те сведения, которые в нем содержатся. В данном случае принцип согласуется с разумным сроком уголовного судопроизводства, уважением чести и достоинства личности, неприкосновенностью личности, охраной прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, языком уголовного судопроизводства и др.

Принцип целесообразности составления уголовно-процессуальных актов подразумевает выполнение лишь тех действий, которые являются необходимыми и достаточными при подготовке и оформлении документа, а также при изложении его содержания. Подобного принципа в главе 2 УПК РФ не содержится, но, например, Т.Ю. Вилкова, Р.В. Мазюк, М.А. Хохряков полагают, что несмотря на отсутствие в российском уголовно-процессуальном законодательстве термина «целесообразность», это не означает ее отсутствие. Авторы делят целесообразность на два вида: в узком понимании и в широком ее толковании. Узкий означает полномочия должностных лиц в возможности выдвинуть и поддержать обвинение или отказаться от уголовного преследования.

¹ Рывкин С.Ю. Криминалистические особенности фиксации (документирования) следственных и процессуальных действий: учеб. пособие / С.Ю. Рывкин, А.Р. Ибрагимова, М.А. Сазонова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 9.

² Загорский Г.И., Качалов В.И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе: учеб. пособие для вузов. М.: РАП, 2014. С. 21–24.

Широкий предполагает эффективность, оптимальность, оперативность и процессуальную экономию. Уголовное судопроизводство всегда должно быть целесообразным в широком его понимании и отдельные положения УПК РФ данное утверждение подтверждают, например, согласно ч. 4 ст. 152 УПК РФ предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков [5, с. 95]. Данное положение, безусловно, является целесообразным. П.А. Лупинская отмечала, что целесообразность заложена в самом законе, предписывающем определенное поведение для правоприменителя [7, с. 149]. Таким образом, принципы законности и целесообразности очень тесно взаимосвязаны.

Возникает дискуссия и при отнесении принципа демократичности к процессу составления уголовно-процессуальных актов ввиду отдельных особенностей и требований, предъявляемых к уголовному судопроизводству. Т.Ю. Вилкова отмечает, что П.А. Лупинская отстаивала построение уголовного процесса на основе демократических принципов и отмечала «высокое политическое значение уголовного процесса» [4, с. 16]. И все же уголовно-процессуальные акты, составляемые должностными лицами органов предварительного расследования, прокуратуры и суда соотносятся с близким принципом гласности, которой не нашел своего отражения в гл. 2 УПК РФ, но о ней говорится в ст. 241 УПК РФ, закрепляющей гласность как одно из общих условий судебного разбирательства. Такой подход со стороны законодателя вполне оправдан, поскольку принцип гласности не охватывает всех стадий уголовного судопроизводства. В соответствии со ст. 161 УПК РФ, информация, собранная в процессе предварительного расследования, не подлежит разглашению под угрозой уголовной ответственности, установленной ст. 310 УК РФ. Об этом основные участники уголовного судопроизводства информируются следователем и дознавателем с получением соответствующей расписки. Однако, с разрешения следователя или дознавателя, и только в той мере, которая будет признана ими допустимой, сведения могут быть обнародованы в случаях, не противоречащих интересам расследования и не нарушающих права, свободы и законные интересы участников уголовного процесса. Е.В. Батурина, В.Д. Дармаева указывают на то, что на практике могут возникать ситуации, когда органы предварительного расследования усматривают в действиях адвокатов, осуществляющих защиту по уголовным делам, признаки состава преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ [1, с. 61]. Безусловно, каждый подобный случай требует детальной проверки.

Еще одним дискуссионным вопросом в данном контексте является внедрение новых цифровых технологий. Так, Е.В. Марковичева, Т.К. Рябинина полагают, что в ближайшей перспективе необходимо проводить исследование вопросов, касающихся обеспечения равновесия между публичными и частными интересами в рамках реализации конституционного принципа гласности, принимая во внимание трансформацию уголовного процесса в условиях развития информатизации [8, с. 145].

Принципы рациональности и простоты предполагают реализацию деятельности по составлению уголовно-процессуальных актов при осуществлении ее с минимальными затратами времени и труда, опираясь на проверенные временем и практикой формы. Простота правового оформления предполагает ясное и доступное изложение информации в уголовно-процессуальных актах для всех участников правоотношений.

Принцип логичности, краткости, ясности и грамотности содержания уголовно-процессуальных актов подразумевает необходимость структурирования информации в четкой логической последовательности, при этом текст уголовно-процессуального акта следует делать максимально сжатым, во избежание неясных, двусмысленных и неточных выражений, а содержание документа излагать корректно, в соответствии с нормами русского языка. Д.Н. Соловьев указывает на то, что в следственной и судебной практике нередко наблюдаются случаи, когда не соблюдаются требования, предъявляемые к языку уголовно-процессуальных актов, что может впоследствии привести к значительным нарушениям прав участников уголовного процесса [11, с. 238–239].

В заключение отметим, что рассмотрение вопросов об уголовно-процессуальных актах является актуальной темой как в науке уголовного процесса, так и в практической деятельности. Ранее вопросы о принципах составления уголовно-процессуальных актов подробно специалистами в области уголовного процесса не рассматривались, тем не менее проведенное исследование позволило

нам отнести к их числу дополнительные, помимо выделяемых, принципы: принцип детальности разработки процедуры и оптимальности формы и содержания уголовно-процессуальных актов; принцип императивности; принцип целесообразности; принцип гласности; принципы рациональности и простоты; принцип логичности, краткости, ясности, грамотности в содержании уголовно-процессуальных актов.

Список использованной литературы:

1. Батурина Е.В., Дармаева В.Д. Тайна следствия и осуществление защиты: проблемы разграничения. *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2022;(4(34)):60–65.

DOI: 10.54217/2588-0136.2022.34.4.007.

2. Быданцев Н.А. «Законность» в тексте уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. 2025;(1(102)):161–168.

3. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М; 2024.

4. Вилкова Т.Ю. Учение о принципах уголовного судопроизводства в трудах ученых кафедры уголовно-процессуального права. *ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА Часть 1: Учение о принципах советского уголовного процесса в трудах ученых кафедры уголовно-процессуального права ВЮЗИ. Актуальные проблемы российского права*. 2015;(12(61)):11–22.

DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.011-022.

5. Вилкова Т.Ю., Мазюк Р.В., Хохряков М.А. Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России. *Всероссийский криминологический журнал*. 2022;(1(16)):91–100. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).91-100.

6. Головинская И.В. Принципы уголовного процесса и их нормативное закрепление. *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки*. 2020;(3(25)):13–16.

7. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юрист; 2006.

8. Марковичева Е.В., Рябинина Т.К. Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов. *Правосудие*. 2024;(6(4)):132–150. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150.

References:

1. Baturina Ye.V., Darmaeva V.D. [The mystery of the investigation and the implementation of the defense: the problems of delimitation]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2022;(4(34)):60–65. DOI: 10.54217/2588-0136.2022.34.4.007. (In Russ.).

2. Bidantsev N.A. [«Legality» in the text of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Nauchnii vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova = Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2025;(1(102)):161–168. (In Russ.).

3. Vilkova T.Yu. [Principles of criminal proceedings in the system of principles of national law: general legal and intersectoral aspects]. Moskva: Norma: INFRA-M.; 2024. (In Russ.).

4. Vilkova T.Yu. [Teaching on the principles of criminal proceedings in the works of scientists of the Department of Criminal Procedure Law]. *VYuZI-MYuI-MGYuA Chast 1: Uchenie o printsipakh sovetskogo ugovalnogo protsessualnogo prava VYuZI. Aktualnie problemi rossiiskogo prava = VUZY-MUI-MGUA Part 1: The doctrine of the principles of the Soviet criminal procedure in the works of scientists of the Department of Criminal Procedure Law of VUZY. Current problems of Russian law*. 2015;(12(61)):11–22. DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.011-022. (In Russ.).

5. Vilkova T.Yu., Mazyuk R.V., Khokhryakov M.A. [Expediency as a principle and as a basis for making decisions in criminal proceedings: foreign experience and prospects for application in Russia]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2022;(1(16)):91–100. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).91-100. (In Russ.).

6. Golovinskaya I.V. [Principles of criminal procedure and their normative consolidation]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigorevicha i Nikolaya Grigorevicha Stoletovikh. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Series: Legal Sciences Justice*. 2020;(3(25)):13–16. (In Russ.).

7. Lupinskaya P.A. [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice]. M.: Yurist; 2006. (In Russ.).

8. Markovicheva Ye.V., Ryabinina T.K. [Publicity in criminal trials: a balance of public and private interests]. *Pravosudie = Justice*. 2024;(6(4)):132–150. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.132-150. (In Russ.).

9. Поляков М.П. Принцип как мировоззренческая идея относительно сущего и должного: новый подход к постижению концептуальной сущности понятия принципов отечественного уголовного процесса. *Юридическая техника*. 2020;(14):493–496.

10. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2023;(1(18)):116–135.

DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy.

11. Соловьев Д.Н. Некоторые языковые ошибки актов применения уголовно-процессуальных норм. *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: XXVII международная научно-практическая конференция: в 2-х частях (Красноярск, 04–05 апреля 2024 г.)*. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России; 2024.

9. Polyakov M.P. [Principle as a worldview idea of existence and due: a new approach to understanding the conceptual essence of the concept of principles of domestic criminal proceedings]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*. 2020;(14):493–496. (In Russ.).

10. Rossinskii S.B. [Criminal Procedure Form vs Criminal Procedure Procedure Rules]. *Trudi Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(1(18)):116–135.

DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy. (In Russ.).

11. Solovlev D.N. [Some linguistic errors of acts of application of criminal procedure]. *Aktualnie problemi borbi s prestupnostyu: voprosi teorii i praktiki: XXVII mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: v 2-kh chastyakh (Krasnoyarsk, 04–05 aprelya 2024) = Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: XXVII International Scientific and Practical conference: in 2 parts (Krasnoyarsk, April 04-05, 2024)*. Krasnoyarsk: Sibirskii yuridicheskii institut MVD Rossii; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миликова Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Milikova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of criminal law and process of the FGAOU VO "Volgograd State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

ПОТЕРПЕВШИЙ КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ (ОСОБЕННЫЙ) ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Улитин И.Н.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Улитин И.Н. Потерпевший как факультативный (особенный) признак состава преступления: проблема понимания. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):73–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-73-81>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Улитин Илья Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (967) 306-41-05

E-mail: iliaylitin1994@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.01.2026

Статья принята к печати: 20.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: В работе рассмотрены некоторые особенности определения потерпевшего от преступления как факультативного (особенного) признака состава преступления. Автором отмечено, что категория потерпевшего в юриспруденции рассматривается в разных ракурсах. В уголовно-правовой доктрине она раскрывается с учетом уголовно-правового статуса, в качестве признака преступления, в рамках квалификации общественно опасного деяния и т.д. С целью выработки авторского подхода в работе представлен доктринальный обзор определений термина «потерпевший от преступления» в уголовном праве. С учетом этого установлены сходства и различия в дефинициях, предлагаемых различными специалистами.

Цель исследования – обоснование авторского подхода к пониманию потерпевшего в уголовном праве, определение его места в структуре состава преступления и уточнение понятийного аппарата для целей квалификации преступлений и назначения наказания.

Задачи исследования – проведение доктринального обзора определений термина «потерпевший от преступления»; установление сходств и различий в существующих дефинициях; аргументация позиции, согласно которой потерпевший является факультативным признаком объекта преступления; обоснование целесообразности использования термина «потерпевший от преступления»; формулирование понятий «общий» и «специальный потерпевший» в рамках состава преступления.

Методы исследования: диалектический, общенаучные методы (логический, системный, структурный, функциональный, анализ, синтез, обобщение), специальные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Результаты проведенного исследования – аргументировано, что потерпевшего в уголовном праве следует рассматривать в двух плоскостях: как участника уголовно-правовых отношений и как факультативный признак состава преступления, относящийся к его объекту. Доказана предпочтительность использования термина «потерпевший от преступления» для обозначения отраслевой принадлежности. Обосновано выделение в составе преступления «общего потерпевшего» (неконструктивный признак) и «специального потерпевшего» (конструктивный признак, обладающий особыми свойствами, описанными в диспозиции нормы УК РФ), что имеет значение для теории квалификации и правоприменительной практики.

Ключевые слова: потерпевший, специальный потерпевший, состав преступления, факультативный признак, объект преступления, квалификация преступлений.

THE VICTIM AS AN OPTIONAL (SPECIAL) FEATURE OF THE CRIME: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING

Илья Н. Улитин

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Ulitin I.N. The victim as an optional (special) feature of the crime: the problem of understanding. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):73–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-73-81>

CONTACT INFORMATION:

Илья Н. Улитин, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (967) 306-41-05

E-mail: iliaylitin1994@gmail.com

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 23.01.2026

The article has been accepted for publication: 20.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: This paper examines some of the specific aspects of defining a crime victim as an optional (special) element of the crime's corpus delicti. The author notes that the category of victim is examined in jurisprudence from various perspectives. In criminal law doctrine, it is defined in terms of criminal status, as a characteristic of a crime, within the framework of classifying a socially dangerous act, etc. To develop the author's approach, this paper presents a doctrinal review of definitions of the term "crime victim" in criminal law. Taking this into account, similarities and differences in the definitions proposed by various experts are identified.

The *purpose* of the study is to substantiate the author's approach to understanding the victim in criminal law, define their place in the structure of a crime, and clarify the conceptual apparatus for the purposes of classifying crimes and sentencing. The objectives of the study are to conduct a doctrinal review of definitions of the term "crime victim"; identify similarities and differences in existing definitions; argue for the position that the victim is an optional characteristic of the object of the crime; justify the appropriateness of using the term "crime victim"; and formulate the concepts of "general" and "special victim" within the framework of the elements of the crime.

Research *methods*: dialectical and general scientific methods (logical, systemic, structural, functional, analysis, synthesis, generalization), and specialized methods (formal-legal, comparative-legal, and the method of interpreting legal norms).

The *results* of the study argue that the victim in criminal law should be considered in two dimensions: as a participant in criminal-legal relations and as an optional characteristic of the elements of the crime related to its object. The preferable use of the term "crime victim" to denote industry affiliation is demonstrated. The distinction between a "common victim" (a non-constructive feature) and a "special victim" (a constructive feature possessing special properties described in the disposition of the norm of the Criminal Code of the Russian Federation) in the composition of a crime is substantiated, which is important for the theory of qualification and law enforcement practice.

Keywords: victim, special victim, elements of a crime, optional element, object of a crime, classification of crimes.

Введение

Категория «потерпевший» в юриспруденции рассматривается с международно-правового, уголовно-правового, уголовно-процессуального, административно-правового, гражданско-правового, криминологического и криминалистического ракурсов. Таким образом, данный феномен свойствен практически всем видам правоотношений.

В уголовно-правовых науках потерпевший, как правило, рассматривается в качестве субъекта правоотношений, признака состава преступления, участника уголовного процесса, жертвы общественно опасного посягательства.

В настоящее время существует единственное законодательное определение потерпевшего в ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации».

В уголовно-правовой науке подвергнуты анализу различные аспекты категории «потерпевший». В частности, раскрыты вопросы уголовно-правового статуса потерпевшего², учета его в качестве признака преступления³, влияния его поведения на квалификацию содеянного⁴, отнесения к таковым юридических лиц [3] и т.д.

Особое значение потерпевшего отмечено в ст. 52 Конституции РФ⁵, согласно которой права потерпевшего охраняются законом. В теоретическом контексте рассматриваемую категорию сопоставляют с жертвой и лицом, пострадавшим от преступления [8; 17] и т.д. Как справедливо отмечено в науке, вопрос о статусе потерпевшего в уголовном праве – принципиальный, а его решение непосредственно отражает понимание природы данной отрасли права [11, с. 416].

Методы исследования

Методологическая основа исследования носит комплексный характер, что обусловлено необходимостью решения теоретической проблемы определения места и роли потерпевшего в структуре состава преступления.

Диалектический метод выступил в качестве главного методологического инструмента, позволившего рассмотреть категорию «потерпевший» в развитии, выявить внутренние противоречия между уголовно-процессуальным и уголовно-правовым ее пониманием, а также определить природу данного феномена.

В силу основной направленности исследования базовым методом стал формально-юридический анализ, позволивший исследовать содержание уголовно-правовых норм и доктринальных источников.

Путем логических методов были систематизированы существующие в науке подходы к определению понятия «потерпевший», и сформулированы авторские умозаключения относительно необходимости выделения специального потерпевшего в качестве конструктивного признака состава преступления.

Системный и структурный методы позволили выявить место потерпевшего в структуре состава преступления, определить взаимосвязь факультативных признаков с объектом преступления и обосновать, что потерпевший является носителем общественного отношения.

Благодаря сравнительно-правовому методу проведено сопоставление различных научных позиций относительно понимания потерпевшего.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

² Смирнов А.Л. Потерпевший от преступления: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

³ Сирик М.С. Потерпевший от преступления как факультативный признак объекта преступления: учеб. пособие. Армавир: издатель ИП Ершова О.А., 2019; Пахомова Е.В. Проблемы законодательного учета признаков потерпевшего при дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

⁴ Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего как обстоятельство, влияющее на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания субъекта преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

⁵ Конституция Российской Федерации 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Результаты исследования

1. Потерпевший в уголовном праве рассматривается в двух плоскостях:

- как участник уголовно-правовых отношений, которому был причинен вред преступлением;
- как факультативный признак состава преступления, относящийся к объекту преступного посягательства.

Во втором случае потерпевшего следует рассматривать не как конкретное лицо, наделенное правами, а как некую «субстанцию», имеющую значение для правильной квалификации общественно опасного посягательства.

2. Отнесение потерпевшего к разряду признака объекта преступления является логичным. Объектом преступного посягательства всегда выступают определенные общественные отношения, которые с точки зрения теории права включают в себя субъектов, предмет и взаимосвязь между субъектами. С учетом того, что потерпевший является носителем общественного отношения, именно его характеристика показывает, какую конкретную сторону общественного отношения затронуло преступление.

3. Представляется, что в уголовно-правовой плоскости вернее использовать термин «потерпевший от преступления». Такое обозначение акцентирует внимание на его отраслевой принадлежности и особой правовой природе. С учетом научных разработок с уголовно-правовой позиции представляется, что потерпевшими от преступления признаются физические или юридические лица (включая публичные образования), чьи охраняемые уголовным законом права и законные интересы были нарушены преступным посягательством либо поставлены под реальную угрозу нарушения.

4. При квалификации преступления, а в конкретных ситуациях при назначении наказания непосредственно учитывается не сам потерпевший от преступления, а его свойства, то есть его особые характеристики. В связи с этим наиболее точным для обозначения такового в учении о составе преступления видится термин «специальный потерпевший» либо «потерпевший со специальными признаками». Под таковым предлагается понимать лицо, обладающее конкретными, описанными в диспозиции нормы Особенной части УК РФ свойствами, характеристиками, параметрами, которые превращают его в конструктивный признак объекта модели преступления.

5. В рамках состава преступления выделяются две группы потерпевших: общий и специальный. В первом случае потерпевший не учитывается при составообразовании, но способствует установлению связи обязательных признаков состава преступления между собой, а также может учитываться при привлечении виновного к уголовной ответственности; во втором случае он является конструктивным признаком состава общественно опасного посягательства.

Научная дискуссия

Проблематика определения потерпевшего в уголовном праве начала разрабатываться еще в советский период [7; 9; 10]. С целью установления рассматриваемой категории с позиции современного уголовного права ниже представлены некоторые ее доктринальные понятия.

Таблица. Некоторые доктринальные определения термина «потерпевший от преступления» в уголовном праве

Some doctrinal definitions of the term "victim of a crime" in criminal law

ФИО	Определение
И.А. Анисимова, Т.В. Якушева, Н.Д. Усвят [1, с. 26]	лицо, путем воздействия на блага и права которого причиняется преступный вред или создается угроза его причинения объекту преступления
Т. Будякова [4, с. 109]	лицо, которому преступлением непосредственно причинен вред
О.А. Владимирова [6, с. 65]	физическое или юридическое лицо, а также государство, его субъекты и муниципальные образования, чьим охраняемым законом правам и интересам в результате преступления и в соответствии с непосредственным объектом посягательства был причинен вред либо возникла реальная угроза его причинения
Г.О. Петрова [14, с. 130]	физическое или юридическое лицо, которому преступлением причиняется вред – моральный, физический, имущественный или

	существует реальная угроза его причинения
Е.В. Пахомова ¹	физическое лицо, которому непосредственно преступлением причиняется или создается угроза причинения физического, имущественного или морального вреда, а также нефизическое лицо в случае причинения или создания угрозы причинения вреда его имуществу и деловой репутации
Б.А. Протченко [15, с. 82], Э.Л. Сидоренко [18, с. 33]	лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный вред
Р.А. Сабитов ²	физическое, юридическое лицо, орган власти, общество или группа людей, которым окончанным или неоконченным преступлением причинен физический, имущественный, моральный или иной вред.
А.Л. Смирнов ³	лицо, права и законные интересы которого были нарушены преступлением или поставлены под реальную угрозу нарушения
М.С. Сирик ⁴	субъект отношений, охраняемых уголовным законом, которому причинен преступлением вред
Н. С. Таганцев ⁵	обладатель правоохраняемого интереса, которому непосредственно повредил или которого поставил в опасность преступник
И.А. Фаргиев [20, с. 15–16]	лицо, выступающее субъектом отношений, охраняемых уголовным законом, которому причинен физический, имущественный, моральный, а равно предусмотренный Уголовным кодексом иной вред, входящий в преступные последствия деяния, совершаемого виновным
П.С. Яни [23, с. 40]	лицо, на чьи охраняемые настоящим законом блага – жизнь, здоровье, честь и достоинство, а также политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы было направлено преступное посягательство

Как можно заметить из представленных определений, большинство авторов сходятся во мнении, что потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен вред (физический, имущественный, моральный или иной) либо создана угроза причинения такого вреда. Следует отметить, что подобное обозначение схоже с его лексическим значением⁶. Основные отличия в доктринальных дефинициях сводятся к кругу лиц, которые являются потерпевшими; характеру и виду вреда; связи с объектом преступного посягательства.

Как следует из обобщения научных разработок, в общем виде с уголовно-правовой точки зрения потерпевшими признаются физические или юридические лица (включая публичные образования), чьи охраняемые уголовным законом права и законные интересы были нарушены преступным посягательством либо поставлены под реальную угрозу нарушения.

Как отмечает А.Л. Смирнов, потерпевший является особым признаком преступления и субъектом уголовно-правовых отношений⁷. В уголовно-правовой науке обращено внимание на то, что во втором случае вопрос о статусе потерпевшего напрямую определяется наличием у такого лица правовой связи как с лицом, совершившим преступление, так и с государством [16, с. 58]. Стоит заметить, что уголовный закон помимо прочего учитывает статус потерпевшего при назначении наказания, что выходит за рамки отмеченного значения.

¹ Пахомова Е.В. Проблемы законодательного учета признаков потерпевшего при дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 12.

² Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 18.

³ Смирнов А.Л. Потерпевший от преступления: уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 13.

⁴ Сирик М.С. Уголовно-правовое и криминологическое значение потерпевшего от преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 9.

⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 13.

⁶ Толковый словарь Ожегова онлайн [сайт]. Потерпевший; 2026 [обновлено 19 декабря 2024; процитировано 14 января 2026]. Доступно: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30204>.

⁷ Смирнов А.Л. Потерпевший от преступления: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 11.

В специальной литературе указано, что рассматриваемому лицу присущи следующие признаки: 1) выступает субъектом отношений, обеспечивающих реализацию его интересов; 2) преступлением ему причинен определенный вред; 3) непосредственность причинения вреда охватывается диспозицией нормы Особенной части УК РФ [12, с. 67].

В предмет настоящего исследования не входит анализ правового статуса потерпевшего как участника уголовно-правовых отношений. В связи с этим требуется остановиться только на определении его в качестве признака (условия) состава преступного посягательства и его влияния на квалификацию преступления, а также учет в качестве смягчающего либо отягчающего обстоятельства.

Как верно замечено специалистами уголовного права, потерпевший является особой фигурой, которая возникает в результате совершения преступления, то есть это лицо, которому преступлением был причинен вред¹.

В контексте преступных событий в уголовном праве рассматриваемое лицо выступает некой «субстанцией», которую необходимо учитывать при квалификации преступления и назначении наказания. Э.Э. Нагиева такое лицо обозначает «материальным субстратом» [13, с. 12–16].

Уголовно-правовая наука потерпевшего от преступления традиционно рассматривает в качестве факультативного признака объекта преступления. Однако ряд исследователей полагают, что он является производным от предмета преступления (Л.Д. Гаухман, А.В. Пашковская, М.И. Федоров), другие склоняются к самостоятельной природе потерпевшего от преступления (В.Е. Батюкова, Н.В. Сенаторов, В.Б. Сидоров, И.А. Фаргиев, Е.А. Фролов) [2, с. 55].

Тем не менее, в учении о составе преступления устоялась позиция, что потерпевший выступает факультативным признаком основного непосредственного объекта преступного посягательства. Подобное утверждение поддерживается большинством ученых. Аргументируя данную позицию, отметим, что, как указано ранее, объектом преступления выступают всегда определенные отношения, охраняемые уголовным законом. Структуру любых общественных отношений составляют субъекты, предмет и взаимосвязь между субъектами [5, с. 23]. Еще один из подходов предполагает, что ее образуют юридический факт, субъекты, объект и его содержание².

Потерпевший является носителем общественного отношения³. Именно характеристика потерпевшего указывает на то, какую конкретную сторону общественного отношения и какое именно «благо» затронуло преступление. В связи с этим «потерпевший» выступает структурным признаком элемента «объект преступления».

В уголовно-правовой науке рассматриваемое лицо зачастую обозначается как «потерпевший» и «потерпевший от преступления». Второй вариант видится более верным. Обосновывая данное утверждение, заметим, что термин «потерпевший» встречается и в других отраслях права, и у соответствующего лица статус различен, причем даже в контексте состава образования правонарушения (в гражданском, административном и уголовном праве). С учетом этого использование предложенного варианта акцентирует отраслевую принадлежность и особую правовую природу понятия.

Стоит отметить, что при квалификации преступления непосредственно учитывается не сам потерпевший от преступления, а его свойства, то есть его особенные характеристики. По справедливому замечанию П.С. Дагеля, такие характеристики потерпевшего включаются в составы не всегда, когда преступление причиняет ему вред, а лишь тогда, когда нужно сузить круг потерпевших, ограничить его определенными условиями [7, с. 23]. В связи с этим авторами предлагается обозначать рассматриваемый признак как «специальный потерпевший» в тех случаях, когда он выступает в качестве обязательного условия модели преступного посягательства [19, с. 24; 22, с. 39]. В.Б. Хатуев обращает внимание, что для определенных составов преступлений признаки, характеризующие потерпевших, внедрены в них как некие параметры модели посягательства [21, с. 177–193].

Для верного применения искомого термина в составообразовании рассмотрим лексическое значение таких слов, как «свойство», «характеристика», «параметр» и «специальный».

¹ Новоселов Г.П. Объект преступления. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 2000. С. 133.

² Теория государства и права: учеб. пос. Ч. 2. Теория права / И.Л. Честнов. СПб., 2017. С. 93.

³ Сидоров В.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2012. С. 336.

Под свойством принято понимать качество, признак или характерную черту, составляющие отличительную особенность кого-либо или чего-либо; под характеристикой – описание отличительных качеств, свойств чего-либо; под параметром – измеряемой величиной, характеризующей ключевое свойство, состояние или техническую особенность системы или процесса¹. Слово «специальный» является прилагательным, означающим особое назначение.

В связи со сказанным наиболее точным для обозначения рассматриваемого феномена является термин «специальный потерпевший». Подобный вариант как раз и указывает на то, что потерпевший является не просто адресатом причинения вреда, а обязательным признаком состава преступления, чьи законодательно описанные параметры являются условием образования модели посягательства.

Подобное утверждение сочетается со сформировавшимся выделением специального субъекта преступления. Использование такого названия в конструкции того или иного состава преступления как раз и определяет его обязательное присутствие.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что «специальный потерпевший» – это лицо, обладающее конкретными, описанными в диспозиции нормы Особенной части УК РФ свойствами, характеристиками, параметрами, которые превращают его в конструктивный признак объекта модели преступного посягательства.

При квалификации конкретного деяния потерпевший может не учитываться в конструкции состава преступления, но иметь место при определенных событиях. В уголовном процессе такое лицо могут признавать в качестве участника. В таких случаях при определении уголовной ответственности правоприменитель учитывает признак потерпевшего. Например, в ч. 2 ст. 162 УК РФ предусмотрена ответственность за разбой, совершенный применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. В данной диспозиции не указано на какое-либо особое свойство потерпевшего. В абз. 3 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»² обращено внимание, что под применением названных предметов следует понимать их умышленное использование лицом как для физического воздействия на потерпевшего, так и для психического воздействия на него в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Из этого следует, что в механизме квалификации деяния потерпевший выполняет двоякую роль. Если в конструкции состава преступления его свойства прямо не указаны, то при квалификации преступления через факт воздействия на потерпевшего (физического или психического) имеется возможность установить наличие иных признаков модели общественно опасного посягательства. Таким образом, потерпевший в таких случаях выступает не как пассивный феномен, а как необходимый элемент фактических обстоятельств, через который объективируется общественная опасность деяния. Именно это обстоятельство правоприменитель учитывает при установлении уголовной ответственности и назначении справедливого наказания, несмотря на отсутствие прямого указания на потерпевшего в норме закона.

Таким образом, с учетом изложенного, в составе преступления следует выделять общего и специального потерпевшего. В первом случае таковой не учитывается при составообразовании, но может учитываться при привлечении виновного к уголовной ответственности, во втором случае он является конструктивным признаком состава преступления.

Список использованной литературы:

1. Анисимова И.А., Якушева Т.В., Усвят Н.Д. Понятие «потерпевший от преступления» в уголовном праве. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2021;(12–2):23–26.
2. Анощенко С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н.А. Лопашенко: монография. М.: Волтерс Клувер; 2006.
3. Бальжинимаева В.В., Барышева К.А. Юридическое лицо как потерпевший в уголовном праве: подходы юридической науки и практики. *Журнал российского*

References:

1. Anisimova I.A., Yakusheva T.V., Usvyat N.D. [The concept of "victim of a crime" in criminal law]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskije i obshchestvennyje nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(12–2):23–26. (In Russ.)
2. Anoshenkova S.V. [Criminal law doctrine of the victim / edited by N.A. Lopashenko]. Moscow: Volters Kluwer; 2006. (In Russ.)
3. Balzhinimaeva V.V., Barysheva K.A. [A legal entity as a victim in criminal law: approaches of legal science and practice]. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian*

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

права. 2022;(12(26)):133–144.

4. Будякова Т. Потерпевший: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и виктимологический анализ понятия. *Уголовное право*. 2006;(3):109–113.

5. Винокуров В.Н. Структура общественных отношений как объект преступлений и система Особенной части УК РФ. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2011;(1):20–26.

6. Владимирова О.А. Потерпевший в уголовном праве: проблема определения понятия. *Вестник Владимирского юридического института*. 2011;(2(19)):61–66.

7. Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве. Потерпевший от преступления. Владивосток: издательство Дальневосточного университета; 1974.

8. Захарова К.В. Соотношение понятий «жертва преступления» и «потерпевший от преступления». *Образовательная система: вопросы продуктивного взаимодействия наук в рамках технического прогресса: сборник научных трудов*. Казань; 2019.

9. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе: монография. Воронеж: издательство Воронежского университета; 1964.

10. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве: монография. Саратов: издательство Саратовского университета; 1976.

11. Куфлева В.Н. Лицо, совершившее преступление, в контексте учения о субъектах уголовно-правового отношения. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2025;(1(11)):415–426.

12. Мальков С.М., Винокуров В.Н. Потерпевший от преступления: уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понятие. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2018;(3(32)):64–69.

13. Нагиева Э.Э. К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат». *Российский следователь*. 2009;(18):12–16.

14. Петрова Г.О. Норма и правоотношения – средства уголовно-правового регулирования: монография. Н. Новгород: издательство Нижегородского университета; 1999.

15. Протченко Б.А. Потерпевший как субъект уголовных правоотношений. *Советское государство и право*. 1989;(11):78–83.

16. Пудовочкин Ю., Генрих Н. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях.

Law. 2022;(12(26)):133–144. (In Russ.)]

4. Budyakova T. [Victim: criminal law, criminal procedure and victimological analysis of the concept]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2006;(3):109–113. (In Russ.)]

5. Vinokurov V.N. [The structure of public relations as an object of crimes and the system of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2011;(1):20–26. (In Russ.)]

6. Vladimirova O.A. [Victim in criminal law: the problem of definition of the concept]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2011;(2(19)):61–66. (In Russ.)]

7. Dage P.S. [The victim in the Soviet criminal law. A victim of a crime]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University; 1974. (In Russ.)]

8. Zakharova K.V. [The relationship between the concepts of "victim of crime" and "victim of crime"]. *Obrazovatel'naya sistema: voprosy produktivnogo vzaimodejstviya nauk v ramkah tekhnicheskogo progressa: sbornik nauchnyh trudov = Educational system: issues of productive interaction of sciences within the framework of technological progress: collection of scientific papers*. Kazan; 2019. (In Russ.)]

9. Kokorev L.D. [The victim of a crime in the Soviet criminal process]. Voronezh: Voronezh University Press; 1964. (In Russ.)]

10. Krasikov A.N. [The essence and meaning of victim's consent in Soviet criminal law]. Saratov: Saratov University Press; 1976. (In Russ.)]

11. Kufleva V.N. [The person who committed a crime in the context of the doctrine of subjects of criminal law relations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki = Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*. 2025;(1(11)):415–426. (In Russ.)]

12. Malkov S.M., Vinokurov V.N. [Victim of a crime: criminal law and criminal procedure concept]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(3(32)):64–69. (In Russ.)]

13. Nagieva E.E. [On the question of the relation of the terms "harm", "damage", "consequences", "result"]. *A Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*. 2009;(18):12–16. (In Russ.)]

14. Petrova G.O. [Norm and legal relations – means of criminal law regulation]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press; 1999. (In Russ.)]

15. Protchenko B.A. [The victim as a subject of criminal legal relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and law*. 1989;(11):78–83. (In Russ.)]

16. Pudovochkin Yu., Henrikh N. [On the status of the victim in criminal law relations]. *Ugolovnoe pravo =*

Уголовное право. 2009;(6):55–59.

17. Сабитов Р.А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления». *Виктимология.* 2014;(1(1)):17–26.

18. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс; 2003.

19. Скобликов П.А. Особенности составов преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г. *Актуальные проблемы российского права.* 2025;(3):11–24.

20. Фаргиев И.А. Потерпевший от преступления (уголовно-правовые вопросы): монография. Хабаровск; 2001.

21. Хатуев В.Б. Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих признаков преступлений. *Актуальные проблемы российского права.* 2019;(3(100)):177–193.

22. Шеслер А.В. Состав преступления: монография. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России; 2016.

23. Яни П.С. Законодательное определение потерпевшего от преступления. *Российская юстиция.* 1995;(4):40–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Улитин Илья Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Criminal law. 2009;(6):55–59. (In Russ.)]

17. Sabitov R.A. [The relationship between the concepts of "victim of a crime", "victim of a crime" and "victim of a crime"]. *Viktimologiya = Victimology.* 2014;(1(1)):17–26. (In Russ.)]

18. Sidorenko E.L. [The negative behavior of the victim and the criminal law]. St. Petersburg: Jurid. center Press; 2003. (In Russ.)]

19. Skoblikov P.A. [Features of the composition of criminal acts against the rights of family members according to the Criminal Code of 1903]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law.* 2025;(3):11–24. (In Russ.)]

20. Fargiev I.A. [Victim of a crime (criminal law issues)]. Khabarovsk; 2001. (In Russ.)]

21. Khatuev V.B. [The criminal and legal significance of the special properties of the victim of a crime as the main or qualifying signs of crimes]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law.* 2019;(3(100)):177–193. (In Russ.)]

22. Shesler A.V. [Corpus delicti]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2016. (In Russ.)]

23. Yani P.S. [The legislative definition of a victim of a crime]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian justice.* 1995;(4):40–41. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya N. Ulitin

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРОВЕРКИ ПРОКУРАТУРЫ: ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВАКУУМА

Ярмухамедов Р.Ф.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Ярмухамедов Р.Ф. Правовая природа антикоррупционной проверки прокуратуры: гибридная модель в условиях процессуального вакуума. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):82–89. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-82-89>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ярмухамедов Ринат Фаридович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: yar_rf@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026

Статья принята к печати: 12.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: В статье исследуется правовая природа антикоррупционной проверки как особой формы деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Автор, опираясь на системный анализ законодательства, доказывает, что антикоррупционная проверка представляет собой гибридную (смешанную) модель. Ее формальной основой является административно-надзорная деятельность, однако содержательно она инкорпорирует ключевые элементы оперативно-розыскной и следственной работы: персонифицированный предмет, методы принудительного сбора информации, ориентацию на изобличение. Подобная гибридизация реализуется в условиях недостатка правового регулирования (процессуального вакуума) – вне отраслевых процессуальных режимов. Это приводит к дисбалансу между эффективностью контроля и гарантиями прав проверяемых лиц, в частности, к обходу конституционного требования судебного санкционирования для доступа к банковской и иной охраняемой законом тайне. В статье сформулирована дилемма дальнейшего развития данного института: его формализация с предоставлением базовых процессуальных гарантий или консервация в качестве эффективной, но потенциально произвольной «правовой аномалии».

Цель исследования – комплексный анализ правовой природы антикоррупционной проверки прокуратуры как гибридной формы государственной деятельности, выявление и устранение системного противоречия между ее административно-надзорной формой и содержательным наполнением.

Задачи исследования – провести анализ нормативно-правовой основы антикоррупционной проверки; выявить признаки, сближающие ее с оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью; обосновать наличие процессуальных пробелов и связанных с ним коллизий; определить перспективные направления совершенствования законодательства в данной сфере.

Методы исследования: диалектический, общенаучные методы (логический, системный, структурный, функциональный, обобщение), специальные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, правового моделирования).

Результаты проведенного исследования – обосновано, что антикоррупционная проверка прокуратуры эволюционировала в самостоятельное направление прокурорского надзора –

антикоррупционный надзор. Его гибридный характер, сочетающий административные и розыскные элементы в условиях внепроцессуального режима, создает объективные правовые коллизии. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления особого статуса данного института, в том числе посредством внесения изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» для четкого разграничения компетенции и методов работы.

Ключевые слова: прокурорский надзор, антикоррупционная проверка, противодействие коррупции, процессуальные гарантии, гибридные формы контроля, банковская тайна, оперативно-розыскная деятельность.

LEGAL NATURE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE ANTI-CORRUPTION INSPECTION: A HYBRID MODEL IN THE CONTEXT OF A PROCEDURAL VACUUM

Rinat F. Yarmukhamedov

FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Yarmukhamedov R.F. Legal nature of the prosecutor's office anti-corruption inspection: a hybrid model in the context of a procedural vacuum. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):82–89. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-82-89>

CONTACT INFORMATION:

Rinat F. Yarmukhamedov, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: yar_rf@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 14.01.2026

The article has been accepted for publication: 12.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: The article examines the legal nature of the anti-corruption inspection as a special form of activity of the prosecutor's office of the Russian Federation. Based on a systematic analysis of legislation, the author argues that the anti-corruption inspection is a hybrid (mixed) model. Its formal basis is administrative and supervisory activity; however, it incorporates key elements of operational investigative and pre-investigation work: a personalized subject, methods of coercive information gathering, and an incriminatory focus. This hybridization operates in the context of a «procedural vacuum» – outside the sectoral procedural regimes. This leads to a systemic imbalance between the effectiveness of control and the guarantees of the rights of the persons being inspected, in particular, to the circumvention of the constitutional requirement for judicial authorization to access banking and other secrets protected by law. In conclusion, the author formulates a dilemma for the further development of this institution: its formalization with the provision of basic procedural guarantees or its preservation as an effective but potentially arbitrary «legal anomaly».

Purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal nature of the prosecutor's office anti-corruption inspection as a hybrid form of state activity, identifying the systemic contradiction between its administrative-supervisory form and its substantive content.

Objectives of the study are to analyze the regulatory framework of the anti-corruption inspection; to identify features that bring it closer to operational investigative and criminal procedural activities; to substantiate the existence of a «procedural vacuum» and related conflicts; to identify promising areas for improving legislation in this area.

Research *methods*. Dialectical, general scientific methods (logical, systemic, structural, functional, generalization), special methods (comparative legal, formal legal, legal modeling).

Research *results*. It is substantiated that the prosecutor's office anti-corruption inspection has evolved into an independent branch of prosecutorial supervision – anti-corruption supervision. Its hybrid nature, combining administrative and investigative elements within a non-procedural regime, creates objective legal conflicts. The conclusion is made about the need for legislative consolidation of the special status of this institution, including through amendments to the Federal Law «On Operational Investigative Activities» for a clear delineation of competence and working methods.

Keywords: prosecutorial supervision, anti-corruption inspection, combating corruption, procedural guarantees, hybrid forms of control, bank secrecy, operational investigative activity.

Введение

Институт антикоррупционной проверки, закрепленный в ст. 8.1 Федерального закона 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ и детализированный в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² (далее – Закон № 273-ФЗ), стал одним из ключевых инструментов в арсенале прокуратуры. Его предназначение – обеспечение контроля за соблюдением запретов и ограничений лицами, замещающими государственные и муниципальные должности. Однако стремительное расширение полномочий прокурора, в особенности права на внесудебное истребование сведений, составляющих банковскую тайну, породило в научной доктрине и правоприменительной практике острые дискуссии о правовых пределах такого вмешательства.

На особенности проведения антикоррупционных проверок и организации надзора за исполнением антикоррупционного законодательства обращали внимание в научных работах Ю.А. Винокуров³, И.Ю. Мурашкин [7], А.Д. Ильяков [4], Ф.Г. Шахкелдов [10], И.И. Бикеев [1], С.Г. Бывальцева [2] др. А.Н. Митин с соавторами анализирует термины «правовой механизм», «правовые средства», применяемые органами прокуратуры в системе противодействию коррупции [6, с. 71–72].

Правильное понимание роли и значения, а также содержания предмета деятельности позволяет наиболее эффективным образом организовать деятельность органов прокуратуры вообще, а также деятельность прокуроров в том или ином направлении [5, с. 209].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовой природы антикоррупционной проверки. Полагаем возможным выдвинуть и обосновать тезис о том, что данная проверка не является классической формой общего надзора, а представляет собой специфическую гибридную модель, сочетающую административно-надзорную форму с розыскным содержанием. Эта гибридность, будучи эффективной для выявления латентных правонарушений, создает «процессуальный вакуум», порождающий коллизию между публичным интересом в искоренении коррупции и конституционными гарантиями прав личности.

Методы исследования

Методология исследования сочетает различные подходы. Диалектический метод позволил выявить противоречие между административно-надзорной формой антикоррупционной проверки и ее содержательным наполнением, а также между потребностью в эффективном противодействии коррупции и необходимостью соблюдения прав личности. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления процедуры антикоррупционной проверки с уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью (далее – ОРД). Системный и структурный методы позволили рассмотреть проверку как элемент системы прокурорского надзора и выявить взаимосвязи ее элементов. Метод правового моделирования использован для определения возможных путей развития исследуемого института (формализация либо консервация). Эмпирическую основу исследования составил анализ приказов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регламентирующих порядок проведения проверок и материалов прокурорской практики, обобщенных автором.

¹ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

³ Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов / А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров; под общ. ред. А.Ю. Винокурова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 400 с.

Результаты исследования

Анализ нормативной базы и правоприменительной практики позволяет утверждать, что антикоррупционная проверка прокуратуры не укладывается в классические рамки надзора за исполнением законов. Выявлен ряд существенных характеристик, позволяющих квалифицировать ее как самостоятельное направление прокурорской деятельности – антикоррупционный надзор. Сформулированы критерии развития данного направления прокурорского надзора в условиях необходимости совершенствования правового регулирования антикоррупционных полномочий органов прокуратуры и действующего законодательства.

Научная дискуссия

Прокурорская проверка – основное средство выявления нарушений. Как отмечает Т.Ф. Фомина, одна из проблем правового регулирования прокурорского надзора в области противодействия коррупции заключается в неоднозначном определении самого понятия прокурорской проверки и отсутствии единообразного порядка ее проведения, что порождает противоречивую судебную практику и ставит под сомнение доказательственную силу ее результатов [9, с. 260].

Методика и тактика прокурорской проверки в определенной степени определяют пределы собственного усмотрения прокурора, осуществляющего надзорную функцию прокуратуры. И наоборот, собственное усмотрение прокурора оказывает прямое влияние на формирование методики и тактики прокурорской проверки. В этом скрыта важная проблема пределов прокурорского усмотрения при реализации стоящих перед прокурором профессиональных задач и используемых при этом полномочий [8, с. 30].

На формально-правовом уровне антикоррупционная проверка обладает всеми атрибутами прокурорского надзора. Ее основанием служит не столько конкретное обращение или сообщение о преступлении, сколько плановая или внеплановая деятельность прокуратуры в рамках установленной законом компетенции. Предметом является соблюдение специальных антикоррупционных норм (запреты, ограничения, обязанность предоставления сведений о доходах). Результатом выступают традиционные акты прокурорского реагирования – представления, предостережения, а также направление материалов в следственные органы. В отдельных случаях специальным актом реагирования может служить требование об устранении коррупциогенных факторов в нормативно-правовом акте¹. Таким образом, в своей внешней процессуальной форме проверка укладывается в парадигму надзора за исполнением федерального законодательства.

Между тем, надзор за исполнением законов о противодействии коррупции обладает своей спецификой, обусловленной в первую очередь инициативными действиями прокурорских работников. Обращения граждан о нарушении коррупционного законодательства должностными лицами в общей структуре жалоб незначительны. По этой причине высокая латентность коррупционных правонарушений требует применения специальным методов проведения прокурорской проверки, вследствие чего деятельность прокурорских работников в указанной сфере приобретает свойства добычи и проверки информации в отношении субъекта антикоррупционного законодательства.

Так, согласно Приказу Генпрокуратуры России от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции»², прокурорские работники ориентированы на получение значимой информации путем взаимодействия с общественными объединениями, иными институтами гражданского общества, средствами массовой информации, субъектами предпринимательской деятельности. Предписано инициативно проверять исполнение законодательства о противодействии коррупции в поднадзорных федеральных органах исполнительной власти, законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, органах военного управления, органах контроля, а также органами управления и руководителями

¹ См.: ч. 3 ст. 4 Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; п. п. 2 и 3 ст. 9.1 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: Приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581 (ред. от 17.11.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

коммерческих и некоммерческих организаций, служащими (работниками), на которых в соответствии с требованиями законов распространяются ограничения и запреты.

Анализ практики проведения антикоррупционных проверок, в частности соответствия расходов, выявляет иную, глубинную сущность данной деятельности, сближающую ее с оперативно-разыскной и следственной работой. Сущностной характеристикой антикоррупционной проверки становятся содержательные элементы розыска.

В отличие от общего надзора, объектом здесь является не организация или состояние законности в интересующей сфере, а «конкретное физическое лицо» (госслужащий, члены его семьи). Цель – не выявить формальное нарушение, а составить его «коррупционный профиль», обнаружив латентное несоответствие между декларируемыми доходами и реальным имущественным положением. Это характерно для стадии проверки сообщения о преступлении или оперативной разработки. При проведении проверки исполнения антикоррупционного законодательства персонифицированный предмет проверки заключается в анализе информации в отношении государственного служащего или иного конкретного лица, на которого в силу закона распространяются антикоррупционные запреты и ограничения.

Например, в соответствии со ст. 8.2. Закона № 273-ФЗ генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры не позднее 10 рабочих дней со дня получения материалов для контроля за законностью получения денежных средств, принимают решение об осуществлении проверки, отдельно в отношении каждого проверяемого лица. Решение оформляется в письменной форме.

Такая формализация административно-принудительной процедуры необходима для определения процессуальных сроков прокурорской проверки, наделения прокурора статусом, предполагающим применение специальных средств проверки. При этом прокурор не просто вправе, а обязан:

- 1) истребовать у проверяемого лица сведения, подтверждающие законность получения денежных средств;
- 2) изучать дополнительные материалы, представленные проверяемым лицом;
- 3) провести беседу с проверяемым лицом в случае поступления ходатайства.

Таким образом законодатель закладывает формализованные контуры процессуальных полномочий прокурора, схожих с методами сбора, проверки и оценки доказательств в судопроизводстве.

В подтверждение вывода о специфике коррупционной проверки органов прокуратуры свидетельствуют методы принудительного сбора информации. При этом нельзя согласиться с некоторыми авторами, считающими, что в контуре проверки доходов и расходов прокуроры лишены самостоятельно осуществлять подобного рода проверки и выступают лишь в качестве связующего звена между государственными (муниципальными) органами и судом [3, с. 294]. Напротив, прокурор использует властные полномочия, аналогичные самым инвазивным следственным действиям, но без процессуальных рамок Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Внесудебное истребование банковской тайны – наиболее яркий пример. Это прямое вторжение в сферу частной жизни (ст. 23 Конституции РФ¹), которое в уголовном процессе (ст. 183 УПК РФ²) требует судебного решения. Опрос (беседа) с проверяемым проводится под угрозой привлечения к административной ответственности за дачу заведомо ложных пояснений (ст. 17.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³), что психологически и юридически сближает его с допросом.

Тактико-аналитический характер прокурорской проверки формирует ее цель-ориентир. Как правило, последовательность действий (анализ декларации – запросы в банки – опросы – построение финансовых схем) представляет собой аналитико-поисковую работу, направленную на доказывание факта правонарушения. Фактической целью является не просто устранение нарушения, а сбор

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием (с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года): принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

достаточной информации для передачи материалов в Следственный комитет Российской Федерации для возбуждения уголовного дела или для предъявления антикоррупционного иска об обращении имущества в доход государства. Таким образом, проверка выполняет функцию «шлюза» в уголовное или гражданское судопроизводство, а материалы прокурорской проверки приобретают силу доказательств для соответствующего судопроизводства.

На этом этапе и могут возникнуть сложности правовых последствий гибридной модели прокурорской проверки: «процессуальный вакуум» и дисбаланс гарантий.

Целью прокурорской проверки в рамках классических отраслей надзора является устранение нарушений закона, правовостановительная функция, направленная на обеспечение единства правового пространства и исполнение требований правовых актов всеми субъектами правоотношений. Об этом свидетельствует содержание требований и механизмов восстановления правового режима. Так по результатам представления об устранении нарушений закона проверяемый субъект самостоятельно принимает меры в течение 30 суток для устранения нарушений закона, в рамках протеста оспариваемый нормативно-правовой акт изменяется или отменяется органом, рассматривающим акт реагирования. Между тем, ряд механизмов антикоррупционной проверки имеет дополнительную цель, направленную не столько на устранение нарушений должностным лицом, сколько функцию инициирования механизмов ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной, деликтной). Ход прокурорской проверки характеризуется применением практически неограниченного спектра мер административно-правового принуждения к государственному служащему, в том числе как самостоятельный опрос, истребование сведений и документов, так и инициированием дополнительных механизмов негласного получения информации в рамках ОРД (ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон «Об ОРД»)).

При наличии запроса, направленного в соответствии с Законом № 273-ФЗ, другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции, органы дознания проводят оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в целях добывания информации о достоверности и полноте сведений, представляемых лицами, замещающими должности, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки достоверности сведений.

На практике основанием проведения таких ОРМ служит информация, поручение или иной документ органов прокуратуры, запускающий механизм негласного получения информации в сфере исполнения антикоррупционного законодательства в порядке ст. 7 Закона «Об ОРД». Следует отметить, что в действующем законодательстве не определен спектр возможных оперативных мероприятий, проведение которых допускается в случае коррупционной проверки.

Так, действующая формулировка ст. 7 Закона «Об ОРД» о возможности проведения ОРМ для целей антикоррупционного законодательства лишь порождает дополнительные вопросы. В ст. 8 Закона «Об ОРД» при проведении ОРМ по основаниям, предусмотренным п. 1–4, 6, 6.1 и 7 ч. 2 ст. 7 Закона «Об ОРД», запрещается осуществление действий, указанных в п. 8–11 ч. 1 ст. 6 Закона «Об ОРД». В то же время, проведение ОРМ (обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи) для целей противодействия коррупции в данной норме не ограничены. Возникает существенная коллизия норм, при которой для целей уголовного судопроизводства применяются более суровые ограничения по видам ОРМ, нежели к процедуре, инициированной органами прокуратуры по вопросам противодействия коррупции, что прямо не связано с проверкой информации о возможном преступлении.

Существуют отдельные законодательные пробелы предоставления указанных ОРМ в органы прокуратуры, что требует отдельной дискуссии. Дополнительно отметим лишь то, что Инструкция²,

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² См.: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

определяя порядок предоставления результатов ОРД для целей уголовного судопроизводства, не регламентирует порядок предоставления результатов ОРД для целей антикоррупционной проверки.

Отчасти ограничения розыскных действий органов дознания компенсируется инициативными действиями прокурорских работников. Например, использование специализированных информационных ресурсов и информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИС МЭВ) соотносится с процедурой «наведение справок», результатом которой является выявление несоответствий в антикоррупционном поведении государственного служащего.

При таких обстоятельствах сосуществование надзорной формы и розыскного содержания порождает системную проблему – «процессуальный вакуум». Деятельность протекает вне отраслевых процессуальных кодексов, что приводит как дефициту гарантий для проверяемого лица, так и коллизиям задействия иных процессуальных институтов, а именно:

1. «Отсутствие четкого процессуального статуса». Лицо не является ни подозреваемым, ни обвиняемым, ни свидетелем по УПК РФ, оставаясь в неопределенном положении «проверяемого», что лишает его права на защитника с момента начала проверки.

2. «Ограничение права на защиту от самоизобличения». Хотя формально ст. 51 Конституции РФ действует, отказ от дачи пояснений в рамках проверки де-факто рассматривается как косвенное свидетельство вины и ухудшает положение лица.

3. «Обход конституционного фильтра судебного санкционирования». Внесудебный доступ к банковской тайне подменяет независимый судебный контроль внутриведомственным решением прокурора, что ставит под сомнение соразмерность ограничения прав.

4. «Слияние функций». Прокурор в одном лице совмещает функции лица, выявляющего нарушение, оценивающего его и иницирующего принуждение (иск, направление материалов в Следственный комитет Российской Федерации), что противоречит базовому принципу разделения обвинительной и судебной власти.

В заключение следует отметить, что антикоррупционная проверка прокуратуры представляет собой специфическую правовую аномалию, сложившуюся в ответ на запрос о быстрой и эффективной нейтрализации коррупционных рисков. Это гибридный институт, где законодатель делегировал органу надзора несвойственные ему розыскные и квазиследственные полномочия для проактивного управления рисками.

При таких обстоятельствах надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции следует выделить в новую отрасль. На это указывает отдельный предмет проверки, а также использование специальных методов надзора, не свойственных в полном объеме для надзора за исполнением федерального законодательства.

Перспективы развития данного института лежат в плоскости разрешения фундаментальной дилеммы:

1. Путь формализации: закрепление в законе базовых процессуальных гарантий для проверяемого (право на адвоката с определенного этапа, судебный порядок санкционирования доступа к особо охраняемым конституционным правам), что повысит легитимность проверки, но может снизить ее оперативность.

2. Путь консервации: сохранение существующей модели как эффективного, но находящегося в «серой зоне» инструмента, что чревато рисками произвола и эрозии доверия к правовым институтам.

Выбор между эффективностью, основанной на широких дискреционных полномочиях, и правовыми гарантиями, обеспечивающими справедливость процедуры, определяет будущее антикоррупционной проверки как ключевого элемента в системе публично-правового контроля.

Список использованной литературы:

1. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционных проверок в субъектах Российской Федерации: препринт. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета; 2022.
2. Бывальцева С.Г. Основание прокурорской проверки в контексте законности ее проведения. *Право и государство: теория и практика*. 2025;(4):191–193.
3. Гареева Э.Р., Хасанов И.Г. Проблемы и перспективы

References:

1. Bikeev I.I., Kabanov P.A. Legal regulation of the organization and conduct of anti-corruption inspections in the subjects of the Russian Federation: preprint. Kazan: Publishing house "Cognition" of Kazan Innovation University; 2022.
2. Byvaltseva S.G. The basis of the prosecutor's inspection in the context of the legality of its conduct. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2025;(4):191–193.
3. Gareeva E.R., Khasanov I.G. Problems and prospects of

развития прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в публичных органах власти. *Право и государство: теория и практика*. 2023;(4(220));293–295.

4. Ильяков А.Д. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции. *Законность*. 2021;(3):33–36.

5. Коршунова О.Н., Головки И.И. Предмет деятельности прокурора – новая категория или необходимость. *Вестник Томского государственного университета*. 2017;(423):207–218.

6. Митин А.Н., Рассохин А.В., Соболев О.В. О правовом механизме реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции. *Российское право: образование, практика, наука*. 2024;(2):70–77.

7. Мурашкин И.Ю. Надзор за исполнением законодательства о представлении сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. *Законность*. 2025;(7):17–22.

8. Смирнов А.Ф. К вопросу о методике и тактике прокурорской проверки. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2019;(8(60)):26–39.

9. Фомина Т.Ф. Полномочия прокурора в рамках прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции. *Право и государство: теория и практика*. 2025;(2):259–260. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_259.

10. Шахкелдов Ф.Г. Антикоррупционные иски и уголовная ответственность. *Право и практика*. 2025;(3):82–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярмухамедов Ринат Фаридович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

development of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on combating corruption in public authorities. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2023;(4(220));293–295.

4. Ilyakov A.D. Improving the prosecutor's supervision of the implementation of anti-corruption laws. *Zakonnost' = Legality*. 2021;(3):33–36.

5. Korshunova O.N., Golovko I.I. The subject of the prosecutor's activity is a new category or necessity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2017;(423):207–218.

6. Mitin A.N., Rassokhin A.V., Sobolev O.V. On the legal mechanism for the exercise of powers by the prosecutor's office in the field of anti-corruption. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2024;(2):70–77.

7. Murashkin I.Y. Supervision of the implementation of legislation on the provision of information on income, property and property-related obligations. *Zakonnost' = Legality*. 2025;(7):17–22.

8. Smirnov A.F. On the methodology and tactics of the prosecutor's inspection. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2019;(8(60)):26–39.

9. Fomina T.F. The powers of the prosecutor in the framework of prosecutorial supervision of the implementation of legislation on combating corruption. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2025;(2):259–260. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_259.

10. Shakhkeldov F.G. Anti-corruption lawsuits and criminal liability. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2025;(3):82–89.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rinat F. Yarmukhamedov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, FGBOU VO "Kuban State University"